

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1962 году

ВЫПУСК 25

САРАТОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2014

УДК 930.1(09)(082)
ББК 63.1(0)
И90

Редакционная коллегия:

проф. *А. И. Аврус*, канд. ист. наук *М. С. Бобкова*, проф. *А. Н. Галямичев*,
проф. *В. Н. Данилов*, проф. *В. И. Кащеев*,
канд. ист. наук *О. В. Кочукова* (отв. секретарь),
проф. *С. А. Мезин* (отв. редактор), проф. *В. Н. Плешков*

Рецензент

доктор исторических наук *Е. И. Демидова*
(Саратовский государственный социально-экономический университет)

Историографический сборник : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во
И90 Сарат. ун-та, 2014. – Вып. 25. – 176 с.

Очередной выпуск «Историографического сборника» содержит статьи и публикации, посвященные отечественной и зарубежной историографии XVI–XXI вв. Тематика статей разнообразна: от французской историографии эпохи Ренессанса до региональной историографии культуры Саратовского Поволжья. Речь идет об исторических трудах и взглядах известных историков: И. И. Дитятина, М. К. Любавского, А. А. Кизеветтера, М. Н. Покровского, Н. Я. Эйдельмана, А. А. Формозова, Р. Пайпса. Ряд материалов посвящен творчеству саратовских историков.

Сборник адресован научным работникам, студентам и аспирантам гуманитарных вузов и всем интересующимся прошлым и настоящим исторической науки.

УДК 930.1(09)(082)
ББК 63.1(0)

ISSN 0130-6839

© Саратовский государственный
университет, 2014

СТАТЬИ

М. В. Ковалев, С. А. Мезин

К юбилею двух саратовских историков: Л. А. Дербов и Г. Д. Бурдей

В истории нередко случается, что судьба поразительным образом связывает жизни людей. Так уж совпало, что 2009 год был отмечен юбилеями сразу двух видных саратовских историков: 100-летием профессора Леонарда Адамовича Дербова (1909–1994) и 90-летием профессора Григория Давыдовича Бурдея (1919–1999). При этом оба юбилея пришлись на столетнюю годовщину основания Саратовского университета, в котором оба историка – учитель и ученик – проработали много десятилетий.

Л. А. Дербов оказался в Саратове уже сложившимся историком. Его путь к профессии университетского преподавателя был непростым. Родился он 10 октября 1909 г. в белорусском городе Барановичи в семье железнодорожника. В юности Л. А. Дербов увлекался чтением, игрой на скрипке, спортом и, кажется, не собирался стать историком. Как он сам вспоминал, после окончания школы в конце 1920-х гг. пришлось испытать на себе безработицу, а затем трудиться на стройке в качестве чернорабочего. Хотелось стать геологом, географом, астрономом, на худой конец – филологом, литературным критиком. Но в университет принимали в первую очередь членов партии, участников гражданской войны, детей рабочих; конкурсы доходили до 90 человек на место. Самый низкий конкурс в Ленинградском университете (всего 13 человек на место) оказался на историческом отделении, куда ему удалось поступить в 1928 году¹. Историческая наука переживала тогда трудные времена. В 1930 г. были репрессированы почти все историки-профессионалы с дореволюционным стажем, в том числе и многие университетские преподаватели Л. А. Дербова. Исторические факультеты были реорганизованы, преподавание истории в школах было прекращено. Л. А. Дербову пришлось учиться на ямфаке – факультете языка и материальной

¹ *Дербов Л. А.* Страницы воспоминаний. Саратов, 2009. С. 106–107.

культуры. Окончив его за три года, он преподавал социально-экономические дисциплины в Новочеркасском педагогическом техникуме. Здесь, на Дону, Леонарду Адамовичу пришлось пережить страшный голод 1933 года. «Видел трупы умерших от голода людей на дорогах и даже в центре Ростова, <...> наблюдал “Поднятую целину”, хотя и не совсем так, как Шолохов»², – вспоминал он.

В 1934 г., когда были восстановлены исторические факультеты в столичных университетах, Л. А. Дербов поступил в аспирантуру истфака МГУ. Его научным руководителем был С. В. Бахрушин. Учеба в аспирантуре проходила успешно. Леонард Адамович до конца жизни с особой теплотой вспоминал своих учителей и однокашников по Московскому университету – С. В. Бахрушина, Н. Л. Рубинштейна, Н. М. Дружинина, А. М. Панкратову, С. С. Дмитриева, А. Л. Нарочницкого и др.

Под руководством С. В. Бахрушина Л. А. Дербовым была написана работа «Русско-польские отношения при Борисе Годунове и первый Лжедмитрий»³. Здесь автор склонялся к мнению, что Лжедмитрий I был ставленником польских магнатов. С. В. Бахрушин высоко оценил труд своего ученика, который «сделал ряд новых выводов, <...> которые свидетельствуют о большой исследовательской работе и самостоятельности». Но работа не была защищена в качестве диссертации и осталась неопубликованной. Очевидно, что аспирантура не рассматривалась тогда как конвейер по подготовке кандидатов наук. С. В. Бахрушин высоко ценил своего ученика, что видно из его письма к Л. А. Дербову: «Кто раз со мной работал по-настоящему, как Вы, того я продолжаю неизменно считать своим учеником и дорожить общением с ним <...>»⁴. Школа С. В. Бахрушина приобщила Л. А. Дербова к изучению внешней политики и дипломатии Московской Руси и приучила к внимательному изучению источников на разных языках.

В 1937 г. вместе с друзьями-аспирантами Л. А. Дербов участвовал в устройстве выставки на истфаке МГУ, которая была признана «идеологически вредной» и осуждена в печати. Говорили, что причиной осуждения послужил портрет И. В. Сталина, случайно помещенный над картинами опричного террора. После этого случая выпускника аспирантуры, у которого в характеристике было записано «допускал политические ошибки», никто не хотел брать на работу. В дальнейшем репрессии Л. А. Дербова миновали, но урок 1937 г. запомнился на всю жизнь.

Проработав год в Сталинградском пединституте, Л. А. Дербов в 1938 г. переехал в Саратов – вся дальнейшая его жизнь была связана с историческим факультетом Саратовского университета. В коллективе кафедры истории СССР, кото-

² Дербов Л. А. Страницы воспоминаний. С. 206.

³ ГАСО. Ф. 3731 (Л. А. Дербов). Оп. 1. Д. 31, 33.

⁴ Там же. Д. 116.

рый тогда возглавляла опальная, сосланная из Москвы А. М. Панкратова, Л. А. Дербов занял достойное место. Отечественную историю приходилось читать в паре с известным впоследствии ленинградским историком А. Л. Шапиро. Студенты довоенного истфака тянулись к науке, к живому общению с преподавателями. Среди первых кружковцев и спецсеминаристов Л. А. Дербова был Гриша Бурдей.

Г. Д. Бурдей родился 21 января 1919 г. на Украине в селе Ладыженка Черкасской области. Вскоре вместе с родителями он переехал в Саратов, с которым будет связана вся его дальнейшая жизнь. Здесь он в 1937 г. окончил среднюю школу № 21 и поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета. Г. Д. Бурдей повезло с преподавателями. Среди них выделялась А. М. Панкратова, о которой у историка сохранились теплые воспоминания на всю жизнь. Но наибольшее влияние на Г. Д. Бурдея оказал молодой тогда Л. А. Дербов. Г. Д. Бурдей начал заниматься в его спецсеминаре и сделал там свой первый научный доклад. Он был посвящен теме, которая на долгие годы станет для ученого главной, – борьбе Московского государства с Крымом и Турцией в XVI веке. Так впервые пересеклись судьбы двух историков, так было положено начало их творческому содружеству, переросшему затем в дружбу.

Г. Д. Бурдей перешел на пятый курс, когда началась Великая Отечественная война. Сдав последние экзамены, он вместе с товарищами ушел добровольцем на фронт и был отправлен на подготовку в Могилевское пехотное училище, эвакуированное в г. Вольск. Несмотря на тяжелую ситуацию на фронте в 1941 г., недоучившимся студентам разрешили экстерном завершить образование. Г. Д. Бурдей на «отлично» сдал государственные экзамены комиссии под председательством профессора Н. Л. Рубинштейна, и 31 декабря 1941 г. ему был вручен диплом об окончании исторического факультета СГУ.

В 1942 г. Г. Д. Бурдей был направлен для обучения на курсы военных переводчиков в Военный институт иностранных языков в Ставрополе-на-Волге (нынешний г. Тольятти). И уже в качестве переводчика он прошел войну до конца. Интересно, что одновременно с Г. Д. Бурдеем в Институте учился другой выпускник саратовского истфака – В. А. Ермолаев, в дальнейшем крупный ученый-медиевист и специалист по истории Германии⁵.

Тяга к науке была для Г. Д. Бурдея превыше всего. И в 1946 г. он поступил в аспирантуру исторического факультета. Здесь он вновь встретился с Л. А. Дербовым, который стал его научным руководителем. Тяжелая глазная операция, перенесенная в молодости, не позволила Л. А. Дербову пойти на фронт в годы войны. В 1941–1942 гг. он был занят на хозяйственных и оборонных работах. В 1944 г. защитил в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию «Борьба

⁵ См.: *Ермолаев В. А.* «Без гнева и пристрастия»: Записки историка. Саратов, 2009. С. 216.

Русского государства за выход к Балтийскому морю в XVI веке» (оппоненты – В. В. Мавродин и О. Л. Вайнштейн). Таким образом, изучение истории Ливонской войны, начатое еще в конце 1930-х гг., завершилось защитой диссертации и публикацией серии статей⁶, которые были оценены и использованы специалистами по изучению XVI века (В. Д. Королюком, А. А. Зиминим, Р. Г. Скрынниковым, С. О. Шмидтом и др.) В диссертации были рассмотрены лишь первые этапы Ливонской войны – разгром Ливонского ордена и начало борьбы за Прибалтику с Польско-Литовским государством. Автор сделал немало оригинальных наблюдений, особенно в вопросе о кандидатуре Ивана Грозного на польский престол. Конечно, в обобщающих оценках Л. А. Дербов не избежал столь характерной для того времени идеализации Ивана Грозного и его внешней политики. Друзья и коллеги Леонарда Адамовича (А. М. Панкратова, Н. Л. Рубинштейн) советовали ему сразу же заняться докторской диссертацией по внешней политике XVI века. Однако судьба распорядилась по-другому. Изучение внешней политики России XVI–XVII вв. продолжили ученики Леонарда Адамовича – И. В. Галактионов и Г. Д. Бурдей. Сам же он после не очень удачных (по его мнению) попыток сказать новое слово о ранней истории русско-китайских отношений перешел к изучению русского просветительства XVIII в.

В 1944 г. Л. А. Дербов стал заведующим кафедрой истории СССР – более чем на четверть века (1944–1970). Под его руководством сформировался высококвалифицированный коллектив, в котором достойное место занял впоследствии и Г. Д. Бурдей. Руководителю кафедры Л. А. Дербову в конце 1940-х гг. пришлось отстаивать в обкоме партии кандидатуру молодого перспективного преподавателя, у которого, как тогда считалось, не все было благополучно с «пятым пунктом».

В аспирантуре Григорий Давыдович продолжил заниматься сюжетами, избранными еще в студенческие годы. Результатом упорных трудов стала защита кандидатской диссертации «Борьба России против агрессии султанской Турции и ее вассала Крымского ханства в XVI в.». Авторитетные оппоненты – Е. Н. Кушева, А. С. Тверетина и Л. В. Черпенин – высоко оценили исследование начинающего историка. Они отмечали, что автору удалось рассмотреть историю взаимоотношений России с ее южными соседями в контексте общеевропейских внешнеполитических проблем.

⁶ Дербов Л. А. К истории падения Ливонского ордена // Ученые записки Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. 1947. Т. 17, вып. исторический. С. 157–174; *Он же*. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572–1576) // Там же. 1954. Т. 39, вып. исторический. С. 176–215; *Он же*. Борьба Русского государства за Прибалтику и Белоруссию в 60-х гг. XVI в. // Там же. 1956. Т. 47, вып. исторический. С. 149–181 и др.

Эта тема надолго стала определяющей в научном творчестве Г. Д. Бурдея⁷. Его исследования в области внешней политики России XVI в., по словам его учителя, «внесли немало нового в освещение внешнеполитических проблем XVI века»⁸.

Казалось бы, история взаимоотношений России с ее южными соседями была уже хорошо изучена, о чем свидетельствовали работы А. А. Новосельского, Н. А. Смирнова, П. А. Садикова, Е. Н. Кушевой, но Г. Д. Бурдею удалось по-новому подойти к осмыслению многих исторических сюжетов. Это стало возможным благодаря его неустанной работе с фондами Центрального государственного архива древних актов. Помогло и знание иностранных языков, позволявшее использовать малоизвестные зарубежные источники, например документы по истории Румынии, собранные Е. Хурмузаки во 2-й половине XIX в., или флорентийское издание 1842 г. Е. Альбери документов по истории Турции XVI в. Результаты своих исследований Г. Д. Бурдей представил в небольшой по объему, но чрезвычайно информативной и содержательной книге о русско-турецкой войне 1569 г., в которой он всесторонне изучил этот эпизод из истории международных отношений⁹. Вторая книжка Г. Д. Бурдея была написана в соавторстве с известными российскими историками В. И. Бугановым и В. И. Корецким¹⁰. Она посвящена истории подмосковного города Серпухова в XVI – начале XVII в. Григорию Давыдовичу здесь принадлежит большинство глав, в том числе центральная, посвященная Молодинской битве 1572 года.

1960–1970-е гг. стали очень плодотворным периодом в научной деятельности Л. А. Дербова. Он перешел к изучению истории XVIII века, занялся трудами русских просветителей. Главным героем его исследований стал выдающийся журналист, книгоиздатель, просветитель Н. И. Новиков. Л. А. Дербов сформулировал свое понимание русского просветительства второй половины XVIII в., которое

⁷ См.: Бурдей Г. Д. Борьба России за Среднее Поволжье в XVI в. // Преподавание истории в школе. 1954. № 5. С. 27–36; *Он же*. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40–50 годы XVI в. // Ученые записки Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. 1956, вып. исторический. Т. 47. С. 183–205; *Он же*. Молодинская битва 1572 года // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. 1963. Т. 26. С. 48–79; *Он же*. Была ли русско-турецкая война 1569 года «пьесой без начала и конца»? // История СССР. 1964. № 3. С. 217–219; *Он же*. Некоторые вопросы дипломатической истории Восточной Европы XIV–XVI вв. // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966. С. 192–212; *Он же*. Восточная Европа и Запад в XVI в. // Международные связи Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М., 1968. С. 28–53 и др.

⁸ Дербов Л. А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 50.

⁹ Бурдей Г. Д. Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962.

¹⁰ Буганов В. И., Бурдей Г. Д., Корецкий В. И. Из истории русского города XVI–XVII веков (Серпухов и Серпуховский край). Саратов, 1981.

отличалось усиленным вниманием к крестьянскому вопросу и поиском классовых корней этого сложного явления. Социальный подход к просветительству как к комплексу идей, готовившему появление освободительного движения, и сегодня имеет место в отечественной историографии, хотя Просвещение и просветительство все чаще трактуются как более широкое идейное движение. Л. А. Дербов не отрицал сложности мировоззрения Н. И. Новикова, во многом обусловленной влиянием масонства, но подчеркивал, что «просветитель всегда брал в нем верх». В соответствии с традицией советской историографии масонство оценивалось исследователем негативно, как «реакционно-мистические заблуждения». В работах Л. А. Дербова показано, как много было сделано Н. И. Новиковым для публикации трудов и источников по русской истории. Исторические труды Н. И. Новикова были осмыслены Л. А. Дербовым как цельное явление отечественной историографии XVIII века. В 1974 г. Леонард Адамович защитил свою книгу о Н. И. Новикове в качестве докторской диссертации¹¹. Просветительскую тематику продолжила его книга об исторических взглядах русских просветителей¹², в которой было представлено целое направление в русской историографии середины–второй половины XVIII в., связанное с именами М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова, Я. П. Козельского, С. Е. Десницкого, И. А. Третьякова, А. Н. Радищева. Книги Л. А. Дербова «Введение в изучение истории» (М., 1981), «Историческая наука в Саратовском университете» (Саратов, 1983) вызвали живой отклик у коллег в России и за рубежом.

Л. А. Дербов обладал неповторимым педагогическим и лекторским талантом. Его лекции были лишены внешней эффектности, но отличались глубиной, ясностью, безупречной манерой соединения академизма и популярности, внутренней страстностью, мастерством слова. Курс отечественной истории до конца XVIII века, который он читал без перерыва 45 лет, пользовался неизменным успехом у студентов. Большой интерес вызывали его лекции по истории исторической науки, а в последние годы – спецкурс «Виднейшие представители советской исторической науки». В этом курсе лектор умел передать дух времени, которое он сам пережил, воссоздавал творческие портреты историков, которых он знал не только по научным трудам, – С. В. Бахрушина, А. М. Панкратовой, Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной, Е. В. Тарле и др. Для многих, кто знал Л. А. Дербова, он был эталоном интеллигентности и носителем лучших традиций саратовского истфака. Леонард Адамович поддерживал дружеские и научные связи, вел переписку со многими известными российскими гуманиста-

¹¹ Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974.

¹² Дербов Л. А. Исторические взгляды русских просветителей второй половины XVIII века. Саратов, 1987.

риями – С. В. Бахрушиным, Н. Л. Рубинштейном, Н. М. Дружининым, С. С. Дмитриевым, М. Т. Белявским, А. Л. Шапиро, М. А. Алпатовым, А. А. Зиминим, Е. Н. Кушевой, Е. В. Чистяковой, Ю. Г. Оксманом, Г. Н. Моисеевой и мн. др.

Многие его студенты и аспиранты стали кандидатами и докторами наук; он входил в Национальный комитет советских историков, был членом научного совета АН СССР по историографии, ответственным редактором «Историографического сборника». Творческой биографии ученого посвящено несколько статей¹³. В 1999 и 2009 гг. в Саратовском университете проводились Дербовские научные чтения.

В конце 1970-х гг. Г. Д. Бурдей также обратился к новой исследовательской проблеме – истории советской исторической науки в годы Великой Отечественной войны. Его интерес к этой теме был не случаен. Много лет он читал курс историографии студентам истфака, да и в общем курсе отечественной истории всегда уделял больше место историографическим и источниковедческим вопросам. И конечно, сказался его личный опыт, опыт человека, ушедшего со студенческой скамьи на фронт, прошедшего тяжелый путь по дорогам войны и нашедшего в себе силы и желание вернуться к научной работе. Работа Г. Д. Бурдея нашла поддержку со стороны московских и ленинградских коллег. Известно, что он регулярно обсуждал с ними свои творческие планы, беседовал с историками – участниками и очевидцами военных событий. В Архиве РАН сохранилась открытка Г. Д. Бурдея, адресованная академику Н. М. Дружинину: «С большой признательностью вспоминаю о ноябрьской встрече, о душевной беседе, которая запомнится навсегда. Она помогла мне еще лучше представить себе героические усилия советских историков в трудные военные годы»¹⁴.

Результатом многолетних исследований Г. Д. Бурдея стала докторская диссертация «Социальные функции советской исторической науки в годы Великой Отечественной войны», которую он защитил 28 декабря 1990 г. в Московском историко-архивном институте. Основное ее содержание было отражено в монографии «Историк и война. 1941–1945» (Саратов, 1990), аналогов которой не появилось и по сей день. Свое исследование Г. Д. Бурдей построил на основе обширной источниковой базы, в том числе на впервые вводимых в научный оборот архивных документах. Одним из первых в отечественной историографии он

¹³ См.: *Троицкий Н. А.* К 70-летию Л. А. Дербова // Историографический сборник. Вып. 8. Саратов, 1980. С. 202–216; *Мезин С. А.* Ровесник университета (К 80-летию Л. А. Дербова) // Вопросы отечественной и всеобщей истории: сб. статей молодых историков Саратова. Саратов, 1991. С. 5–27; *Он же.* Историк и его книги (памяти Леонарда Адамовича Дербова) // Историографический сборник. Вып. 17. Саратов, 1998. С. 15–31; Историк и историография: материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л. А. Дербова. Саратов, 1999. С. 2–20 (здесь же список научных трудов Л. А. Дербова и литературы о нем).

¹⁴ Архив РАН. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 3/5. Л. 1.

обратил внимание на социальные аспекты развития исторической науки, использовал количественные методы. Его книга до настоящего времени является самым обстоятельным исследованием советской историографии в годы Великой Отечественной войны. Ему удалось изучить организацию научно-исследовательской работы в военное время, определить пропагандистскую и патриотическую роль историков, их участие в боевых действиях, партийный диктат над наукой и личную роль И. В. Сталина, моральный облик ученого в пору глобальных исторических потрясений.

Г. Д. Бурдей всегда отличало стремление к кропотливой и основательной исследовательской работе. Видимо поэтому его научное наследие невелико по объему, но зато все его труды чрезвычайно глубоки и продуманны.

Сам Г. Д. Бурдей запомнился знавшим его людям не только как яркий ученый, но и как талантливый педагог. Он всегда уделял большое внимание методике исторического образования, никогда не боялся применять новые подходы и новые средства обучения. Он первым на саратовском истфаке ввел в практику тестирование, рейтинговую систему оценки знаний, анкетирование, первым начал применять в процессе обучения компьютерные технологии. Он организовывал для студентов круглые столы с приглашением о. Евгения из Троицкого собора для обсуждения церковных реформ Петра I, фольклорного ансамбля «Лад» на семинарское занятие о Степане Разине или сам читал «в лицах» стенограмму, зафиксировавшую встречу И. В. Сталина с создателями фильма «Иван Грозный»¹⁵. В начале 1990-х гг. Г. Д. Бурдей издал несколько важных справочников для студентов и подготовил к печати учебное пособие по истории XIX в., в котором были представлены разные точки зрения на все знаковые события, читателям предлагалось самим мыслить и спорить, а не слепо следовать за авторской концепцией.

Многим поколениям студентов Г. Д. Бурдей запомнился как организатор летних музейных практик в Москве, Ленинграде, Крыму. Причем во время этих поездок ему удавалось, используя свое обаяние и широкий круг знакомств, устраивать встречи саратовских студентов с ведущими учеными страны – А. З. Манфредом, В. Т. Пашуто, Б. Б. Пиотровским, М. М. Смириньым, С. Л. Утченко, С. О. Шмидтом и др. А однажды Г. Д. Бурдей вызвался пригласить в Саратов на кафедральный день, посвященный творчеству академика Л. В. Черепнина... самого Льва Владимировича! Но не просто пообещал, а сделал это. И в мае 1973 г. знаменитый историк посетил саратовский истфак, где встретился со студентами и преподавателями и прочел лекцию. «С большой признательностью вспоминаю о встречах с Вами в 1973 году. Для меня и моих занятий со студентами это очень важный ис-

¹⁵ См.: *Троицкий Н. А.* Книга о любви : Записки историка. Саратов, 2006. С. 84.

точный творческого портрета выдающегося советского исследователя», – писал Г. Д. Бурдей Л. В. Черепнину в декабре 1973 года¹⁶.

Научные заслуги Г. Д. Бурдея были по достоинству оценены. Он входил в Научный совет АН СССР по историографии и источниковедению, был членом редколлегий нескольких научных сборников. В 1996 г. был избран действительным членом Академии военных наук, в 1999 г. ему было присвоено звание «Заслуженный профессор СГУ».

Г. Д. Бурдей до последнего дня активно занимался научно-педагогической работой. По злой иронии судьбы он ушел из жизни 9 мая 1999 г. в светлый праздник Дня победы и в год 90-летия Саратовского государственного университета, которому он отдал большую часть своей жизни.

Примечательно, что оба историка – и Л. А. Дербов, и Г. Д. Бурдей – в конце жизни обратились к воспоминаниям и исследованиям о своих старших коллегах и учителях. В частности, их внимание привлекла яркая и обаятельная фигура А. М. Панкратовой. Леонард Адамович посвятил ей статью и несколько страниц воспоминаний. Григорий Давыдович задумал книгу об академике Панкратовой, которую, к сожалению, не завершил. Уже после смерти историков, продолжают выходить их работы¹⁷. К 100-летию Саратовского университета опубликованы мемуары Л. А. Дербова – честная книга о жизни историка и его времени. Ученики саратовских историков по мере возможности продолжают традиции, заложенные героями нашего очерка, передают их своим ученикам. Таким образом, продолжается внутренний диалог между поколениями историков, диалог, без которого невозможно нормальное развитие науки. По словам известного французского историка Д. Роша, «вести этот диалог обязан всякий настоящий профессор, старший, учитель. Те же, кто по той или иной причине от этого диалога отказываются, подрывают самые основания нашего ремесла»¹⁸.

¹⁶ Архив РАН. Ф. 791. Оп. 1. Д. 343. Л. 4.

¹⁷ *Дербов Л. А. Воспоминания // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А. М. Панкратова. М., 2000. С. 165–166; Последний труд историка (Неопубликованная книга Г. Д. Бурдея о профессоре Саратовского университета А. М. Панкратовой) / публ., вступ. статья и коммент. В. А. Соломонова // Историографический сборник. Вып. 24. Саратов, 2010. С. 141–160.*

¹⁸ *История продолжается. Изучение XVIII века на пороге двадцать первого / сост. и отв. ред. С. Я. Карп. М., 2001. С. 258.*

Натан Эйдельман и бардовская поэзия

Фактов, говорящих о личных связях и творческих контактах Натана Яковлевича Эйдельмана и поэтов-бардов, много. Были совместные выступления на разных мероприятиях, в том числе посвященных современной поэзии. В фильме «Два часа с бардами»¹, снятом в 1987 г., где авторская песня осмысливается уже как явление историческое, главным образом – общественное, Эйдельман выступает одним из комментаторов. И надо отметить не только точность его оценок значения того или иного автора в формировании новой духовной атмосферы советского общества с 1950-х по 1980-е гг., но и точность определений эстетической природы творчества Юрия Визбора, Булата Окуджавы, Юлия Кима, Владимира Высоцкого. Эйдельману принадлежит одна из сопроводительных статей на серии пластинок «На концертах Владимира Высоцкого»², интересных тем, что в них сочетаются субъективный взгляд друзей, современников, хранящий еще живую боль утраты, и первые попытки анализа, в частности – определения места Высоцкого в русской культуре. Они не были коротко знакомы, но есть свидетельства, что Высоцкий посещал публичные лекции Эйдельмана. Дружба связывала историка с Б. Окуджавой, Ю. Кимом, А. Городницким. В дневниках Эйдельмана содержатся оценки песен и исторических романов Окуджавы, зафиксированы разговоры, в том числе об исторических личностях, интересных эпизодах, размышления о собственном и окуджавовском «взгляде на вещи». Сохранился блокнот Эйдельмана, в котором записаны «Сюжеты для Булата»³. С А. Городницким был совместный вечер истории и поэзии в музее А. И. Герцена⁴, Эйдельман написал предисловие к одной из книг барда, где, в частности, назвал его «еще и тонким, глубоким историком»⁵. В свою очередь, отношения к самому Эйдельману и его трудам отразились в песнях, стихотворных

¹ Два часа с бардами : [Видеозапись]: документальный фильм-концерт / авт. сценария и реж. А. Стефанович. М., 1987.

² Эйдельман Н. Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее... // Чужая колея [Звукозапись]: [Грампластинка] / музыка и слова В. Высоцкого; пение, гитара В. Высоцкий. М., 1988. Контейнер (Серия «На концертах Владимира Высоцкого»; вып. 6).

³ Скарлыгина Е. Булат Окуджава и Натан Эйдельман: поэзия истории // Миры Булата Окуджавы: материалы Третьей междунар. науч. конф. М., 2007. С. 190–195. А также: Карстен А. Б. Окуджава и Н. Эйдельман: проблема диалога // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. тр. Саратов, 2010. Вып. 4. С. 141–145.

⁴ Городницкий А., Эйдельман Н. Река времен: вечер в музее А. И. Герцена 11 января 1982 г., г. Москва: [в 2 CD-ROM + вкладка]. СПб., [2009].

⁵ Эйдельман Н. В полет свой дальний...» // Городницкий А. Перелетные ангелы. Свердловск, 1991. Эта статья воспроизведена и во вкладке указанного в предыдущем примечании диска.

произведениях, а также воспоминаниях, некрологических и памятных статьях Окуджавы, Кима, Вероники Долиной и особенно – Городницкого. В его мемуарных книгах⁶ историку посвящена отдельная глава.

Тема «Эйдельман и бардовская поэзия» может иметь несколько аспектов, в частности, биографический (личные контакты), источниковедческий (опубликованные работы и устные рассказы Эйдельмана как источники поэтических текстов). В данной же статье мы предлагаем анализ тех принципов подхода к прошлому, которые сближали Эйдельмана и его современников-поэтов и которые отразились в их взаимных оценках.

Бардовская поэзия была частью культуры советской интеллигенции 1950–1980-х гг., для которой интерес к прошлому чрезвычайно характерен. В обращении «шестидесятников» к истории есть несколько важных идеологических моментов, и каждый из них имеет значение противопоставленности какому-то тезису официальной государственной идеологии или фактору общественно-политической реальности. Во-первых, это было восстановление единства и целостности исторического и, главное, культурного процесса в противовес декларируемому разрыву с прошлым, подчеркиваемой «новизне» и исторической «небывалости» советского строя, советского народа, советского человека и т. д. Во-вторых, в ситуации осознания кризисности исторического момента, исторической несостоятельности пути, по которому шла страна, и утопичности провозглашаемой цели (коммунизма) обращения к подлинной истории были попытками через аналогии с прошлым понять настоящее, а может быть, и найти «рецепты» для будущего. В-третьих, в прошедших веках искали иные, взамен дискредитировавших себя «советских», эстетические и духовные ценности. Наконец, интерес к «тайнам» российской истории был продолжением желания узнать «всю» скрываемую по идеологическим причинам «правду». Таким образом, интерес к прошлому вытекал из самых актуальных и даже злободневных проблем.

И все эти запросы эпохи в полной мере воплотил в своей работе Н. Я. Эйдельман. Примечательна номинация «историк» в посвященных ему произведениях – в одних текстах она заменяет имя собственное, в других срачивается с ним. Так начинается песня В. Долиной 1983 г.⁷: «Он не протестант, не като-

⁶ Книги воспоминаний Городницкого – не только барда и поэта, но и замечательного мемуариста, способного, к тому же, анализировать культурные процессы, человека активной общественной позиции, который сейчас воспринимается как одна из знаковых фигур целой, ушедшей уже, эпохи, – востребованы и выдержали несколько переизданий, каждый раз дополненных. Первое – «И вблизи, и вдали» (М., 1991), второе – «След в океане» (Петрозаводск, 1993), третье – «И жить еще надежде» (М., 2001), последнее – в двух книгах: ««Атланты держат небо...». Воспоминания старого островитянина» и ««У Геркулесовых столбов...». Моя кругосветная жизнь» (М., 2011).

⁷ См.: *Долина В. Сэляви*: Стихотворения. М., 2001. С. 310–311. Эйдельман об этой песне знал, а услышал ее, судя по письму к Ст. Рассадину, 15 июня 1984 г. на юбилейном вечере

лик / (Пошире держите карман!), – / Он просто российский историк, / Историк Натан Эйдельман». В последующих куплетах слово «историк» тоже оказывается в самых «сильных» позициях начала и конца стиха, подчеркнутое приемами подхвата и анафоры, а также мелодически. В стихотворении А. Городницкого «На даче»⁸ (1985 г.) имя Эйдельмана появляется только в посвящении, в самом же тексте он везде называется «историк»: «Сосед мой – историк», «Историк упорен».

В мемуарах Городницкого название главы об Эйдельмане – «Последний летописец». Таково же название его стихотворения 1989 г. на смерть Эйдельмана⁹, а рефрен в этом стихотворении – «Последний российский историк». Название «Последний летописец» многопланово. Первый план – это, конечно, цитата – слова Пушкина о Карамзине, взятые Эйдельманом для названия книги о писателе и историографе рубежа XVIII–XIX веков. Переадресованные самому Эйдельману, они воплощают важнейшую для него идею преемственности исторического знания, а также отражают пристрастия в этой области. И мемуарный очерк, и особенно стихотворение Городницкого, – некрологические, поэтому основное значение слова «последний» эмоциональное – выражение скорби по ушедшему, которого никто не заменит. Но есть и более глубокий смысловой план. Смерть историка приравнивается к концу «истории» (не только науки, но и осмысленной и потому упорядоченной жизни, на смену которой приходит хаос): «Скончался Натан Эйдельман. / Случайно ли это? – Едва ли: / Оборван истории план, / Стремящийся вверх по спирали. / Захлопнулась времени дверь, / В полете застыла минута, – / Безвременье, голод и смута / Страну ожидают теперь». Другое стихотворение Городницкого, написанное после смерти Эйдельмана, в 1990 г.¹⁰, начинается словами «Мой друг писал историю Кремля», а кончается: «Мой друг писал историю Кремля, – / Теперь ее никто уже не пишет».

Таким образом, Эйдельман оказывается как бы вообще единственным историком, воплощением исторического знания, во всяком случае, такого, какое было необходимо его современникам.

В. Долина переадресует Эйдельману известные пушкинские слова «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом», а культурное и общественное значение его труда оценивает так: «Средь моря речей и риторик, / Средь родины нашей большой – / О, как же нам нужен историк, / Историк с российской душой... // Историк без лишних истерик / С вельможи потянет парик... / Он не открывает америк – / Россия его материк!». Значимым здесь явля-

Б. Окуджавы: «Вел программу Юлик Ким, выступали все певцы, барды (наконец, услышал песню Вероники Долиной про Натана Эйдельмана)» (*Рассадин С.* Книга прощаний : Воспоминания о друзьях и не только о них. М., 2004. С. 166).

⁸ *Городницкий А., Эйдельман Н.* Река времен. Вкладка.

⁹ См.: *Городницкий А.* Стихи и песни : Избранное. СПб., 1999. С. 280–281.

¹⁰ Там же. С. 269.

ется каждый образ. Во-первых – противопоставление истории «речам и риторикам». В структуре куплета¹¹ образуется оппозиция: «речи и риторики» – «море», история – «материк». Море в мировой художественной традиции – нечто «безбрежное», грозящее поглотить, материк – нечто меньшее, но надежное (в той же традиции вторым членом оппозиции обычно выступает остров – гораздо более «уязвимое»). Во-вторых – «разоблачительная» роль истории («С вельможи потянет парик»), и при этом «без лишних истерик» – фраза, подчеркнутая характерным для стиля Долиной прихотливым созвучием «историк» – «истерик».

Городницкий в мемуарной книге пишет про «скандальные находки» Эйдельмана, в частности, связанные с Пушкиным, тайной рождения Герцена, Павла I, вообще про серию специальных лекций о «тайнах российских царей». Оценивает он эту сторону деятельности Эйдельмана так: «Чуждый каким-либо шумным сенсациям, историк по своему характеру своей работы с архивными материалами время от времени оказывался первооткрывателем многих тайн российской истории»¹². На фоне массового тенденциозного, политизированного и выборочного исторического знания многие открытия оказывались сенсацией.

О новизне и «крамольности» разрабатываемых Эйдельманом проблем пишет во вступительной статье к посмертному сборнику работ историка А. Г. Тартаковский¹³. Он, в отличие от поэтов, говорит почти безоценочно, но подчеркивает, что продолжение богатых историографических и писательских традиций, как бы «предопределенное» учеными занятиями Эйдельмана, совпало с потребностями современности. С одной стороны: «прикосновение к беспримерной по размаху и целеустремленности деятельности Герцена и Огарева по “рассекречиванию былого”, по обнародованию множества исторических документов, раскрывавших тайные “пружины” и затемненные стороны “императорского периода” истории России». С другой стороны: «Свободное и преследуемое слово, цензурная политика и независимая позиция литератора, власть и общество, личность и государство, самодержавие и интеллигенция – нечего и говорить, что такого рода темы, многие годы бывшие в центре его внимания и остро созвучные

¹¹ Графически разделенные в печатных изданиях (что обозначено нами знаком «//»), две процитированные строфы мелодически представляют собой один куплет.

¹² *Городницкий А.* След в океане. 2-е изд. Петрозаводск, 1993. С. 496.

¹³ См.: *Тартаковский А. Г.* История продолжается... // *Эйдельман Н.* Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 5–49. В этой статье даны подробный анализ и точные определения особенностей эйдельмановской методологии, «историософии», поэтики его трудов. И все эти особенности вписаны в контекст исторической науки – отечественной и зарубежной, начиная с Карамзина и до современности, – а также в контекст сменявшихся друг друга «эпох» конца 1950–1980-х годов, с их политической атмосферой, интеллектуальными и духовными потребностями. Кроме того, эта статья – личный рассказ о неординарном современнике.

общественной атмосфере 60–70-х годов нашего века, официальной наукой тогда не поощрялись»¹⁴.

В текстах бардов, даже поэтических, достаточно точно отражена тематика работ Эйдельмана: так, песня Ю. Кима «Волшебная сила искусства» (1984 г.) в разных изданиях имеет либо стилизованный под XVIII век подзаголовок «История, приключившаяся с комедиографом Капнистом в царствование Павла I и пересказанная мне Натаном Эйдельманом»¹⁵, либо посвящение Эйдельману; посвящение Эйдельману имеет стихотворение Окуджавы «Лунин в Забайкалье» (1975 г.); у Долиной – «Ему улыбается Пестель, / Апостол склоняет главу <...> Потомок идет Ганнибалов»; у Городницкого – «Про быт декабристов и вольную в прошлом печать <...> Он пишет о сложности левых влияний и правых, / О князе Щербатове, гневно бичующем нравы, / О Павле, которого свой же убил аппарат» («На даче»), «Его девятнадцатый век <...> Его для беседы зовут / Рылеев, и Пестель, и Пушкин. / И снова метель в декабре – / Предмет изысканий ученых. / Пополнив отряд обреченных, / Безмолвное стынет каре» («Последний летописец»), «Мой друг писал историю Кремля, / Точнее, – обитателей кремлевских» («Мой друг писал историю Кремля...»). Поэты вписывают в свои произведения имена героев, названия книг («Апостол Сергей», «Твой девятнадцатый век», «Обреченный отряд»). Яркие, в том числе и словесно яркие, образы Эйдельмана становятся в поэзии его современников метафорами, перефразируются, переосмысливаются.

Конечно, особое значение для «шестидесятников» имела декабристская тема. При этом официальной, не столько исторической, сколько идеологически оценочной трактовке «первые русские революционеры» противопоставлялись другие смыслы. На декабристском «историческом материале» ставились актуальные нравственные проблемы: свободы (в первую очередь внутренней, при крайней несвободе внешних обстоятельств), личной ответственности за происходящее в стране. В сравнении с декабристами советская интеллигенция пыталась найти модели своих отношений с властью. Примеров из произведений бардов можно привести много, наиболее показательный – «Петербургский романс» А. Галича, где воспоминания некоего «полковника» (С. П. Трубецкого), участвовавшего в декабристских сходках, но побоявшегося «выйти на площадь», перерастают в финале в слова автора, прямо обращенные к своим современникам: «И все так же, не проще, / Век наш пробует нас: / Можешь выйти на площадь? / Смеешь выйти на площадь? / Можешь выйти на площадь? / Смеешь выйти на площадь – / В тот назначенный час?»¹⁶. Одним из любимых, по его собст-

¹⁴ *Гартаковский А. Г.* История продолжается... С. 12–13.

¹⁵ *Ким Ю.* Творческий вечер : Произведения разных лет. М., 1990. С. 37–38.

¹⁶ *Галич А.* Я верил в чудо : Песни и стихи. М., 1991. С. 153.

венным словам, героев Эйдельмана был Лунин. И книга об этом участнике декабристского движения¹⁷ стала для современников не просто источником исторической информации. У литературоведа и писателя К. Шилова очерк об Эйдельмане начинается эпизодом знакомства автора в 1971 г. с участником разгромленного Госбезопасностью кружка саратовских интеллигентов; на заданный через несколько лет вопрос: «А почему ты был так откровенен со мной в самом первом нашем разговоре», – он услышал в ответ: «А дело в том, <...> что ты сказал тогда, что дружишь и переписываешься с Эйдельманом. И что он подарил тебе свою книгу о Лунине! А эта книга – “Лунин” – научила моих друзей, как сохранить на допросах честь и достоинство. Она стала для них учебным пособием. Помогла выстоять...»¹⁸. Вспомним посвящение Эйдельману стихотворения Окуджавы «Лунин в Забайкалье».

«Декабристы у Эйдельмана и поэтов-бардов» – очень обширная тема. Рассмотрим подробнее другой тематический блок.

Среди «непоощряемых» тем было изучение российских императоров. В поэме А. Галича «Вечерние прогулки», датированной примерно 1973 г., среди по-галичевски резко заостренных, наплывающих, перебивающих друг друга сюжетов о жестокости «системы» есть история работника «шалмана», бывшего учителя, вобравшая в себя многие характерные проблемы времени: «Всем вlepили мелочишку, / Все равно что за прогул. / Только Лазарь принял “вышку”, / Даже глазом не моргнул... // Точно так же, как когда-то / Не моргнул и глазом он, / Когда гнал его, солдата, / Дезертир из школы вон – // Мол, не так он учит деток, / Подозрительный еврей, / Мол, не славит пятилеток, / А долдонит про царей»¹⁹.

Эйдельман, комментируя на вечере в музее Герцена историческую лирику А. Городницкого, сказал об этой проблеме современной науки: «Его взгляд на XVIII век не страдает той односторонностью, которой страдает подавляющее большинство книг и учебников наших по XVIII веку. А именно: про народ еще есть, а про царей уже и не надо. Создается ощущение, что страна сама собой управлялась... или неведомо откуда. Поэтому тот перекоc, который в наших работах образовался, что мы зачастую экономическое развитие... социально-экономическое положение крестьянства знаем хорошо. И слава богу – это надо. Но знаем, скажем, жизнь пензенского крестьянства хуже²⁰, чем знаем двор Екатерины II. В то время как жизнь пензенского крестьянства все-таки зависела от двора Екатерины II. Это несомненно <...> Историки перекоc этот <...>

¹⁷ Эйдельман Н. Лунин. М., 1970. (Жизнь замечательных людей, вып. 8(484)).

¹⁸ Шилов К. «И да не минет нас главное»: (Натан Эйдельман в наших судьбах. 1967–1989) // Шилов К. Восстановление родства: Очерки. Портреты. Воспоминания. М., 2007. С. 410–411.

¹⁹ Галич А. Антология Сатиры и Юмора России XX века. М., 2005. С. 260.

²⁰ Так в записи, хотя по смыслу следует «лучше».

лениво ликвидируют. Но поэты более рьяно. У них, так сказать, другой взгляд на вещи»²¹.

В творчестве «поэта-историка» А. Городницкого выделяются целые более или менее крупные циклы, посвященные правлению того или иного царя, причем фигура самого царя занимает в них разное место и наполняется разными символическими, иногда аллюзионными смыслами. Это «годуновский»; большой, разветвленный, сложно организованный «петровский» циклы; два произведения об убийстве Петра III (и ни одного специально посвященного Екатерине, екатерининская эпоха представлена у Городницкого своей культурой – архитекторами, писателями); Александра I «заслоняют» его современники – декабристы и Пушкин, с ними же неразрывно связан и образ Николая I; обширный корпус текстов посвящен убийству Александра II народолюбцами. У других авторов такой целостности и системности нет. Произведения, в центре которых оказывалась бы фигура того или иного царя, единичны.

Конечно, «взгляд на вещи» у историков и поэтов разный, но можно выделить общие проблемы, которые интересовали и тех и других в период «оттепели» и после нее, а также особый оценочный подход Эйдельмана к историческим деятелям и событиям, делавший его книги настолько востребованными. В связи с изучением «истории царствований» это, во-первых, сам феномен «высшей власти» – ее возможности и ее границы. Фигуры Петра I и Павла здесь очень показательны, они являются соответственно воплощением силы и границ власти. Б. Окуджава в исторической прозе и драматургии создает выразительные картины разных царствований: Елизаветы и Екатерины II (киносценарий «Мы любили Мельпомену»), Александра I и Николая I (романы «Свидание с Бонапартом», «Путешествие дилетантов») и т. д. Но в его поэзии, в большей степени требующей не анализа, а обобщения, появляются (и еще раньше), кажется, только Петр и Павел. В стихотворении «Зной» (1964 г.) содержится своеобразная «формула» – «плеть Петра, причуды Павла». Петр узнается в «известном русском царе», перед которым «все присутствующие вставали»²² (1969 г.). А «причуды Павла» нашли отражение в стихотворении «Как я сидел в кресле царя»²³ (1962 г.).

Сосредоточимся на Павле, бывшем, к тому же, для интересующего нас поколения гораздо большей исторической «тайной». Даже у Городницкого Павел I выступает в основном как предмет занятий Эйдельмана: в мемуарах рассказывается о «запомнившемся на всю жизнь» «ночном путешествии» с А. Кушнером и Эйдельманом «на Марсово поле к Инженерному замку, где он на месте расска-

²¹ Эйдельман Н. Комментарии // Городницкий А., Эйдельман Н. Река времен. CD 1. Трек 8.

²² Окуджава Б. Арбатский дворик. М., 2007. С. 112–113.

²³ Там же. С. 157–158.

жет и покажет, как убивали Павла I»²⁴, вспоминаются разговоры периода работы историка над книгой о «революциях сверху»²⁵; эти разговоры отразились и в стихотворении «На даче». С Эйдельманом так или иначе оказываются связанными «павловские» сюжеты и других авторов. Например, уже упомянутая песня Ю. Кима «Волшебная сила искусства». В дневниках Эйдельмана сохранилась запись от 2 февраля 1979 г.: «Разговор с Окуджавой. Говорю, что – убил Павла. – Не ты первый, – Не я последний»²⁶.

Итак, Павел, с одной стороны, начиная с мнений современников воспринимался как воплощение непоследовательности, самодержавного произвола. Эйдельман в книге «Грань веков» как раз стремится раскрыть последовательность и системность в кажущихся безумными действиях и приказах «русского Гамлета», «царя-рыцаря», «Дон-Кихота». В стихотворении Окуджавы лирический герой, не просто «сидя в кресле царя», а именно представляя себя в роли Павла, хочет перевернуть всю «систему», начиная с «Срывайте тесные наряды! <...> Чешите все по кабакам... / Напейтесь все, переженитесь / кто с кем желает» до «смахнем царя <...> Жандармов всех пошлем к чертям». Сюжет песни Кима о Капнисте представляет собой гротескно поданные перипетии судьбы драматурга: ночной арест – Сибирь – кандалы – возвращение в Петербург «обернутым» в медвежью «полсть» – «водки штофф», «пряник» и «осыпание золотом» во дворце; все это по мере просмотра и оценки царем пяти актов капнистовой «пиесы».

С другой стороны, трагическая смерть Павла наглядно демонстрирует границы единоличного произвола, власть окружения. В песне А. Городницкого «Гвардейский вальсок» (1980 г.) убийство Павла – только одно в цепи гвардейских переворотов XVIII – начала XIX века: убийство Петра III – пропавловская оппозиция времени Екатерины – убийство Павла – восстание декабристов, формально, против Николая I в пользу Константина. В мемуарах барда подробно переданы разговоры с Эйдельманом: «Тоник <...> рассказывал о сложностях реформаторской деятельности в России во все времена, о страшной силе давления “правых” и “аппарата” на царей-реформаторов, которые только на первый взгляд были “самодержавными”, а в действительности не могли, конечно, не считаться с мнением помещиков и губернаторов. “Вот Павел попытался пойти против аппарата – его и убили. Знаешь, он послал своего доверенного чиновника с ревизией в Курскую губернию. Тот вернулся и доложил, что воруют все – от губернатора до последнего коллежского регистратора. И Павел на его донесении собственноручно

²⁴ *Городницкий А.* След в океане. С. 494–496. Эпизод относится к июлю 1981 года, в 1982 г. вышла книга Эйдельмана «Грань веков».

²⁵ Там же. С. 490. Книга – «“Революция сверху” в России», вышедшая в 1989 г.

²⁶ Цит. по: *Скарлыгина Е.* Булат Окуджава и Натан Эйдельман. С. 191. В этой статье приводятся и другие примеры пересечения павловской темы у Эйдельмана и Окуджавы.

начертал: “Уволить всю губернию”. Представляешь?”»²⁷. Далее идут рассказы об Александре и Николае, которые, помня судьбу отца, не решились на кардинальные реформы. В стихотворении «На даче» эйдельмановская концепция царствования Павла передана кратко: «О Павле, которого свой же убил аппарат». Рефрен стихотворения Окуджавы, перебивающий все бунтарские порывы: «И золотую шпагу нервно / готовлюсь выхватить грозя... / Но нет, нельзя. Я ж – Павел Первый. / Мне бунт устраивать нельзя». Ведь лирический герой только представляет себя Павлом, на самом же деле является современником читателя («Я зрю сквозь целое столетие... / Я знаю, что я говорю!»).

В связи с феноменом власти все мемуаристы отмечают любимую идею Эйдельмана о «революциях сверху» и дарственные надписи, которые он делал на одноименной книге: «И никаких революций снизу»²⁸. «Его главная концепция, близкая к пушкинской идее “в надежде славы и добра”, состояла в реформаторском преобразовании нашей огромной страны на основе демократии, экономических реформ, культуры и просвещения», – пишет Городницкий в мемуарном очерке²⁹, а в стихотворении о том же самом: «В своих убеждениях стоек, / Твердил он опять и опять, / Борясь со скептическим мнением, / Что можно Россию поднять / Реформами и просвещеньем» («Последний летописец»).

Неприятие насилия, особенно как «исторической необходимости», потому что таким образом снимается даже вопрос о нравственной оценке, также роднит взгляд Эйдельмана и поэтов-бардов. В этом случае историк даже призывает учиться у поэтов: «Не грех заразиться смелостью, высокой субъективностью, откровенностью, стремлением к нравственным оценкам, и настоящей радости – и “злой тоске”»³⁰, – пишет он в статье о Городницком, приводя примеры из произведений барда, посвященных разным историческим эпохам, в частности, о песне «Петр III»: «Поэт знает, что Петр III ничтожен; что пока он “играет на скрипке, Государство уходит из рук”, что новые руки, которые приберут это государство, – более сильные и умелые: да, разумеется, это необходимо, неизбежно – но как не пожалеть “одинокого и хлипкого” монарха?»³¹.

Принципиальной и для Эйдельмана, и для его современников поэтов была обращенность к настоящему. Городницкий рассказывает о прерванной смертью работе Эйдельмана над статьей «Гости Сталина» – «по-видимому, написанной в связи с планами будущей книги об обитателях Кремля»³², она получила отражение в стихотворении «Мой друг писал историю Кремля...». Но даже в произве-

²⁷ *Городницкий А.* След в океане. С. 490.

²⁸ Там же; *Шилов К.* Восстановление родства. С. 442–443.

²⁹ *Городницкий А.* След в океане. С. 489.

³⁰ *Городницкий А., Эйдельман Н.* Река времен. Вкладка.

³¹ Там же.

³² *Городницкий А.* След в океане. С. 504–505.

дениях о прошедших веках обращенность к современности присутствует. В мемуарах Городницкого глава об Эйдельмане заключена в кольцо эйдельмановской же цитаты «Все переплетено и все, оказывается, чрезвычайно близко... Эта связь, этот стык времен и есть моя тема»³³. А Эйдельман, характеризуя поэзию Городницкого – не только «историка», но и геолога – пишет, что в ней «легко размещаются сотни, тысячи, случается, и миллионы лет». Далее он перечисляет исторические сюжеты барда: от «истории планеты», античности до русской истории с XVI по XX век. «Из миллионолетних далей мы возвращаемся к исходу 1980-х годов нашей эры. <...> Но тут-то открывается, что для Городницкого истории, собственно говоря, как бы и не было: существует некий поэтический циркуль, чья ножка постоянно вонзается в сегодняшнее, в уходящий XX век; круги же свободно витают на каких угодно дистанциях»³⁴.

Связь прошедших веков и современности может иметь разный характер. Так, в истории ищутся причины того, что происходит сейчас. Городницкий в стихотворении «На даче» через систему пластических образов создает весьма интересную картину «сопряжения времен»: внеисторическое время, круговорот природной и причастной к ней человеческой, идиллической, дачной, жизни (грибы, «кудрявый салат в огороде», «хозяйка кладет огурцы в деревянную кадку»); приметы исторической современности («сигнал пионерский», «шум электрички», самолет); космическая вечность («Над домом и садом вращается звездная сфера»). Образом истории становится поезд, в отличие от сферы природного, стремительно движущийся в одном направлении. И вот как описываются в этой образной системе научные занятия Эйдельмана: «Сосед мой – историк. Прижав свое чуткое ухо / К минувшей эпохе, он пишет бесстрастно и сухо. <...> Дрожание рельса о поезде дальнем расскажет / И может его предсказать наперед, но нельзя же, / Под поезд попав, эту раннюю дрожь изучать! / Сосед не согласен – он в прошлом находит ошибки, / Читает весь день и ночами стучит на машинке. <...> Историк упорен. Он скрытые ищет истоки / Деяний царей и народных смятений жестоких».

Но связь с современностью может быть и другой – сопоставления, аллюзии. Напрямую задачу «сопоставить времена. Без всяких намеков – во весь голос, “грубо, зримо”» Эйдельман формулирует только в последней своей книге «“Революция сверху” в России». Но начало книги как раз посвящено «искусству намека». Эйдельман подходит к нему как историк: рассматривает исторические корни от эзопова языка; цитирует самохарактеристику М. Е. Салтыкова-Щедрина о «рабьей манере», когда писатель больше озабочен не предметом своего труда, а способом проведения его через цензуру; но особо выделяет Эйдельман явления

³³ Городницкий А. След в океане. С. 482, 506.

³⁴ Городницкий А., Эйдельман Н. Река времен. Вкладка.

общественной и культурной жизни своего времени, такие как «разговоры с друзьями и коллегами», «откровенные российские разговоры» «вполголоса» и «проходящий (или не проходящий)» в печать «намека». Картина рисуется эмоционально и получается впечатляющей. Но в то же самое время, говоря об истории как предмете специальных занятий, Эйдельман подчеркивает: «Наибольшее число намеков заимствовалось из прошлого, располагалось в исторических романах и исследованиях. Впрочем, толковые авторы давным-давно знали, что прямые аллюзии недорого стоят; что надо стараться основательно и честно углубиться в ту или иную эпоху, как бы не думая о “текущем моменте”, – и тогда все выйдет само собою: и современность, и связь эпох... Так что, повторим, отнюдь не намеком единым были живы честные историки»³⁵. Но для современников Эйдельмана складывающийся в его книгах, если не «намека» и подтекст, то «второй план», был не менее важен, чем собственно историческое содержание. А. Г. Тартаковский цитирует философа Э. Ю. Соловьева: «Если предельно коротко определить <...> что сделал Н. Я. Эйдельман в 60–70-х годах, то придется сказать так: он поставил перед глазами общества, присвоившего себе титул развитого социализма, его гнетущее и неоспоримое подобие – николаевскую Россию»³⁶.

Естественно, гораздо более прямо и зримо поставлена задача сопоставления времен в поэзии современников Эйдельмана. Такие задачи: эмоционально-оценочная, часто публицистическая, – являются в «исторической поэзии» основными, потому что поэзия не берет на себя информативной функции. Как пишет Эйдельман, «не дело поэта расцвечивать иллюстративными подробностями, как Соловки держались против царя всея Руси. Дело поэта – печалиться, размышляя о кровавом столкновении двух непримиримых правд»³⁷. Позиция А. Городницкого лучше всего выражена в его словах о Д. Самойлове: «Во всех своих исторических произведениях он концептуален. Это не красочные иллюстрации к миновавшим событиям былого, а как бы опрокидывание их в проблемы сегодняшнего дня»³⁸. Примеров из поэзии самого барда можно было бы привести множество. Ограничимся двумя – из самых наглядных. Это ненапечатанная, ходившая в списках «Смерть Бориса» (1956 г.), написанная «под впечатлением от доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС». Центральный образ этого стихотворения – «набольший боярин думный», доказывающий народу с Лобного места, что «он за правду всей душою, / Да принуждал де царь Борис»³⁹. Ассоциации с современностью в «Смерти Бориса» никак не эксплицированы, возникают в подтексте,

³⁵ Эйдельман Н. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 22–23.

³⁶ Тартаковский А. Г. История продолжается... С. 42.

³⁷ Городницкий А., Эйдельман Н. Река времен. Вкладка.

³⁸ Городницкий А. След в океане. С. 462–453.

³⁹ Городницкий А. Сочинения : Стихотворения. Поэмы. Песни. М., 2000. С. 26–27. Комментарии. С. 599. (Голоса. Век XX).

а в стихотворении «Гемофилия» весь сюжет строится на сопоставлении: Борис, пришедший к власти через смерть царевича Дмитрия, – Ленин, по чьему приказу была убита семья Николая II, в том числе его сын Алексей, «убиенный царевич другой», – бесконечная цепь жертв, открывающиеся то там, то тут «на просторах империи» «потаенный рвы неопознанных захоронений», «кровь, / Неспособная высохнуть вследствие гемофилии»⁴⁰.

Если главной функцией «эзопова языка», «намека» является разоблачительная по отношению к внешнему (например, к государству), то в случае самоопределения на первый план выходит такая функция «сопряжения времен», как показ единства культуры. Для бардовской поэзии характерно – на разных уровнях – подчеркивание преемственности, традиций и аналогий. Это видно уже на примере «адаптации» термина «барды». Он долго вызывал неприятие самих поэтов, но наконец был принят именно как знак принадлежности к имеющей глубокие корни традиции. Пение под гитару, думается, не без полемики против обвинений в «неправильности», было интерпретировано как новый виток древнейшей и самой естественной формы существования поэзии⁴¹. При поиске же более близких по времени аналогий вспоминали в первую очередь, с точки зрения формы, Ап. Григорьева, Д. Давыдова, а с точки зрения «свободолюбивого» содержания, еще и Пушкина, декабристов.

На таких сопоставлениях строится характеристика личности Высоцкого в статье Эйдельмана⁴²: «Кто же исторические предки Владимира Высоцкого? <...> Первым делом, конечно, приходит на память Денис Давыдов или Аполлон Григорьев с гитарой, с гусарской или цыганской песней. Эти отчаянные люди занимают свое место в “родословной” Высоцкого, но не только они // <...> автор этих строк, с тех пор, как стал сильно прислушиваться к Высоцкому, постоянно вспоминает одного из своих любимых героев, декабриста Лунина [следуют история дуэли с великим князем Константином, эпизоды из жизни в Акатуе, свидетельства о достоинстве, а также остроумии и дерзости Лунина] <...> // Очень **“высоцкий”** был человек, Михаил Лунин, и очень **“лунинский”** – Владимир Высоцкий... // А рядом с ними – Пушкин. Речь идет не о сравнении дарований,

⁴⁰ *Городницкий А.* Сочинения. С. 404–405.

⁴¹ См. «исторический экскурс» в начале главы «Поющие шестидесятые» в мемуарах Городницкого. Возведение отечественной бардовской традиции к Бояну или Садко (не только по манере исполнения под аккомпанемент струнного инструмента, но и по признаку «самодеятельности» и «идейной невыдержанности»), сравнение со средними веками – это, конечно, авторская ирония, юмор, но начало звучит вполне серьезно и концептуально: «Если мы заглянем подальше, в нашу историю и даже в античные времена, то немедленно убедимся, что авторская песня существовала всегда. Задолго до появления печатных станков и даже письменности. Именно она легла в основу всех форм современной литературы» (*Городницкий А.* След в океане. С. 363).

⁴² Отметим, что Эйдельман-критик, в том числе бардовской поэзии, тоже выступает как «историк» и «летописец».

<...> но о соотношении личностей. И мы это отчетливо ощущаем, когда, скажем, находим у Пушкина: “В вопросе счастья я атеист, я не верю в него” или вдруг: “Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног, но мне досадно, когда иностранец разделяет со мной это чувство”; наконец, невесте, по-французски: “Мой ангел... целую кончики Ваших крыльев, как говаривал Вольтер женщинам, которые Вас не стоили”». // Свободные, веселые, трагические люди; веселость их, внутренний свет тем виднее, чем чернее жизненные обстоятельства»⁴³. Те же имена возникают в связи с Ю. Кимом в фильме «Два часа с бардами»: «Юлий Ким – представитель шутового, дерзкого, эпиграмматического направления. Когда я думаю, от кого он ведет свою родословную, так и вспоминаются особые дерзкие слова, шуточки и Пушкина, и Лунина. А с другой стороны, в нем есть такое высокое шутовство. Слово “шут” у нас считается почти унижительным. <...> А на самом деле высокое шутовство – это реакция, это пародия на чванливое <...> пустозвонство, на тех, кто возвеличивает себя, не имея на то права»⁴⁴.

«Материальным» знаком единства культуры может становиться инструмент, гитара (как в случае с Ап. Григорьевым), или единство пространства. В фильме «Два часа с бардами» появляются образы двух таких знаковых пространств авторской песни. Первые кадры – подготовка эстрады-гитары, настройка микрофонов, сбор людей на Грушинский фестиваль, и идут они на фоне мелодии песни Олега Митяева «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». В финальном же фрагменте, «Эпilogue», знаковым локусом становится Арбат, при этом пространство культуры расширяется как в прошлое, так и в будущее, авторская песня вписывается в более широкий культурно-исторический контекст; комментатор, Александр Розенбаум, на фоне соответствующего зрительного ряда говорит: «Я иду по Арбату. Я иду по улице, которую воспел Булат Окуджава. Да и не только он. Здесь сердце Москвы. По этой улице гулял Пушкин. В одном из домов по этой улице поселил своих героев Анатолий Рыбаков, автор романа “Дети Арбата”. На этой улице сегодня собираются художники и выставляют свои картины. На этой улице читают стихи. На этой улице поют песни. О чем поют сегодня они, нынешние дети Арбата?» И дальше следует его песня «О чем же поют ныне дети Арбата». Еще раньше в фильме шла речь о преемниках Окуджавы: Эйдельман называл Городницкого и Кима, в связи с которым и возникали процитиро-

⁴³ Эйдельман Н. Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее... Выделения автора. Знаком «//» обозначается абзацное членение.

⁴⁴ Два часа с бардами. Мы привели большие цитаты, для того чтобы показать, что сравнение с Пушкиным это у Эйдельмана не просто абстрактная высокая оценка (Пушкин наших дней), а с декабристами – характеристика гражданской позиции. Они базируются на совершенно конкретных, хотя и личных ассоциациях. Эйдельман выступает здесь как критик, поэтому субъективность допустима, а так как он является современником тех, о ком говорит, для нас и наиболее интересна.

ванные пушкинско-лунинские ассоциации, а Розенбаум – Александра Дольского. Непосредственно же «Эпилогу» предшествует эпизод о В. Высоцком и последняя песня, которая звучит в его исполнении, «О фатальных датах и цифрах», где упоминаются Лермонтов, Есенин, Пушкин, Байрон, Рембо – ряд, куда зритель тут же вписывает и автора-исполнителя – «поэта», конец которого лишь «отодвинулся на время».

Не менее, а может быть, даже более, чем общие для «поколения», важны осознаваемые и подчеркиваемые индивидуальные «генетические связи». Так, в поэзии А. Городницкого находим и «Любовь и совесть *наша* – декабристы, / О вас все чаще вспоминаем *мы*»⁴⁵, и сближение собственного образа с образом конкретного человека: «Когда б я вздумал сеять хлеб / И поучать других при этом, / Я был бы, видимо, нелеп, / Как Кюхельбекер с пистолетом»⁴⁶ или «Мечтатель, неудачник и бездельник, / Я обращаюсь памятью к тебе, / Стеснительный и неумелый Дельвиг, / Мой старший брат по музам и судьбе»⁴⁷.

Аналоги такому, личному, переживанию истории можно найти и у Эйдельмана. А. Г. Тартаковский приводит целую серию жизненных фактов (в первую очередь – знакомств с конкретными людьми) и ссылок на произведения Эйдельмана, свидетельствующих о том, насколько важным для него был личный, почти «осязательный» контакт с прошлым. Приведем две цитаты: «С раннего детства он запомнил почти столетнего ветерана русско-турецкой и чуть ли не Крымской войн, который вспоминал, как при выпуске из юнкерского училища ему пожимал руку сам Николай I, и это “рукопожатие через столетие” было для Эйдельмана ценностью наивысшего порядка»; «По его вполне достоверным исчислениям каждый из нас, ныне живущих, имел в XIX в. не менее сотни близких родственников, так сказать, “прямых предков”»⁴⁸. В контексте времени такие устремления к «восстановлению родства»⁴⁹ иногда в прямом смысле слова имели еще и значение освобождения от давления «режима» – от необходимости скрывать нежелательные родственные, дружеские связи или социальное происхождение⁵⁰.

⁴⁵ *Городницкий А.* Декабристы // *Городницкий А.* Ночной поезд. СПб., 2009. С. 12.

⁴⁶ *Городницкий А.* Кюхельбекер // *Городницкий А.* Сочинения. С. 262.

⁴⁷ *Городницкий А.* Дельвиг // Там же. С. 479. Образы Кюхельбекера и Дельвига входят в один из важнейших в творчестве Городницкого проблемно-тематических «исторических» «циклов» – «кинородцы в России». Автобиографическая и автопсихологическая составляющие играют в нем принципиальную роль.

⁴⁸ *Тартаковский А. Г.* История продолжается... С. 27. Последняя цитата со ссылкой на кн.: *Эйдельман Н.* Твой девятнадцатый век. М., 1980. С. 6.

⁴⁹ Именно так называется книга К. Шилова, содержащая как литературоведческие и краеведческие статьи о деятелях культуры XIX века, так и очерки о современниках, знакомых и друзьях, в том числе об Эйдельмане и Окуджаве (об оценке Т. Г. Цявловской его киносценария «Личная жизнь Александра Сергеевича»).

⁵⁰ В мемуарной книге Ст. Рассадина, в очерке об Эйдельмане, а конкретно в связи с проблемой еврейских и русских генетических и культурно-исторических корней, приводится такой

Другой вид «личного контакта» с историей еще ближе к чисто художественному – контакт автора произведения со своим героем. Вот как это видит Тартаковский: «Ощущение себя участником продолжающейся в современности истории <...> помогало ему как историку и писателю само прошлое постигать, говоря пушкинскими словами, “домашним образом” – “вживаться” в эпоху, “изнутри” проникаться сознанием и настроениями реальных исторических персонажей. <...> Казалось, он чувствовал себя как бы “накоротке” с ними, их современником и добрым приятелем, никогда, впрочем, не переходя грани “амикошонского”, фамильярного обхождения с историческими деятелями прошлого»⁵¹. В статье приводятся воспоминания В. И. Порудоминского о работе Эйдельмана над «Луниным»: «Он как бы вбирал в себя декабристов, декабризм, они становились частью его самого, его состава, что-то существенное и навсегда определяли в его собственных суждениях, чувствах, поступках»⁵². Точно таким же видел исследовательско-творческий процесс Эйдельмана и А. Городницкий: «Мне довелось жить с ним вместе несколько лет и видеть его каждодневную изнурительную работу, которая его самого, казалось бы, совершенно не отягощала. Он не просто собирал и изучал документы – он буквально жил в материале, как бы перемещаясь в исследуемую эпоху и среду и вступая в прямой контакт с ее героями. Удивительное перевоплощение это напоминало вхождение актера в роль, но там вхождение внешнее, подражательное, а здесь глубокое и внутреннее, в качестве собеседника или “содельника”, если речь шла о Михаиле Лунине и других декабристах»⁵³. А в воспоминаниях Ст. Рассадина приводится письмо Эйдельмана 1980 г. с шутивными, но, как мы видим, вполне концептуальными для самого автора советами по работе над книгой об историческом персонаже: «... Интересно, как идет твой Денис 2-й (Давыдов, а 1-й – Фонвизин, о котором я написал книгу. – Ст. Р.). Не кажется ли тебе, что для более глубокого проникновения ты должен войти в гусарский образ – скакать, рубать, напиваться, выгонять иноземца? Напиши, что ты из этого осуществил»⁵⁴.

эпизод: «Когда в 1963 году вышло посмертное издание “Исследования по истории опричнины” Степана Борисовича Веселовского, тогдашний бестселлер, дотошный Слуцкий отыскал в списке жертв кромешников Грозного предков двух коллег-литераторов. И немедля им позволил. Один, Константин Симонов, полуоткрыто гордившийся, что по матери из князей Оболенских, отозвался вальяжно: “Да, там должны быть наши”. Зато Лев Ошанин до смерти перепугался своей рассекреченной принадлежности к древнему роду: “Это не мы! Я к этому отношения не имею!” Для Эйдельмана была существенна его еврейская кровь. <...> Историк России, русский писатель, он сам отращивал свои корни» (Рассадин С. Книга прощаний. С. 172).

⁵¹ Тартаковский А. Г. История продолжается... С. 29.

⁵² Там же. С. 31.

⁵³ Городницкий А. След в океане. С. 485.

⁵⁴ Рассадин С. Книга прощаний. С. 164.

В поэтических произведениях «собеседование», существование в единой плоскости автора исторического труда и его героев получает пластическое образное воплощение. Возникает и тема соприродности труда Эйдельмана поэтическому труду. В песне В. Долиной: «Не пишет стихов или песен, / Но грезит себе наяву. / Ему улыбается Пестель, / Апостол склоняет главу. <...> Потомок идет Ганнибалов / И руку беспечно дает». В следующем куплете грань между историей и литературой еще больше размывается, «Историк» оказывается в едином пространстве уже не только с историческими деятелями-героями собственных книг, но и с вымышленными персонажами произведений других авторов – «Восковой персоны» Ю. Тынянова и «Путешествия дилетантов» Б. Окуджавы: «Историка ночи бессонны. / А впрочем, и в нашей сечи / Стоят восковые персоны / И мчат дилетанты в ночи». Это говорит и о том контексте, в котором воспринимались книги Эйдельмана. Даже то, как работает Эйдельман, изображается в песне «художественно», «стилизуется» под XIX век: «Он грудью к столу принимает, / Смотрит на бумаги хитро. / Чернила к себе придвигает, / Гусиное точит перо». В «Последнем летописце» Городницкого мотив беседы историка с героями его собственных книг мотивируется переселением в одно с ними, но уже иное пространство – пространство вечности: «От бремени горестных пут / Теперь он на волю отпущен. / Его для беседы зовут / Рылеев и Пестель, и Пущин» («Последний летописец»).

Но «собеседование» – процесс двунаправленный. Эйдельман не только «вбирал в себя декабристов», и «они становились частью его самого», но и наоборот: «Столь же щедро, но, конечно, в строгую меру присущего ему историзма Эйдельман готов был наделить наиболее дорогих ему исторических персонажей своей добротой, мудростью, юмором, сокровенными переживаниями и страстями»⁵⁵. А. Г. Тартаковский, присоединяясь к размышлениям самого Эйдельмана о том, что «всякий ученый <...> невольно окрашивает своих героев в “собственные цвета”», пишет: «Лунин, С. И. Муравьев-Апостол или Пущин отныне прочно “окрашены” в нашем сознании в эйдельмановские “цвета”»⁵⁶. И эта персональная «эйдельмановская оболочка» была для современников не менее важна, чем содержание его книг. Городницкий приводит высказывание об Эйдельмане М. Жванецкого: «Он сам гораздо более популярен, чем те люди, о которых он пишет»⁵⁷.

Можно провести параллель с феноменом бардовской поэзии (и вообще «звучащей» поэзии «оттепели»). Важнейшей составляющей, определяющей, особенно на первых порах, ее восприятие, была личность автора, которого слушатель

⁵⁵ Тартаковский А. Г. История продолжается... С. 30.

⁵⁶ Там же. С. 31.

⁵⁷ Городницкий А. След в океане. С. 489.

видел непосредственно перед собой, не просто слышал текст, но и улавливал и интерпретировал авторские интонации⁵⁸. Нужно сказать, что для Эйдельмана также необходимо было не только опосредованное, через написанное, общение с аудиторией, но и устные выступления. По словам Тартаковского, «Эйдельман впервые у нас вывел историю на подмостки массовой аудитории, воплотив в своем облике ее устную, говорящую, ораторскую стихию, – он был единственным в своем роде устным историческим писателем»⁵⁹. В мемуарах Городницкого говорится и об устных выступлениях Эйдельмана в самых разных аудиториях: в библиотеках, музеях, школах, в рамках мероприятий, посвященных важным событиям отечественной культуры, на концертах, даже просто для специально собиравшихся детей его друзей, а также в дружеских компаниях. «Даже вечером, после целого дня <...> каторжной работы, он ощущал потребность что-нибудь рассказывать и радовался по-детски любой застольной аудитории»⁶⁰ (в стихотворении «На даче» – «Мы позднюю ночью сидим за бутылкой вина»). Устные выступления и дружеские разговоры содержали много такого, что было очень важно для самого Эйдельмана, но не могло в полном объеме или в том виде, как ему хотелось, войти в печатные труды. Это касалось и содержания, например, рассказов о «тайнах» известных исторических лиц (на подобных эйдельмановских «апокрифах» строятся сюжеты некоторых произведений Городницкого), и субъективной интерпретации фактов. Тартаковский цитирует Н. Н. Покровского: «Я наблюдал, как в свои приезды в Новосибирск Натан от раза к разу в своих выступлениях все больше уделял внимания моральным факторам движения общества вперед, как жадно внимала студенческая аудитория его рассказам о жизни по законам правды, чести, бескорыстия не только Лунина, Пушкина, но и Мицкевича, Карамзина»⁶¹.

Остается добавить, что в создании образа самого Эйдельмана в мемуарах его современников большую роль играют карамзинские и пушкинские мотивы, но эта тема заслуживает отдельного подробного рассмотрения⁶².

⁵⁸ Не случайными были споры о том, может ли быть адекватным восприятие авторской песни в исполнении других людей, в напечатанном виде. Примеры можно найти в статьях на пластинках серии «На концертах Владимира Высоцкого».

⁵⁹ Тартаковский А. Г. История продолжается... С. 41.

⁶⁰ Городницкий А. След в океане. С. 485.

⁶¹ Тартаковский А. Г. История продолжается... С. 42. Цит. по: Покровский Н. Н. Проблемы истории России в работах Н. Я. Эйдельмана // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 168.

⁶² Карамзинские ассоциации частично рассмотрены нами в статье: Биткинова В. В. История и историки: Н. М. Карамзин и Н. Я. Эйдельман в поэзии и мемуарах Александра Городницкого // Карамзинский сборник. М., 2011. Вып. 1. С. 308–321.

М. Н. Покровский и столетний юбилей восстания декабристов

Среди работ отечественных декабристоведов, подготовленных в связи с празднованием в 1925 г. столетнего юбилея восстания декабристов, особое место занимали труды «отца марксистской историографии», «красного Карамзина» М. Н. Покровского. В 1927 г. с некоторым опозданием вышел юбилейный сборник его статей о декабристах, написанных в советское время. Он включал в себя несколько юбилейных статей, опубликованных в центральной печати, а также лекции, прочитанные для партийной номенклатуры, предисловия к статьям Г. В. Плеханова и А. И. Герцена. Работы М. Н. Покровского отличались яркой публицистичностью, носили отчасти пропагандистский характер и отражали еще неустоявшуюся позицию большевистской власти по отношению к декабристам. Труды М. Н. Покровского были настолько политизированы и конъюнктурны, что едва ли можно всерьез говорить о научной ценности этих его публикаций в академическом смысле слова. Но никак невозможно пройти мимо них, потому что эти работы лидера большевистской историографии оказали сильнейшее влияние на развитие исторической науки советского периода. Точнее говоря, не столько сами работы, сколько их критика. Лозунг мировой революции был ведущей идеей внутренней и внешней политики Советского государства того времени. Едва ли будет преувеличением сказать, что М. Н. Покровский к трактовке декабризма подходил с точки зрения идеи мировой революции: были ли они революционерами и если они революционеры, то такие ли, с которых следуют брать пример будущим деятелям мирового революционного процесса? На этот вопрос большевистский историк отвечал отрицательно. Лейтмотивом его работ этого времени является резкое противопоставление большевиков и декабристов. Сопоставление, разумеется, оказывалось не в пользу декабристов. Можно даже сказать, что М. Н. Покровский старался использовать декабристов как выгодный фон для восхваления партии большевиков. Чем непривлекательней выглядят декабристы, тем выигрышней смотрятся большевики. Отсюда уничижительные характеристики декабризма, почти карикатурное изображение лидеров Северного общества (в отличие от руководителя Южного, в котором просматривается прообраз большевика) и, разумеется, самого выступления 14 декабря. Создается впечатление, что М. Н. Покровский состязался сам с собой, стараясь найти наиболее уничижительные толкования всего, что сделали или пытались сделать декабристы. В этих поисках «красный профессор» с необыкновенной легкостью менял свои трактовки. Неизменным оставалось лишь утверждение, что декабристы, в отличие от большевиков, не были подлинными революционерами.

В статье, опубликованной в «Правде» к юбилею декабристов, М. Н. Покровский писал: «Очень мало похожи эти люди на тех революционеров, которых знала Россия уже со времени “Народной воли”»¹. Статью «Два восстания», обнародованную в журнале «Под знаменем марксизма» в том же 1925 г., М. Н. Покровский закончил фразой, которая могла бы послужить эпиграфом ко всему, написанному им о декабристах: «До Ленина и большевиков никто не осмелился поставить вооруженное восстание в порядок дня для реализации»².

Что касается событий 14 декабря, то их толкования у М. Н. Покровского были различны. В статье в «Правде» он признавал, что это было «первое восстание против царизма», но оно было подготовлено «рыхлой организацией», без определенного плана и определенной цели³. Когда настало время действовать решительно, у лидеров началась истерика. Трубецкой даже не явился на площадь. Больше всего декабристы опасались народа, боялись, что солдаты начнут стрелять сами. Ненависть к крепостничеству привела нижних чинов на Сенатскую площадь. Только гибель этих людей дает право сказать, что «в России в 1825 г. началась революция»⁴.

В статье «Два восстания» автор утверждал, что эта была «интеллигентская революция в самом точном смысле слова»⁵. Декабристы – это военные дворянские интеллигенты, которые «не могли вылезти из классовой и профессиональной кожи». Всем интеллигентам свойственно уповать на действия сверху, а не снизу. Декабристы не воспользовались оружием, хотя имели его в руках. Это типично интеллигентский поступок. В их действиях не было ничего революционного. Народные массы не участвовали в выступлении лишь по той причине, что декабристы их не допустили. «Моральный эффект восстания был ничтожный». Декабристы стали маяком освободительного движения только в 1840–1850-е гг., когда сложилась «революционная легенда 14 декабря»⁶. Складыванию «революционной легенды» были посвящены две статьи – предисловие к работе Герцена «Русский заговор 1825 г.» и специальная статья, которая так и называлась «Декабристы. (Легенда и действительность)». Создателем «революционной легенды» о декабристах, которые в действительности революционерами вовсе не являлись, М. Н. Покровский объявил Герцена⁷. Развенчанию этой «легенды» была посвящена особая работа, вышедшая в «Записках Коммунистического университета им. Свердлова» еще до юбилея. Излагая план Тру-

¹ Покровский М. Н. Декабристы. М.; Л., 1927. С. 69.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Там же. С. 51.

бецкого, М. Н. Покровский язвительно, почти в издевательской манере подчеркивал, что лидер северян стремился прежде всего избежать «буйства» и «разброда», то есть массового революционного движения, и предпочитал не опережать событий, а ожидать всего от обстоятельств.

С присущей ему большевистской прямоотой М. Н. Покровский назвал это «хвостизмом», «философией меньшевиков» во время революции 1905–1907 гг. и в 1917 г., когда они ожидали созыва Учредительного собрания. Далее на Трубецкого посыпались политические обвинения. В тайном обществе существовали две тактики: тактика решительного наступления и тактика трусливого «выжидания событий». Стратегия революции всегда одинакова, и «все соглашатели похожи друг на друга»⁸. «Соглашатель легко становится предателем – предатель с такой же легкостью обращается в контрреволюционера».

Трубецкой «сознательно стремился сорвать революцию». На следствии он донес на Пестеля. Лучший из северных декабристов – Рылеев – сделал это неделей раньше. Лидеры «раскрывали перед “законной властью” все тайники своей души, а равно и чужих душ, если они по неосторожности были для них открыты». «Казалось, ужаснее показаний Рылеева ничего быть не может, но ему самому и они казались недостаточно откровенными»⁹.

Такой трагический финал был более чем закономерен. Заговору Северного общества вопреки воле руководителей пришлось начать «с вооруженного восстания». Только они заботились, чтобы это было «как можно меньше восстание, а уж если восстание, то елико возможно с меньшим применением оружия». Узнав о том, что будет «пальба», Трубецкой «решил никакого участия не принимать ни в коем случае». Он не струсил. Причина измены вождя была «военно-техническая». Как опытный солдат, трезво рассчитав соотношение сил, он понял, что рисковать головой не стоит. Этот старый солдат не был революционером. Лидеры Северного общества боялись не крови, но «пальбы». Она ведь означала сражение и междоусобную войну, а весь план строился на том, чтобы ее избежать. Николай не побоялся сделать это и победил. «Революционная инициатива оказалась в руках самодержавия; на этом парадоксе оборвался Северный заговор»¹⁰. Так закончилась «не-революционная революция»¹¹.

Еще раньше в лекциях, прочитанных в Коммунистическом университете им. Свердлова в 1922–1923 гг., М. Н. Покровский попытался показать экономическую подоплеку декабристкой неревлюционности. По его словам, декабристы являлись средними землевладельцами центральной полосы России, тесно связанными

⁸ Покровский М. Н. Декабристы. С. 73.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ Там же. С. 50.

¹¹ Там же. С. 51.

с развитием промышленного капитала, который был заинтересован в свободных рабочих руках и, следовательно – в ликвидации крепостничества. Поэтому программа «декабристской массы» состояла в отмене крепостного права и получении цензовой конституции. Отсюда проистекала особая тактика: «путем морального давления на власть принудить правительство пойти на те или иные шаги»¹². По мере того, как падали цены на хлеб в 1820-е гг., у помещиков пропадала заинтересованность в освобождении крестьян и уничтожении самодержавия. «Так называемое декабристское движение в своей первоначальной форме вовсе не было революционным»¹³. «Движение само по себе не революционное превратилось затем в настоящую революцию, правда, в революцию-выкидыш, но которая дошла, во всяком случае, до картечи». В Петербурге «произошло что-то вроде карикатуры восстания»¹⁴. Приписывать северянам «настоящее революционное восстание даже и в этот момент было бы крайне неосторожно». Ведь взяться за оружие декабристы собирались лишь в случае неудачи. «А удачу они мыслили себе так: никто не разберет, кто сейчас царь, поэтому нужно с будущего царя взять взятку: заставить его подписать конституцию. Глава северного заговора Трубецкой предлагал собрать на площади перед Сенатом в большом числе полки, окружив Сенат и Синод, держать в своих руках юридическую и церковную верхушку России, и, заручившись этим опорным пунктом, начать разговор с Николаем: не угодно ли подписать конституцию, тогда мы присягнем. Если вы согласитесь созвать в Петербурге представителей от сословий, то великолепно, если нет, то будем стоять, и посмотрим, кого народная масса признает царем. А тут соберутся к нам все, кто желает перемены, зашевелятся военные поселения и армия, и мы добьемся своего»¹⁵. Таким образом, стержнем плана неревolutionной революции, по мнению М. Н. Покровского, являлись переговоры с претендентом на престол.

Те же идеи М. Н. Покровский проводил в лекциях по истории революционного движения в России, которые он читал для секретарей уездных комитетов в 1923–1924 годах. Здесь он утверждал, что Северное общество – это «типичная буржуазно-помещичья группировка»¹⁶. Хлебный вывоз побудил ее добиваться ликвидации крепостного права. В Северном обществе существовали «два извода»: монархический и республиканский. Вождем республиканцев был Рылеев. Северные декабристы «восстания вовсе не имели в виду... 14 декабря никакого

¹² Покровский М. Н. Декабристы. С. 16.

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 29.

¹⁶ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. М.; Л., 1927. С. 28.

восстания не предполагалось»¹⁷. Трубецкой намеривался «собрать известное количество неприсягнувших полков, вывести их на площадь... и, так сказать, с ружьем у ноги ждать, как на это будет реагировать, с одной стороны, правительство, а с другой стороны, общество. Расчет Трубецкого... был таков: увидев солдат вооруженных и держащихся дружно, правительство, по всей вероятности, пойдет на уступки и согласится удовлетворить минимальные требования северных декабристов, заключавшихся в том, чтобы созвать в Петербурге» собрание депутатов по сословиям. Они составят учредительное собрание, которое выработает конституцию. Это была программа-минимум Трубецкого. «С другой стороны, ...увидев, что собранные солдаты не производят никакого беспорядка (это непроизведение беспорядка было одним из кардинальных условий для Трубецкого и его общества), те люди, которые сочувствуют конституции, начнут приставать» к восставшим. «Правительство, с одной стороны, увидя эту вооруженную массу и не решаясь в нее стрелять, пойдет на уступки, а с другой стороны, увидев, что солдаты действуют благонамеренно, слушаются своего начальства, не грубят и не бесчинствуют, а смирно дожидаются собрания по сословиям, где будут преобладать помещики и буржуа, тоже проникнутся сочувствием к этому движению и примкнут к нему». При этом Трубецкой более всего опасался, если начнется «пальба». «Пальба» – это кошмар Трубецкого. Вокруг этой пальбы вертятся все его опасения перед этим днем. Узнав, наконец, что «палить будут», диктатор решил не принимать никакого участия в этом движении и исполнил свое слово. «Утром того дня, когда происходила демонстрация (так приходится ее называть) на Сенатской площади, он на эту демонстрацию не ходил». «Совершенно ясно, – резюмировал М. Н. Покровский, – что руководители движения не были революционерами. Они революции не желали». «Таким образом, они, вожди заговора, – считал нужным еще раз повторить свою мысль “красный профессор”, – конечно, не были революционерами, и... вели себя не как революционеры»¹⁸. Особенно ярко это проявилось во время следствия. Трубецкой «рассказал буквально целый том, ...и на основании этого тома следователи ...составили основной список участников заговора». Аналогичные показания Рылеева производят «гораздо более грустное впечатление». Одним словом, поведение на следствии руководителей «демонстрации» 14 декабря было «ультрапозорно»¹⁹.

Нетрудно заметить, что план Трубецкого характеризуется М.Н. Покровским несколько иначе, чем в предыдущем сочинении. Если раньше участники «не-революционной революции» должны были пойти на переговоры с претендентом на престол, то теперь торг с руководителями «демонстрации» должно начать са-

¹⁷ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения. С. 30.

¹⁸ Там же. С. 32.

¹⁹ Там же.

мо правительство. Очевидно, М. Н. Покровский главным считал обличение руководителей Северного общества, недаром же их поведению на следствии, в нюансах которого автор не считал нужным разобраться, придавалось такое гипертрофированное значение. Что же касается плана выступления 14 декабря, то М. Н. Покровский, видимо, не составил для себя совершенно четкого представления, в чем именно он состоял.

Это особенно ясно видно на примере предисловия М. Н. Покровского к изданию речи Г. В. Плеханова «14 декабря 1825 г.», прочитанной в Женеве в день 75-летнего юбилея восстания декабристов, а теперь, в 1926 г., изданной отдельной брошюрой. В 1900 г. Г. В. Плеханов назвал декабристов людьми, сознательно шедшими на мученичество, «чтобы своей гибелью указать путь следующим поколениям»²⁰. М. Н. Покровский пожурил «первого русского марксиста» за то, что он не увидел классовых корней выступления и его экономической подоплеки. Но похвалил за то, что тот прозорливо рассмотрел в событиях 14 декабря «не вооруженное восстание в точном смысле этого слова, а лишь вооруженную манифестацию»²¹. М. Н. Покровский подчеркнул: декабристы не боялись кровопролития как такового, не опасались увеличить число жертв. Трубецкой на следствии признавался, что в его план входил захват дворца, «а это пахло очень большим кровопролитием. Но одно дело – резня в стенах дворца, другое дело – открытый бой на улицах. План Трубецкого был планом государственного переворота, и этому перевороту всего больше могла помешать народная революция»²². Появление на улицах народной массы было бы для декабристов «величайшей бедой». Поэтому они оттягивали открытый бой и сознательно мешали стрелять своим солдатам. Для их главной цели – освобождения крестьян – вооруженная борьба была не нужна. Сам Александр I обещал отменить крепостное право и дать конституцию. Но поперек дороги стояла фельдфебельская фигура Николая. Ее надо было убрать во что бы то ни стало. Для этого не требовалось стрелять из пушек, достаточно было кинжала или пистолета.

Это рассуждение М. Н. Покровского в одной из последних работ по декабристской тематике примечательно прежде всего тем, что автор к тому времени уже знал о планах декабристов гораздо более, чем раньше. Центрархив уже издал следственные дела руководителей Северного общества с предисловием М. Н. Покровского. Эти дела содержали богатый материал об обсуждении планов руководителей тайного общества, связанных с захватом Зимнего дворца и арестом императорской фамилии, то есть действиях, по понятиям М. Н. Покровского,

²⁰ Плеханов Г. В. 14-е декабря 1825 года (Речь, произнесенная на русском собрании в Женеве 14/27 декабря 1900 г.) Т. Пг., б. г.

²¹ Покровский М. Н. Декабристы. С. 56.

²² Там же. С. 57.

революционного характера. Но «красный профессор» предпочел пройти мимо них. Лейтмотивом «Предисловия» стала все та же тема морального падения руководителей восстания на следствии. Показания Рылеева М. Н. Покровский даже назвал «одним из самых трагических “человеческих документов”, какие знает история»²³. Поэтому не должно удивлять то, что, описывая в предисловии к брошюре Г. В. Плеханова «вооруженную демонстрацию», М. Н. Покровский впервые упомянул: «план Трубецкого предполагал захват дворца и даже резню в стенах резиденции, а это пахло очень большим кровопролитием». Казалось бы, предполагавшаяся резня во дворце дезавуировала утверждения о мирном характере вооруженной демонстрации. Но М. Н. Покровскому надо было во что бы то ни стало обличить декабристов. Поэтому он и положение о захвате дворца, акте, несомненно, революционном, умудрился использовать как аргумент в пользу «нереволюционности» декабристов: одно дело резня во дворце, другое дело – открытый бой на улицах. Захват дворца теперь трактовался как средство не допустить «народной революции».

Подводя итог «декабристоведению» М. Н. Покровского, следует признать, что планы выступления тайного общества 14 декабря ему так и остались неясны. Трактовку их он менял, руководствуясь политической конъюнктурой. Но, поставив конъюнктуру во главу угла, М. Н. Покровский едва мог предположить, что именно она приведет его к политической смерти. В середине 1930-х гг., когда М. Н. Покровский уже умер, конъюнктура изменилась, и его работы, проникнутые коммунистической убежденностью в правоте своего дела, не только потеряли актуальность, но и стали прямо-таки политически вредны.

²³ Восстание декабристов : Материалы и документы : в 18 т. М., 1955. Т. I. С. 19–29.

История российского города XVIII–XIX вв. в работах И. И. Дитятин

Изучение развития российских городов в имперскую эпоху пока не относится к самым популярным темам отечественной историографии. Хотя первые специалисты в данной области появились уже во второй половине XIX века. Одним из них был профессор государственного права и истории русского права Иван Иванович Дитятин.

Дитятин родился в 1847 г. в Санкт-Петербурге. Его отец – мещанин г. Воротынска Калужской губернии – перебрался в столицу и добывал себе средства к существованию извозным промыслом. Несмотря на невысокий социальный статус и скромные доходы семьи, Дитятин, тем не менее, получил хорошее образование. Окончив церковно-приходское училище, а затем гимназию, в 1866 г. Иван Иванович поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где тогда преподавали видные специалисты в различных отраслях правоведения и истории русского права – И. Е. Андреевский, П. Г. Редкин, А. Д. Градовский. Особое впечатление на Дитятин произвели лекции последнего, и это впечатление, безусловно, сказалось на его научном становлении. Со своей стороны Градовский обратил внимание на способности и энергию этого студента, на его склонность к глубокому научному анализу¹.

По окончании университета со степенью кандидата прав (1870) Дитятин остался при университетской кафедре государственного права «для приготовления к профессорскому званию». Область его научных интересов формировалась под влиянием работ Градовского. В своей докторской диссертации «История местного управления в России» Градовский рассмотрел особенности социального устройства, административного деления и местного управления Московского государства XVI–XVII веков². Согласно его представлениям, суть развития государства лежит во взаимодействии двух начал: централизации и децентрализации. В последнем случае высшая государственная власть передает часть своих полномочий органам местного самоуправления. При этом, по мнению автора, личная свобода человека снижается, поскольку ее теперь ограничивает «двойное подчинение»: личности приходится переносить не только власть центра, но и «тиранию местных властей, облеченных доверием общества» (здесь и далее курсив А. Д. Градовского. – М. З.). За счет ограничения частной свободы «на самоуправ-

¹ См.: Дьяконов М. А. Иван Иванович Дитятин (некролог) // ЖМНП. 1893. Т. 1 (285). С. 18; Русский биографический словарь / изд. под наблюдением А. А. Половцова. СПб., 1905. Т. 8. С. 414.

² См.: Градовский А. Д. История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1.

ление тратится больше денег, больше людей, больше времени», поэтому самоуправление – это «жертва, приносимая свободой общему благу». Таким образом, Градовский не согласен с теми, кто реализацию принципа самоуправления в государственном и общественном устройстве понимает исключительно как развитие личной свободы и индивидуализма. Самоуправление, в его построении, является проявлением не личной, а общественной свободы³.

Рассмотрев организацию местного управления в России XVI–XVII вв., Градовский заключил, что по объективным причинам в «московский период» самоуправления (в его понимании этого термина) на местах не существовало. Все функции местного управления сосредотачивали в себе московские приказы. Складывающиеся сословия были закрепощены центральной властью, ориентировались только на нее, а не на местные общие интересы, и внутреннего сословного самоуправления также не имели. Автор завершает свой труд следующим высказыванием: «Преобразование сословий в простые классы единого местного общества, перенесение мест центрального управления из столицы в местность и развитие органов общего местного надзора было делом XVIII и XIX столетий»⁴.

Несмотря на отмеченный в названии номер тома и на неоднократное упоминание в тексте о планируемом рассмотрении тех же вопросов применительно к более позднему периоду русской истории, труд Градовского не получил продолжения. Однако Дитятин решил поддержать начинание своего учителя. Предметом его первого научного сочинения стало социально-административное устройство и управление городов России в XVIII столетии⁵. Тематически и хронологически эта работа продолжает «Историю местного управления в России». Правда, Дитятин решил ограничиться рассмотрением не всего административного устройства Российского государства, а лишь его городской части. Отталкиваясь от наработок своего предшественника, он поставил себе задачу проследить развитие отношений между центральным правительством и местными (городскими) обществами в XVIII веке.

Это направление исследований было относительно новым в русской исторической науке. К 1870-м гг. было создано лишь три крупных сочинения, предмет которых так или иначе связан с данным вопросом. Первое из них – опубликованный в 1852 г. очерк Л. О. Плошинского о городском или, как его называет автор, «среднем» состоянии в России с древнейших времен⁶. Автор этой работы излагает основные факты, касающиеся развития русского города и положения город-

³ См.: Градовский А. Д. Указ. соч. С. LXXII, LXXIII.

⁴ Там же. С. 384.

⁵ См.: Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1 : Города России в XVIII столетии. СПб., 1875.

⁶ См.: Плошинский Л. О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852.

ских обывателей в различные исторические эпохи, в том числе описывает правительственные меры по модернизации городского управления и самоуправления на протяжении XVIII столетия. Правда, уровень научного анализа в труде Плошинского не очень высок: рассматривая причины правительственных мероприятий в городской сфере и их исторические последствия, он ограничивается лишь самыми общими фразами и замечаниями, зачастую не выявляя разницу между нововведениями «на бумаге» и теми реальными результатами, к которым реформы приводили. Период же от утверждения жалованной грамоты городам 1785 г. до середины XIX в. изложен, по довольно туманному признанию самого автора, «не исторически, а догматически»⁷.

Другой близкой по тематике работой является обзор правительственной политики в отношении городского самоуправления, который был составлен чиновником МВД П. А. Мулловым в связи с разработкой городской реформы Александра II⁸. От работы Плошинского это сочинение отличается лаконичностью (особенно в разделе о городской общественной жизни в допетровскую эпоху), а также тем, что в нем изложены основные принципы городских реформ в Санкт-Петербурге (1846), Москве (1862) и Одессе (1863). Муллов еще менее, чем его предшественник, был склонен к теоретизации и глубокому историческому анализу происходивших в городской сфере процессов. Собственно, целью составленного им обзора было не это, а своего рода «информационное обеспечение» подготовки общероссийской реформы городского самоуправления.

Еще один подобный труд создал А. П. Пригара, защитивший в 1868 г. в Киевском университете диссертацию на степень магистра государственного права «Опыт истории состояния городских обывателей при Петре Великом» и опубликовавший тогда же соответствующую монографию⁹. Из трех указанных сочинений это имеет самый высокий научный уровень. В нем на основе в первую очередь актовых материалов, помещенных в «Полном собрании законов Российской империи», подробно рассмотрена эволюция социального устройства городского населения с древнейших времен до эпохи Петра I включительно. К сожалению, продолжить и окончить свой труд этот рано ушедший из жизни историк и правовед не успел.

В процессе создания первого тома «Устройства и управления городов в России» Дитятин опирался как на труды указанных специалистов, так и на другие историко-юридические и общеисторические сочинения. Свою работу он начи-

⁷ Плошинский Л. О. Указ.соч. С. XI.

⁸ См.: Муллов П. А. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864.

⁹ См.: Пригара А. П. Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. Ч. I: Происхождение состояния городских обывателей в России и организация его при Петре Великом. СПб., 1868.

нает с исторического экскурса, в котором, учитывая многочисленные исследования иностранных авторов, рассматривает развитие городов Западной Европы, становление городских общин в Италии, Франции, Германии и Англии, их борьбу с феодалами и центральной властью за права и вольности, а также падение их политической независимости и влияния с конца XV столетия в связи с формированием централизованных государств и усилением монархий. Эта вводная часть в дальнейшем позволяет Дитятину активно использовать сравнительно-исторический метод, сопоставляя процессы, происходившие в городской сфере в России и в Западной Европе. Стоит отметить, что подобного рода обращение к европейскому опыту при изучении российской истории в XIX в. было довольно популярно. Такие сравнения можно найти как в упоминавшемся выше труде А. Д. Градовского, так и в работах крупнейших русских историков С. М. Соловьева¹⁰, Б. Н. Чичерина¹¹ и других, использовавшихся Дитятиным.

Основная часть первого тома «Устройства и управления городов в России» представляет собой анализ правительственной политики в отношении городского населения. Автор отталкивается от идеи историков «государственной школы» (С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина), а также своего учителя А. Д. Градовского о том, что к концу XVII в. все население России «организуется в систему государственно-тяглых сословий». «Эта система, – утверждает Дитятин, – вместе с фактическим состоянием на Руси торговли и промыслов, с одной стороны, и земледелия, с другой, и их взаимных отношений, не могла содействовать развитию города ни в фактическом отношении – как торгово-промышленных пунктов, <...> ни в юридическом – как единого организма, представляющего собою совокупность всего городского населения». «Город, – пишет он далее, – представляя собою, фактически, совокупность отдельных слоев населения, несших различные тягла, не мог ни в коем случае быть чем либо иным, кроме простого конгломерата отдельных общин, не связанных между собою, если можно так выразиться, химически»¹². Автор подчеркивает, что городское население было разрознено не только в социальном, но и в административном отношении, поскольку в XVII в. не существовало ни одной общественно-выборной или правительственной должности, ни одного учреждения, которые ведали бы город как отдельную административную единицу. Все они ведали или часть города или пространство всего уезда вместе с городом. Специальных учреждений, под контролем и управлением которых было бы все городское или хотя бы все торгово-промышленное население, не существовало как на местном, так и на центральном уровне¹³.

¹⁰ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1851–1879. Т. 1–29.

¹¹ См.: Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России в XVII в. М., 1856.

¹² Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. С. 497, 498–499.

¹³ Там же. С. 500–501.

Исходя из этого, Дитятин проследил эволюцию государственной политики в городской сфере в XVIII столетии, для чего главным источником послужили опубликованные в составе «Полного собрания законов» законодательные акты, регулировавшие городскую жизнь. С целью собрать «рассыпанную храмину»¹⁴ российского торгово-промышленного люда Петр I провел ряд реформ. В 1699 г. были введены Бурмистерская палата (Ратуша) в центре и земские избы на местах для более исправного сбора налогов с посадских людей и купцов, а также для решения сословных дел этих категорий населения, причем формировать новые органы должны были сами горожане путем выборов. Однако очень скоро выяснилось, что новая система неэффективна, она сохраняет пороки старой администрации и наносит ущерб как интересам казны, так и самому городскому населению, что Дитятин объясняет различными объективными и субъективными причинами. Постепенно осознавая эти недостатки, царь-реформатор сам сужает компетенцию земских изб и Ратуши, ставит их под контроль коронных учреждений, а в 1708 г. в связи с появлением губернской администрации городские органы полностью теряют свое значение¹⁵.

Вторую попытку собрать «рассыпанную храмину» Петр предпринял в начале 1720-х гг., когда учредил городские магистраты на местах и Главный магистрат в Санкт-Петербурге. Эта реформа несколько отличалась от предыдущей: магистраты получили более подробное описание сферы деятельности, их полномочия распространялись не только на фискальную и сословную, но и на судебную сферу. Однако Дитятин не находил в данном преобразовании принципиального прогресса. С его точки зрения, магистраты – «все те же государственно-сословные, административные учреждения, которые *местными* можно назвать разве потому лишь, что находятся они не в Москве или Петербурге как центрах государственной администрации, а в губернии и уездах». Он считал, что нет никаких причин «видеть в них *общинно-городские* учреждения», поскольку они «как и земские избы, не ведают всего города как совокупности всего городского сословия, а лишь одну часть его – торгово-промышленное население – «регулярных граждан», к которым ни духовенство, ни дворяне, ни «подлые» люди не принадлежали»¹⁶. При преемниках Петра начатое им собиранье «рассыпанной храмины» не только не продолжилось, но и в определенных моментах дало «задний ход». Главный магистрат на несколько лет был отменен и восстановлен лишь при Елизавете (в 1743 г.), а вся магистратская система де-факто перешла под полный контроль губернаторов и воевод.

¹⁴ Выражение из «Регламента или Устава Главного магистрата», утвержденного 16 января 1721 г.

¹⁵ См.: Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. С. 179–189.

¹⁶ Там же. С. 504.

В таком положении городские дела находились до эпохи преобразований Екатерины II. Только в это время, по мнению Дитятин, произошел настоящий переворот в законодательстве о городском устройстве. «Жалованная грамота городам 1785 года ложится в наше законодательство о городах краеугольным камнем, на котором покоилось городское общественное устройство до самого последнего времени. Она понимает город как юридическое лицо; понимает его как особую, местную общину, имеющую свои, особые от государственных, интересы и нужды. Она создает действительно *городские* учреждения, учреждения, образованные из представителей *всего* городского населения, всех слоев его. Эти учреждения являются городскими <...> и по объему их компетенции, которая распространяется на *весь* город, на *все его население*, а не на одну какую-либо часть его»¹⁷. Таким образом, только в конце XVIII в. начинает возникать городская община, получившая, пусть и небольшие, права самоуправления. Вслед за историками государственной школы Дитятин связывает этот процесс с раскрепощением сословий, с освобождением их от государственного тягла, произошедшим по инициативе самого государства. Утратив жесткую сословную зависимость от центральной власти, горожане получили возможность образовать общину, связанную совместными интересами и правами. Правда, этот важнейший исторический процесс – «воскресение» городской общины в качестве «земской автономической единицы» – растянулся почти на столетие¹⁸.

Санкт-Петербургский университет присвоил Дитятину за это сочинение степень магистра государственного права и вскоре он был назначен экстраординарным профессором Демидовского юридического лицея в Ярославле. Работая на лицейской кафедре энциклопедии права с 1875 по 1878 г., он активно участвовал в общественной жизни губернии, способствовал обработке и сохранению материалов Ярославского губернского архива. Параллельно с этим Дитятин продолжал интенсивную научную деятельность, главной целью которой, естественно, было написание второго тома «Устройства и управления городов в России». Правда, еще до выхода этого труда он опубликовал некоторые результаты своих исследований¹⁹.

Второй том главного сочинения Дитятин вышел через два года после первого²⁰. И в нем автор прежде всего отдал дань сравнительно-историческому ме-

¹⁷ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. С. 505–506.

¹⁸ Там же. С. 506.

¹⁹ См.: Дитятин И. И. Наше городское самоуправление. (Речь, произнесенная на годовичном акте Демидовского юридического лицея 30 августа 1876). Ярославль, 1876; *Он же*. Очерк истории цехов в Западной Европе // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1876. Кн. 11.

²⁰ См.: Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 2 : Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1877.

тому, рассмотрев эволюцию городского устройства Франции, Бельгии и Пруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. Анализ влияния муниципальной практики западноевропейских государств на российское городское законодательство привел Дитятин к оригинальному выводу: «механическое» копирование некоторых внешних форм западного городского устройства Россией происходило в то время, когда городское развитие шло в двух соседствующих цивилизациях в прямо противоположных направлениях. В Европе давно сложившиеся городские общины испытывали в указанный период определенное давление со стороны своих национальных правительств, которые относились «в значительной степени подозрительно, даже враждебно к автономии» этих общин, усматривая в них своего рода политических конкурентов. Из-за этого уровень административной самостоятельности муниципалитетов на Западе снижается, а надзор со стороны государства возрастает. В то же время в России главной задачей государства было побудить городское население к самостоятельности, «создать, выработать в нем просто тенденцию к самодеятельности». Этим путем наше правительство шло со времен Петра I, а особенно интенсивно – в конце XVIII и первой половине XIX столетия. Но поскольку, как отмечалось выше, многие принципы муниципального устройства в этот период заимствовались из Западной Европы, вместе с ними сюда проникло «опасливое, почти враждебное отношение правительства к городской автономии». Поскольку оно не имело глубоких исторических оснований (городская община в России перестала быть конкурентом государственной власти уже к XV в.), Дитятин сравнивает такое отношение с борьбой с ветряными мельницами²¹.

В основной части работы проанализирована судьба городского устройства в России со времен правления Павла до начала эпохи Великих реформ. Отличительной особенностью второго тома «Устройства и управления городов России» по сравнению с первым является более разнообразная источниковая база исследования. К законодательным актам, извлеченным из «Полного собрания законов» и «Свода законов Российской империи», прибавились опубликованные делопроизводственные материалы²², статистические сборники²³, а также архивные источники (в основном – документы хозяйственного департамента МВД Российской империи и Ярославского губернского архива).

²¹ См.: Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 2. С. 109–113.

²² См.: Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи (Городовое положение 16 июня 1870 г.). СПб., 1877. Т. 1–4.

²³ См.: Штер М. П. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб., 1829; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1852; Городские поселения в Российской империи: в 7 т. СПб., 1860–1865; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб., 1863. Ч. I–II и др.

С точки зрения Дитятин, при императоре Павле произошло упразднение екатерининской Жалованной грамоты городам и насаждение новой городской системы, во главе угла которой стоял уже принцип не самоуправления, а бюрократического управления. Правда, такой поворот в настроении власти дать серьезные исторические результаты не смог, так как павловское царствование внезапно окончилось уже в марте 1801 г. – в тот момент, когда многие начинания существовали лишь «на бумаге», а осуществленные меры еще не успели пустить глубоких корней. Новый глава государства Александр I через несколько дней после воцарения отменил все нововведения своего отца в городской сфере и восстановил действие Жалованной грамоты 1785 г. в полном объеме. Изучение дальнейшей правительственной политики в отношении городов привело Дитятин к выводу, что, хотя Александр I и восстановил Жалованную грамоту в качестве основы всего городского устройства, ни для его правительства, ни для правительства его преемника, Николая I, этот документ не являлся непреложным. Они «не видели в городском положении²⁴ 1785 года что-либо такое, что следовало бы признавать неприкосновенным; наоборот, они прямо считали его во многом несостоятельным, требующим разработки в применении его к отдельным городам». Такая «разработка», то есть дополнение, уточнение и – в некоторых частных случаях – изменение норм Жалованной грамоты, началось уже в первые годы царствования Александра I и продолжалось в течение более чем полувека. В результате она «из несложного и скромного по объему памятника законодательного разрослась ко второй половине настоящего столетия чуть не в несколько самостоятельных уставов и положений; появилась масса отдельных положений и инструкций; но все это покоилось на началах названной грамоты»²⁵.

По мнению Дитятин, со временем правительство осознало несостоятельность основных начал Жалованной грамоты и задумалось о пересмотре всего муниципального устройства. С 1821 г. по инициативе МВД начинается разработка принципов коренного преобразования городской системы, после чего четверть века ведется обычная для той эпохи бюрократическая деятельность в данном направлении: собираются различные комитеты и комиссии, выдвигаются проекты городской реформы (последние автор подробно анализирует). К 1840-м гг. идея коренного преобразования городской системы во всей России постепенно трансформировалась в идею реорганизации городских учреждений Санкт-Петербурга и Москвы. Причину этого Дитятин видит в серьезных противоречиях во взглядах на суть городского самоуправления между представителями основных заинтересованных социальных слоев (купечества и дворянства), а также в разногласиях по

²⁴ Словосочетанием «городское положение» назван первый раздел Жалованной грамоты городам 1785 г., однако Дитятин иногда применяет его для обозначения всего документа.

²⁵ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 2. С. 369–370.

тому же вопросу внутри правящей бюрократии. В результате МВД было принято решение бросить «пробный шар» – реформировать городское устройство Санкт-Петербурга (что и было сделано в 1846 г.) и действовать в дальнейшем, отталкиваясь от результатов этого преобразования. Интересно, что разработчикам реформы 1846 г. пришлось преодолеть настоящее сопротивление столичного купечества, опасавшегося, что нововведения лишат его сословных прав²⁶.

Специальный раздел работы Дитятин посвятил подробнейшему анализу городского устройства Санкт-Петербурга по Положению 1846 г., а также применению этого Положения (с изменениями и дополнениями) к двум другим крупнейшим городам империи – Москве и Одессе, где реформы произошли соответственно в 1862 и 1863 годах. В качестве приложения им был помещен еще и «Очерк общественного управления Тифлиса», где городское устройство менялось дважды – в 1840 и 1866 годах.

Главные выводы второго тома «Устройства и управления городов России» заключаются в следующем. Дитятин пишет, что «три четверти настоящего столетия <...> городской строй чуть не непрерывно изменялся» и, хотя все изменения укладывались на все ту же основу, принятую в 1785 г., основная мысль екатерининской Жалованной грамоты – дать «городам, их обществам и членам сих обществ выгоды и преимущества» – была совершенно забыта. «Все заботы сосредоточиваются на том, <...> чтобы из городских учреждений сделать учреждения бюрократические, отличающиеся от учреждений правительственных только по составу. Обществу не доверяли; каждый шаг его старались обставить известными, законом определенными нормами; выборным общества оставалось лишь исполнять возложенное на него законом». По мнению Дитятина, городское общество в самоуправлении видело «не право и привилегию, а исключительно обязанность и обязанность тяжелую, к несению, отбыванию которой оно и относилось почти так, как относилось оно к выборным службам в прошлом столетии, до издания положения 1785 года»²⁷.

Отмечая все большую бюрократизацию городского управления, автор в то же время подчеркивает практически полное отсутствие средств контроля за ним со стороны самого городского общества, таких как гласность и печать. Кроме того, до середины XIX в. городское общество не существует как единое целое, во многом продолжая оставаться конгломератом не связанных между собой сословий. Причем привилегированные и податные сословия находились в недружественных отношениях, так как последние (купечество, мещанство) были тесно связаны с крепостным населением – отсюда определенный антагонизм с дворянством. Пока существовало крепостное право, дворянство не мог-

²⁶ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 2. С. 397.

²⁷ Там же. С. 552, 553.

ло органически слиться с городским обществом. Глубокий исторический поворот, произошедший в 1861 г., открыл новые возможности для переустройства всей городской жизни²⁸.

Необходимо добавить, что эта работа Дитятин мыслилась только как первая часть второго тома, во второй части он планировал рассмотреть разработку и применение Городового положения 1870 г. и тем самым завершить свой труд²⁹.

Второй том основной работы Дитятин также получил высокую оценку: в 1877 г. Санкт-Петербургский университет присвоил автору степень доктора государственного права. Это позволило ему в следующем году стать ординарным профессором по кафедре истории права в Харьковском университете, которую он занимал до 1887 г. Данное десятилетие является периодом плодотворной преподавательской и научной деятельности Дитятин. Рост интереса в обществе к теме истории административных и социальных реформ, подогреваемый преобразованиями царствований Александра II и Александра III, способствовал продолжению его изысканий в данном направлении. Он публикует статьи, в которых излагает общие результаты своих прежних исследований: «Наши города за первые три четверти настоящего столетия»³⁰ и «Русский дореформенный город»³¹. В «юбилейном» 1885 г. выходят две его работы, посвященные екатерининским жалованным грамотам и судьбе этих установлений в дальнейшем³². Однако наибольшую ценность представляет большой очерк, помещенный в этом же году в «Юридическом вестнике» и являющийся, по сути, завершающей частью его главного труда³³.

Очерк «К истории Городового положения 1870 г.» посвящен разработке этого документа, составляющего одну из Великих реформ эпохи Александра II. Главным источником в данном случае автору послужили опубликованные хозяйственным департаментом МВД правительственные делопроизводственные материалы³⁴. Начинается очерк с краткого изложения предыстории этой разработки, то есть с правительственного обсуждения возможных вариантов изменения городского законодательства в 1821–1862 гг. (о чем шла речь во втором томе «Уст-

²⁸ См.: *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. Т. 2. С. 553–554.

²⁹ Там же. С. 1.

³⁰ *Дитятин И. И.* Наши города за первые три четверти настоящего столетия // Юридический вестник. 1880. № 2.

³¹ *Дитятин И. И.* Русский дореформенный город // Русская мысль. 1884. № 5–6.

³² *Дитятин И. И.* К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам 1785 г. // Русская мысль. 1885. № 4–8; *Он же.* Столетие Санкт-петербургского городского общества (1785–1885). СПб., 1885.

³³ См.: *Дитятин И. И.* К истории Городового положения 1870 г. // Юридический вестник. 1885. Т. 18, кн. 1–3.

³⁴ См.: Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи (Городовое положение 16 июня 1870). Т. 1–6. СПб., 1877–1884.

ройства и управления городов России»). Непосредственная подготовка городской реформы была санкционирована 20 марта 1862 г. «высочайшим соизволением» императора «безотлагательно приступить к улучшению общественного управления во всех городах империи»³⁵. Автор отмечает, что принципиальным новшеством, по сравнению с предшествующим 40-летним периодом, было широкое привлечение общественности к участию в обсуждении данного вопроса. С этой целью в более чем пятистах городах России открылись местные комиссии из представителей городских сословий для выяснения «местных особенностей» городской жизни. Дитятин подробно анализирует высказанные ими мнения, вместе с тем отмечая, что результаты деятельности комиссий «поступили в полное распоряжение правительственной машины, которая переработала их согласно своим взглядам и интересам»³⁶.

Казалось бы, даже прошедшие «сквозь канцелярские фильтры» пожелания представителей городских обществ должны были оказать определенное влияние на составление первого проекта городской реформы, который МВД закончило в 1864 г. Однако основательный анализ этого проекта привел Дитятина к интересному выводу: в одном из самых важных вопросов – об избирательной системе – бюрократия фактически проигнорировала мнения общественности. Возможно, как раз из-за противоречивости этих мнений чиновники министерства предпочли заимствовать важнейший компонент городского самоуправления из законодательства другого государства – Пруссии. Интересно, что была заимствована не только сама форма «трехразрядного» голосования, введенного в прусских городах с 1850 г., но и мотивация такой системы, за что автор жестко критикует создателей проекта. Городская реформа, осуществленная прусским правительством, предусматривала деление избирателей, участвующих в формировании городского общественного совета, на три разряда в зависимости от размера уплачиваемых налогов, причем каждый разряд избирателей делегировал в совет одну треть депутатов. Власти Пруссии объясняли смысл этой системы тем, что «одинаковым обязанностям должны соответствовать одинаковые права», то есть люди, уплачивающие одну треть городских налогов, должны иметь пропорциональное представительство в городском самоуправлении. Такой подход, конечно, давал преимущество на выборах зажиточной части горожан перед малоимущими, но прусские законодатели видели в этом только дополнительный положительный момент: «как в среде бедных преобладают силы физические, так в среде богатых – силы умственные», а посему закон о трех разрядах избирателей и водворя-

³⁵ Дитятин И. И. К истории Городового положения 1870 г. // Юридический вестник. 1885. Т. 18, кн. 1. С. 3.

³⁶ Там же. С. 35.

ет в городском управлении «ум богатых»³⁷. Дитятин ставит под сомнение обоснованность этих построений и считает, что истинная цель введения в прусских городах трехрядной системы была чисто политической и заключалась «в устранении от представительства элементов в общественном и политическом отношениях *сомнительных*, так встревоживших правительство в шумные дни мартовской революции»³⁸.

Парадоксальным образом русская бюрократия решила заимствовать прусскую избирательную систему, хотя не могла иметь тех же политических мотивов, что и королевское правительство. «Наше более чем благонадежное в политическом отношении городское население, – пишет Дитятин, – никоим образом не заслуживало подозрения в его неблагонадежности»³⁹. Тем не менее, при дальнейшем длительном обсуждении проекта городской реформы, при его переработке в 1866 и 1869 гг., прусская трехрядная система в нем сохранилась и вошла в утвержденное 16 июня 1870 г. Городовое положение. Хотя автор отмечает, что полемика, разворачивавшаяся в эти годы вокруг реформы, неоднократно затрагивала предлагаемую систему голосования и принципы предоставления избирательных прав, но сторонники прусского варианта неизменно одерживали верх. Другими «болевыми точками», вокруг которых велись наиболее ожесточенные, по мнению Дитятина, споры, были совмещение городским головой председательства в думе и управе (соответственно распорядительно-контролирующем и исполнительном органах), функции и пределы компетенции каждого органа общественного управления (дума, управа, городской голова), необходимость создания губернского присутствия по городским делам и его полномочия.

Рамки очерка не позволили автору подробно исследовать отдельный крупный и сложный вопрос реформы – экономическую сторону городского хозяйства, как ее видели авторы Городового положения 1870 года. Возможно, Дитятин собирался посвятить ему одну из будущих работ, отметив лишь, что вопрос о городском хозяйстве возбуждал «мнения не менее долгие, не менее противоречивые», чем и указанные выше проблемы⁴⁰. При этом его общие выводы распространялись на все аспекты созданного закона. Он считает, что за восемь лет разработки Городового положения (1862–1870) произошла радикальная перемена в отношении правящей бюрократии к целям и задачам предпринимаемой реформы. В 1862 г. главными препятствиями на пути городского развития сами чиновни-

³⁷ Дитятин И. И. К истории Городового положения 1870 г. // Юридический вестник. 1885. Т. 18, кн. 2. С. 209, 210.

³⁸ Там же. С. 210. Мартовская революция – революционные события, происходившие в германских государствах с марта 1848 г. под лозунгами объединения Германии и развития в ней буржуазно-демократических прав и свобод.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Кн. 3. С. 449.

ки МВД называли «правительственную опеку» и «отсутствие всякой самостоятельности» органов городского самоуправления. Следовательно, «снятие этой опеки, расширение самостоятельности городских учреждений, замена административных пут живыми силами самого общества» должны были стать основаниями нового Городового положения. Но не прошло и десяти лет, как главной задачей реформы городов стала, по мнению Дитятин, «организация правительственного надзора, водворение в них такого понятия самостоятельности, по которому последняя состоит не в известной степени свободы и независимости действий городских учреждений, теперь уже прямо считающейся если не вредной, то «мало полезной», а «в охране и защите» их от какого-то неведомого врага умом и руками правительственного учреждения». Автор не стал указывать причины этой метаморфозы⁴¹.

Что касается результатов утверждения Городового положения 1870 г., Дитятин оценивает их достаточно скептически, правда здесь он превращается из исследователя в наблюдателя и оперирует уже не фактами и доводами, а мнениями, приводя оценку состояния городского самоуправления из газеты «Русь», редактором которой в то время был И. С. Аксаков. По мнению славянофильского издания, «городское хозяйничанье идет вяло, неуклюже, мало внушает к себе в обществе симпатии и доверия», «русские купцы, мещане <...> – люди правительству послушные, готовые с покорностью быть сегодня магистратом и ратманами, завтра <...> “почтенными ораторами”», постоянно озираясь на начальство: “так ли?” Но все это <...> выходит каким-то представлением – вся эта деланная жизнь лишена настоящей жизненной творческой силы». Причиной этого «Русь» называет отсутствие у городских общественных учреждений подлинного «духа самостоятельности». Судя по всему, Дитятин присоединяется к данной точке зрения⁴².

Стоит отметить, что в период своей работы в Харьковском университете Дитятин подготовил и опубликовал несколько работ, посвященных «не городской» тематике. Сфера его научных интересов значительно расширяется, он изучает вопросы эволюции центрального и местного управления в «московский период» русской истории⁴³, работу Уложенной комиссии⁴⁴, отношения между верховной властью и населением России в исторической ретроспективе⁴⁵ и другие интерес-

⁴¹ См.: *Дитятин И. И.* К истории Городового положения 1870 г. С. 449, 450.

⁴² Там же. С. 451.

⁴³ См.: *Дитятин И. И.* Роль челобитий и Земских соборов в управлении Московского государства // *Русская мысль.* 1880. № 5; *Он же.* К вопросу о земских соборах XVII столетия // *Русская мысль.* 1883. № 12; *Он же.* Из истории местного управления // *Русская мысль.* 1886. № 3–6.

⁴⁴ См.: *Дитятин И. И.* Екатерининская комиссия 1767 года «О сочинении проекта нового Уложения» // *Юридический вестник.* 1879. № 3–5.

⁴⁵ См.: *Дитятин И. И.* Верховная власть в России в XVIII столетии // *Русская мысль.* 1881. № 3–4; *Он же.* Когда и почему возникла рознь в России между «командующими классами» и народом // *Русская мысль.* 1881. № 11.

ные аспекты отечественной истории. Его труды вносят заметный вклад в развитие соответствующих отраслей исторического знания.

Профессорская деятельность Дитятин также протекала успешно, о чем свидетельствует его популярность у студентов и уважение коллег. Однако с 1887 г. начинается постепенный закат научной карьеры Ивана Ивановича. В этом году он вынужден был покинуть кафедру в Харьковском университете и на два года прервать преподавательскую деятельность, причиной чего были – как туманно отмечает его некролог – «случайные обстоятельства»⁴⁶. С 1889 г. он является профессором русского государственного права в Дерптском университете, но к этому времени он был уже серьезно болен, в связи с чем неоднократно должен был прерывать чтение своего курса и с осени 1890 г. окончательно прекратить преподавать, а в 1891 г. вышел в отставку. Умер Дитятин в возрасте сорока пяти лет 29 октября 1892 г. и был похоронен в Дерпте.

Несмотря на ранний уход из жизни этого талантливого историка, его научное наследие заняло достойное место в отечественной историографии. Некоторые труды Дитятин переиздавались после его смерти⁴⁷, и они, а также его крупнейшие работы в области истории российского города XVIII–XIX вв., продолжают активно использоваться специалистами.

⁴⁶ Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 20.

⁴⁷ Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895; *Он же*. Екатерининская комиссия 1767 года «О сочинении проекта нового Уложения». Ростов н/Д, 1905; *Он же*. Роль челобитий и Земских соборов в управлении Московского государства. Ростов н/Д, 1905.

Культура Саратовской губернии конца XVIII – середины XIX века в историко-региональных исследованиях

Изучение истории русской культуры на всех этапах ее развития – одно из важнейших направлений в современной исторической науке в нашей стране. Разработка проблем историко-культурной тематики имеет длительную традицию. Важным этапом в ее развитии было создание серии коллективных монографий, посвященных истории отечественной культуры, начиная с эпохи Древней Руси и заканчивая XIX веком. Первые из них вышли в свет в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в., последние – в начале нового тысячелетия¹.

За время создания этих коллективных работ изменился подход к изучению истории культуры. В монографиях, посвященных русской культуре от домонгольского периода до XVIII в. включительно, авторами использован традиционный отраслевой подход. В основу шеститомной монографии «Очерки русской культуры XIX века» положен системно-функциональный подход. Одним из его аспектов является изучение общественно-культурной среды или культурного пространства. Специалисты, которые используют данный подход, акцентируют внимание не только на социокультурных, но и на региональных элементах общественно-культурной среды². Региональные элементы культурного пространства России заслуживают особого внимания. Специалисты в области регионоведения указывают на необходимость изучения культуры России с целью обретения региональной идентичности³.

Системно-функциональный подход позволяет рассматривать общественно-культурную среду (или культурное пространство) отдельного региона либо административно-территориальной единицы в ее особенностях и в динамике развития. Саратовская область, как и любая другая область, имеет собственное «культурное лицо». Его черты формировались со времени образования Саратовской губернии, то есть с последних десятилетий XVIII века. Своеобразие культурного пространства определяется несколькими факторами. К ним можно отнести географическое положение и природно-климатические условия, этнический и социальный состав населения на различных этапах истории Саратовского

¹ См.: История культуры Древней Руси : в 2 т. М., 1948. Т. 1; М., 1951. Т. 2; Очерки русской культуры XIII–XV веков : в 2 ч. М., 1969. Ч. 1; М., 1970. Ч. 2; Очерки русской культуры XVI века : в 2 ч. М., 1977. Ч. 1; М., 1977. Ч. 2; Очерки русской культуры XVII века : в 2 ч. М., 1979. Ч. 1; М., 1979. Ч. 2; Очерки русской культуры XVIII века : в 4 ч. М., 1985. Ч. 1; М., 1985. Ч. 2; М., 1985. Ч. 3; М., 1985. Ч. 4; Очерки русской культуры XIX века : в 6 т. М., 1998. Т. 1; М., 2000. Т. 2; М., 2001. Т. 3; М., 2001. Т. 4; М., 2005. Т. 5; М., 2002. Т. 6.

² См.: Очерки русской культуры XIX века. Т. 1 : Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 7.

³ См.: Мурзина И. Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 61.

Поволжья, его экономического развития и соотношения связей со столичными губерниями, соседними «внутренними» и пограничными губерниями России.

Начало формирования современного культурного облика территории, которая с 1780 г. вошла в состав Саратовской губернии, можно отнести к последнему десятилетию XVI в., когда был основан Саратов. Сведения о развитии культуры в Саратовском Поволжье в XVII–XVIII вв. требуют серьезных разысканий. Можно высказать предположение, что с конца XVII в. в данной сфере произошли изменения, которые являлись результатом включения Нижнего Поволжья в область актуальных внешнеполитических интересов русского правительства. С одной стороны – военные акции и заключение международных соглашений, которые оказали непосредственное влияние на экономику региона и на его этнокультурные связи, с другой стороны – преобразования Петра I в области культуры в общерусском масштабе должны были иметь последствия и на территории Саратовского Поволжья. Более определенно можно говорить о следующем рубеже в истории его культуры: он обозначен 1780 г. – датой образования Саратовской губернии. Это событие повлекло за собой значительные изменения в социальном и этническом составе населения вновь созданного административного образования, которые продолжались и в дальнейшем.

Верхнюю хронологическую границу названного периода можно датировать концом 50-х гг. XIX в., когда в России обозначился перелом в общественном сознании, ознаменовавший начало «самого плодотворного времени» для культуры русской провинции⁴. Последовавшие затем реформы, центральное место среди которых принадлежало отмене крепостной зависимости крестьян, оказали определяющее влияние на развитие русской культуры в целом. Все эти факторы самым непосредственным образом повлияли и на культурный процесс в Саратовской губернии. В пореформенный период она заняла видное место среди губерний в России по масштабам культурного развития, а Саратов стал одним из наиболее крупных провинциальных центров культуры.

Для изучения культурного процесса в Саратовском Поволжье в рассматриваемый период необходимо, прежде всего, выяснить, с какой степенью полноты отражена в историко-региональных исследованиях история создания элементов культурного потенциала Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века, а также особенности формирования ее социокультурного облика этого времени. Данный вопрос пока не привлекал внимания специалистов. Основными источниками для изучения данной темы являются труды местных историков, опубликованные как в XIX в., так и позднее, вплоть до наших дней.

Интерес к отдельным сторонам культурной жизни в Саратовском Поволжье проявился у местных историков уже с середины XIX века. Наибольшее их внимание привлекала сфера просвещения. Это было связано с представлениями интеллигенции о ее ведущей роли в деле общественного прогресса. Истории создания учебных заведений, изучению их роли не только в распространении образо-

⁴ См.: Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. С. 162.

вания, но и культурной жизни губернии в целом в первой половине XIX в., посвящены статьи Ф. В. Духовникова, П. Черняева и В. М. Покровского⁵. Названные авторы сосредоточивали свое внимание на двух наиболее крупных и значительных учебных заведениях, которые появились в губернском городе – гимназии и семинарии. Их статьи представляют значительный интерес, поскольку они написаны на основе архивных материалов. Архивные фонды других учебных заведений губернского города и уездных городов конца XVIII – первой половины XIX в. не сохранились.

Помимо учебных заведений, саратовские историки дореволюционного периода уделяли внимание и периодической печати в Саратовской губернии, а также организации книжной торговли и общественных библиотек. Причина такого внимания к данным элементам культурного потенциала – в высокой оценке их роли в духовной жизни общества⁶. В сборнике «Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы», изданном в 1893 г., опубликованы статьи Ф. В. Духовникова и Н. Ф. Хованского, посвященные истории газеты «Саратовские губернские ведомости», развитию печатного дела и книжной торговли в Саратове. В этих статьях содержатся сведения, относящиеся к первой половине XIX века. Названные статьи были написаны в значительной степени на основе утраченных впоследствии документов и воспоминаний современников. Некоторые данные о создании публичной библиотеки в Саратове помещены в сводке самых разнообразных фактов из истории губернии под названием «Саратовская летопись»⁷. Что касается культурной среды уездных городов губернии в первой половине XIX в., то она не вызывала интереса у исследователей. Некоторые высказывания о ней можно встретить в статье Д. Л. Мордовцева. Он изучал развитие экономики уездных городов Саратовской губернии и в связи с этим дал уничижительную оценку жизненного уклада в большинстве из них⁸.

Историко-церковные исследования, а также изучение памятников церковной архитектуры можно назвать вторым направлением в изучении истории культуры саратовскими краеведами дореволюционного периода. Следует отметить труды, посвященные истории Саратовской епархии. Автором первого из них, составленного в 1856 г., был протоиерей Г. И. Чернышевский. Это сочинение называлось «Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии»,

⁵ См.: *Духовников Ф. В.* Первые страницы саратовской мужской гимназии // Труды СУАК. Саратов, 1893. Т. 4, вып. 2. С. 26–50; *Черняев П.* Материалы по истории саратовской 1-й гимназии : Биографические очерки директоров (1820–1851) // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25. С. 115–191; *Он же.* Из истории саратовской гимназии // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 27. С. 1–29. *Покровский В. М.* Материалы к истории Саратовской духовной семинарии // Труды СУАК. Аткарск, 1902. Вып. 22. С. 1–58.

⁶ См.: *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* О развитии книжной торговли в Саратове // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 329.

⁷ *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Саратовская летопись // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 18–104.

⁸ См.: *Мордовцев Д. Л.* Несколько данных из материалов для статистического описания Саратовской губернии // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Отд. 3. Саратов, 1859. С. 115.

оно было создано по указанию Синода и в соответствии с программой, разработанной этим учреждением⁹. Публикация «Церковно-исторического описания» состоялась только в 1882 г. в «Саратовских епархиальных ведомостях»¹⁰. Очерк А. Ф. Леопольдова «Открытие Саратовской епархии» был написан позднее, чем труд Г. И. Чернышевского, но он увидел свет намного раньше, в 1865 году¹¹. В конце XIX в. в Трудах СУАК А. А. Голомбиевским были опубликованы материалы по истории монастырей Саратовской губернии¹². Специальное исследование посвятил В. П. Соколов саратовскому Троицкому собору¹³. Из числа деятелей Саратовской епархии особое внимание местных историков привлекала фигура епископа Иакова (Вечеркова), который возглавлял епархию в 1832–1847 годах. А. А. Лебедев в своих работах уделил достаточно много места личности и заслугам преосвященного Иакова в деле изучения местной истории¹⁴. В этих статьях, помимо других сведений, встречаем материал о первом саратовском музее, который существовал при духовной семинарии¹⁵.

Обращаясь к социальному аспекту рассмотрения культурного процесса, можно заметить, что народная культура Саратовской губернии привлекла внимание исследователей уже в первой половине XIX века. Длительное время ее изучение происходило в рамках этнографии и фольклористики. В начале 30-х гг. XIX в. саратовский чиновник А. Ф. Леопольдов опубликовал две статьи – «Свадебные обряды крестьян в Саратовской губернии»¹⁶ и «Статистическая записка о народах, населяющих Саратовскую губернию»¹⁷. Статьи были написаны в то время, когда фольклористика и этнография находились в процессе становления. Поэтому в них отсутствуют некоторые элементы, необходимые с точки зрения современной науки. Леопольдов не указывает, где (в каком уезде) и когда был записан свадебный обряд, к какому времени относится фиксация обычаев разных народов, населявших Саратовскую губернию.

В «Статистической записке о народах» преимущественное внимание уделяется мордовскому и чувашскому этносам. Что касается русских обрядов, то в ста-

⁹ См.: ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2210. Л. 1–2.

¹⁰ Саратовские епархиальные ведомости. 1882. № 31, 32, 33, 36, 37.

¹¹ Там же. 1865. № 1–8.

¹² См.: *Голомбиевский А. А.* Некоторые сведения о саратовских монастырях // Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. 3, вып. 1. С. 231–262.

¹³ См.: *Соколов В. П.* Саратовский Троицкий (старый) собор : Краткий исторический очерк. Саратов, 1904.

¹⁴ См.: *Лебедев А. А.* Материалы для истории Саратовской епархии. Саратов, 1907. Т. 1, вып. 1; *Он же.* Материалы для истории Саратовской епархии. Саратов, 1907. Т. 2, вып. 1; *Он же.* Материалы для истории Саратовской епархии. Саратов, 1909. Вып. 3; *Он же.* Рукописные собрания в Саратове // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25. С. 319–334; *Он же.* Преосвященный Иаков (Вечерков), архиепископ Нижегородский и Арзамасский и его рукописное собрание // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 30. С. 1–96.

¹⁵ См.: *Лебедев А. А.* Преосвященный Иаков (Вечерков). С. 5; *Он же.* Материалы для истории Саратовской епархии. Саратов, 1907. Т. 2, вып. 1. С. 33–37.

¹⁶ Московский телеграф. 1831. Ч. 36. С. 386–403.

¹⁷ Там же. 1833. Ч. 52. С. 135–143.

тье Леопольдова о русской свадьбе большое место занимают записи песен и причитаний. Фиксирование песенного фольклора в Саратовской губернии позднее стало устойчивой традицией. Н. И. Костомаров, находясь в ссылке в Саратове в 1848–1856 гг., продолжал заниматься собиранием и изучением фольклора, что было им начато еще на раннем этапе его научной карьеры¹⁸. В своем интересе к фольклору и к проблемам этнографии в целом Костомаров не был одинок в Саратове. Возобновление своих занятий фольклористикой он связывал со своей встречей в А. Н. Пасхаловой. Она относилась к числу наиболее ярких представителей местной интеллигенции, важнейшей ее заслугой считается именно собирание народных песен¹⁹. Увлеченно занимался этим и Д. Л. Мордовцев.

Сочинение А. Н. Минха «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии»²⁰ является результатом многолетней работы автора по собиранию устного народного творчества, фиксированию обрядов и разнообразных элементов бытовой культуры основных этнических групп Саратовской губернии – русских, мордвы, немцев и украинцев. А. Н. Минх приводит также этнографический материал о чувашах и татарах. Эта работа отвечала всем требованиям научного подхода своего времени к изучению этнических культур. Благодаря добросовестности и компетентности автора монография А. Н. Минха не утратила своего значения и в наши дни²¹. Для современных исследователей народной культуры Саратовской губернии в XIX в. она является важнейшим источником.

Рассмотрение старообрядчества как особой ветви народной культуры является самостоятельным направлением в историографии Саратовского Поволжья. Однако данный подход к этому феномену утвердился в науке только со второй половины XX века. Ранее старообрядчество изучалось как духовное проявление протеста против официальной церкви и государственной политики. Л. И. Кучумова пишет, что в XIX в. утвердился стереотип «извечной» враждебности старообрядцев не только православной церкви, но и русской государственности в целом²². В историографии Саратовского Поволжья первой и единственной до настоящего времени крупной работой по изучению старообрядчества является труд Н. С. Соколова «Раскол в Саратовском крае»²³. Он, как и другие историки его времени, видел в старообрядчестве, прежде всего, социальную проблему. Изменения, происходившие в правительственной политике по отноше-

¹⁸ См.: *Костомаров Н. И.* Автобиография // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 495.

¹⁹ См.: *Очерки истории Саратовского Поволжья* : в 3 т. Саратов, 1993. Т. 1. С. 170.

²⁰ *Минх А. Н.* Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии : Собраны в 1861–1888 годах. Саратов, 1994. Репр. воспроизведение изд. 1890 г.

²¹ См.: *Архангельская В. К.* Памятник традиционной культуры народов Саратовского Поволжья // Минх А. Н. Указ. соч. [С. 7].

²² См.: *Кучумова Л. И.* Государственно-церковная политика по отношению к старообрядчеству на рубеже 1850–1860-х гг.: (По документам Вологодской духовной консистории) // Мир старообрядчества : Книга, традиция, культура. М.; Бородулино, 1996. Вып. 3. С. 133.

²³ *Соколов Н. С.* Раскол в Саратовском крае : Поповщина до пятидесятих годов настоящего столетия. Саратов, 1888. Т. 1.

нию к старообрядцам, начиная с шестидесятых годов XVIII в., история создания старообрядческих монастырей на реках Большом и Малом Иргизе и подробности событий, связанных с обращением этих монастырей в единоверческие, были специально изучены Д. Л. Мордовцевым²⁴.

Если народная культура уже в XIX в. стала предметом исследований, то культура господствующего сословия – дворянства – длительное время находилась вне сферы интересов историков. Только в начале XX в. под влиянием резких изменений, происходивших в социокультурной среде России в предшествующие полвека, когда многие атрибуты сословной культуры дворянства стали уходить в прошлое, русские историки искусства стали посвящать им свои труды. Главным объектом внимания в этой области становится дворянская усадьба. В то время она переживала острый кризис, а в период революции 1905–1907 гг. последовало разрушение и сожжение «дворянских гнезд» в ряде губерний России. В Саратовской губернии в 1905 г. была сожжена одна из двух самых знаменитых ее усадеб – усадьба Голицыных в Зубриловке. После этого в 1908 г. появилась статья В. Верещагина, в которой рассматривается ее история и описаны погибшие в ней достопримечательности²⁵. Позднее А. А. Голомбиевский написал о другой знаменитой усадьбе Саратовской губернии – Надеждино²⁶, которая ко времени написания статьи уже не принадлежала своим прежним владельцам князьям Куракиным. Эти статьи отличает единый подход к изучению усадеб подобного характера. Авторы обращаются к истории их создания, привлекая генеалогические и биографические сведения об их владельцах; используют описания усадебно-парковых комплексов, созданные в разное время; а также сведения о художественных ценностях, которые в них когда-то находились.

В начале XX в. были сделаны первые шаги в изучении процесса распространения дворянского землевладения в Саратовской губернии. Исследования подобного рода необходимы для анализа возможностей дворянства оказывать влияние на культурный процесс в данном локусе. Первые наблюдения и выводы по этому вопросу были сделаны А. А. Гераклитовым, который изучал начальный этап распространения землевладения на территории будущей Саратовской губернии. По его мнению, испомещение служилых людей началось здесь довольно поздно, в конце XVII – начале XVIII века²⁷.

Новый подход к изучению истории культуры наметился после революции 1917 г. Он был связан с внедрением методов социологии в исторические исследования. Этот подход был использован Н. К. Пиксановым в его работе «Областные культурные гнезда», опубликованной в 1928 году. Автор намного опередил свое время, предложив обратить внимание на связи между «культурным укла-

²⁴ См.: Мордовцев Д. Л. Последние годы иргизских старообрядческих общин // Мордовцев Д. Л. Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. 21. С. 3–92.

²⁵ См.: Верещагин В. Разоренное гнездо // Старые годы. 1908. Март. С. 133–149.

²⁶ См.: Голомбиевский А. А. Покинутая усадьба: Село Надеждино. Бывшее имение князей Куракиных // Старые годы. 1911. Январь. С. 3–25.

²⁷ См.: Гераклитов А. А. Мелочи из прошлого Саратовского края. (Из архивных документов) // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 28. С. 7.

дом, социальным составом и экономическим бытом города и края»²⁸. В монографии Пиксанова центральное место занимает изучение культурной среды губернских городов, в том числе и Саратова. Правда, при оценке социокультурного облика Саратова Пиксанов не дал его однозначной характеристики. С одной стороны, он писал: «На глазомер заметно, что социально Вятка или Самара иные, чем, скажем, стародворянский Саратов»²⁹. В то же время, оценивая социальный облик «культурных гнезд» XIX в. – казанского, саратовского, нижегородского – он называет «дворянским» только первое из них³⁰. При этом Н. К. Пиксанов акцентирует внимание на роли духовенства в социокультурной среде Саратова. К сожалению, в трудах краеведов данный аспект истории культуры в течение довольно длительного периода не привлекал особого внимания. И только в последние десятилетия прошлого века исследователи снова обратились к нему.

Следует заметить, что в работах, посвященных социально-экономическим процессам в регионе в XVIII – первой половины XIX в., можно найти ответы на вопросы, связанные с проблемами его социокультурного развития. Так, Л. Н. Юровский подробно исследовал распространение дворянского землевладения в Саратовском Поволжье на протяжении XVII – первой половины XIX века. Его монография основана на материалах архива саратовского дворянского собрания с привлечением фондов центральных архивов³¹. Он выяснил, что в течение всего XVIII в. в Саратовской губернии преобладали очень крупные вотчины. Во многих случаях принадлежащие к ним земли не были введены в хозяйственный оборот³². Данный вывод Юровского имеет большое значение для рассмотрения вопроса о времени внедрения дворянской культуры на территории Саратовского Поволжья. Владельцы крупнейших имений не бывали в своих поместьях, и говорить о существовании каких-либо элементов дворянской культуры на территории таких вотчин не имеет смысла.

Для изучения процесса распространения сословной культуры дворянства в Саратовской губернии в XVIII в. необходимо также учитывать и результаты исследования Е. Н. Кушевой, посвященного хозяйственной деятельности саратовских дворян Шахматовых³³. Ей удалось выяснить, что основу материального благополучия дворянских родов, которые были связаны службой с Саратовом, составляли скотоводство и торговля. Это очень важно для понимания особенностей культурного облика местного дворянства, так как его хозяйственная деятельность оказывала непосредственное влияние на жизненный уклад его пред-

²⁸ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда : Историко-краеведческий семинар : Введение в изучение. Темы для культурно-исторических краеведческих работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы. М.; Л., 1928. С. 69.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 68.

³¹ См.: Юровский Л. Н. Саратовские вотчины : Статистико-экономические очерки и материалы по истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия. Саратов, 1923.

³² Там же. С. 34.

³³ См.: Кушева Е. Н. Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII веке // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1920. № 7. С. 575–604.

ставителей, на их культурные запросы. В течение XVIII в. формировался социальный состав населения будущей Саратовской губернии. По этой причине работы историков, посвященные данному периоду, помогают увидеть предпосылки ее культурного развития. Значительное место занимает рассмотрение социально-экономических процессов в Саратовском Поволжье в монографии В. А. Осипова³⁴. На основании материала, приведенного в монографии, посвященной истории Поволжья и Приуралья в имперский период, можно получить представление о том, каков был общий характер социально-экономического развития этого региона с последней четверти XVIII до середины XIX века³⁵. В этой монографии затронуты также проблемы этноконфессиональной истории и общественной жизни Поволжья и Приуралья, что имеет непосредственное отношение к изучению культурного процесса на их территории.

В трудах саратовских исследователей, которые изучают вопросы истории культуры Саратовского Поволжья, до настоящих дней остается актуальным отраслевой подход. Приоритетным направлением в этой сфере является рассмотрение развития элементов культурного потенциала. Однако период с конца XVIII до середины XIX в. далеко не всегда вызывает интерес историков. Проблема распространения образования и грамотности в Саратовской губернии в этот период была рассмотрена в статье П. Г. Любомирова³⁶, которая появилась в печати еще в начале прошлого столетия. Особое внимание исследователя привлекали сельские школы. Интерес к данной проблеме был связан с изменением подхода к задачам исторической науки, который наблюдался с начала XX века. Статья Любомирова отличается от предшествующих работ саратовских историков по сходной тематике и в подходе к источникам. Автор стремится к максимальному привлечению количественных показателей, использует статистические методы обработки материала.

История первой саратовской гимназии (в течение изучаемого периода она была единственной в городе) вновь стала привлекать внимание краеведов в последние десятилетия³⁷. При этом исследователи проявляют интерес к ее «личностному» аспекту. В. Сизов обобщил сведения о преподавателях и тех ее выпускниках, которые прославились как деятели науки и искусства³⁸. Е. К. Максимова удалось найти источники о предшественнике гимназии – народном училище³⁹.

³⁴ См.: *Осипов В. А.* Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985.

³⁵ См.: *Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период* / под ред. В. Н. Данилова и П. С. Кабытова. Саратов, 2010.

³⁶ См.: *Любомиров П. Г.* К истории народного образования в Саратовской губернии до освобождения крестьян // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения «ИСТАРХЭТ». Саратов, 1924. Вып. 34, ч. 2. С. 32–53.

³⁷ См.: *Давыдов В. И.* Первая губернская классическая мужская гимназия // Ученье – свет. (Кем быть, или Образование в Саратовской губернии). Саратов, 2006. С. 64–92.

³⁸ См.: *Сизов В.* Из истории первой мужской гимназии // Годы и люди. Саратов, 1989. Вып. 4. С. 152–167.

³⁹ См.: *Максимова Е. К.* Историко-архитектурные памятники на Троицком взвозе в Саратове // Саратовский краеведческий сборник: научные труды и публикации. Саратов, 2002. С. 75–89; *Она же.* Из истории народных училищ в Саратове // Ученье – свет. С. 4–7.

В настоящее время краеведы обратились к изучению истории образовательных учреждений, которые ранее не были объектами исследования. В. Гольтяева выявила материалы о первом женском учебном заведении Саратова⁴⁰. Сведения об этом училище, которое существовало при Крестовоздвиженском женском монастыре, приведены также в статье О. К. Пудовочкиной⁴¹. И. Н. Плешаков изучил историю и особенности функционирования гарнизонной школы Саратова⁴². И. Е. Захарова в своей статье рассмотрела некоторые аспекты существования духовных училищ, уделив особое внимание педагогам – Н. Г. Скопину и Г. И. Чернышевскому⁴³.

В последние полвека в краеведческой литературе появились специальные работы, посвященные саратовской публичной библиотеке⁴⁴. История саратовских театров тоже стала предметом исследования сравнительно недавно. В монографии В. А. Дьяконова собран значительный по объему фактический материал о развитии театрального искусства в Саратовской губернии в дореволюционный период⁴⁵. Вопросы формирования архитектурного облика губернского города в первой половине XIX в. затронуты в работах С. О. Терехина и В. А. Давыдова⁴⁶. Терехин уделил внимание также особенностям архитектуры одного из уездных городов губернии – Вольска. В последние десятилетия в историографии Саратовского Поволжья продолжилась традиция изучения истории Саратовской епархии, а также деятельности представителей церкви⁴⁷. О влиянии духовенства на культурный процесс в губернии можно найти сведения в работах А. А. Демченко и М. В. Воробьева⁴⁸.

Традиционный отраслевой подход к изучению истории культуры в регионе отразился и на содержании обобщающих трудов по истории края. В томах кол-

⁴⁰ См.: Гольтяева В. Из рода Рылеевых // Годы и люди. Саратов, 1992. С. 34–38.

⁴¹ См.: Пудовочкина О. К. Саратовский Крестовоздвиженский женский монастырь // Третьи региональные Пименовские чтения. Духовная культура России: История и современность: сб. науч. трудов. Саратов, 2006. С. 197–210.

⁴² См.: Плешаков И. Н. Саратовская гарнизонная школа и военно-сиротское отделение // Новый век: История глазами молодых: сб. науч. трудов. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 201–220.

⁴³ См.: Захарова И. Е. У истоков системы профессионального образования духовенства Саратовской епархии: Деятельность Н. Г. Скопина и Г. И. Чернышевского // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 2, ч. 1. С. 195–110.

⁴⁴ См.: Артисевич В. А. К истории саратовской городской публичной библиотеки // Труды научной библиотеки СГУ. Саратов, 1964. Вып. 3. С. 76–91; Носова А. С. Старейшая в России: Саратовской областной универсальной научной библиотеке 170 лет. Саратов, 2001.

⁴⁵ См.: Дьяконов В. А. Лицедеи, певчие, музыканты: Из истории саратовских театров. Саратов, 1991.

⁴⁶ См.: Терехин С. О. Века и камни: (Памятники архитектуры Саратовской области). Саратов, 1990; Городские этюды. Саратов. Литье. Ковка: Альбом. Саратов, 2009; Давыдов В. И. Зримые образы Саратова. Саратов, 2012.

⁴⁷ См.: Новиков А. П., Барзилов С. И. Святители земли Русской: Биографические очерки саратовских архиереев. Саратов, 2000; Воробьев М. В. Православное краеведение: Очерки церковной истории Вольска и Саратовского края. М., 2002.

⁴⁸ См.: Демченко А. А. У истоков саратовского краеведения // Годы и люди. Саратов, 1990. Вып. 5. С. 168–183; Воробьев М. В. Православное краеведение.

лективной монографии «Очерки истории Саратовского Поволжья»⁴⁹ имеются главы, посвященные культуре региона определенного исторического периода. Изложение материала в них построено в соответствии с отраслевым принципом. В первом томе сведения по истории культуры Саратовского края представлены за период с начала и до середины XIX века. Автор названной главы счел необходимым отметить, что территория Саратовского края в первой половине XIX в. была «отдаленной глухой провинцией России», а потому «просвещение и элементы культуры начали проникать сюда позже и развивались медленнее, нежели в городах центральной России»⁵⁰. В данном утверждении бросается в глаза то, что вся территория губернии отождествляется с губернским городом, но главное – автор не принимает во внимание смыслового наполнения понятия культура, которое всегда связывается с деятельностью людей. Там, где живут люди, всегда есть культура. Как общий подход к данной проблеме, так и содержание главы «Культура Саратовского края в первой половине XIX в.» первого тома «Очерков истории Саратовского Поволжья» не дает возможности отнести эту главу к обобщающим трудам по данной тематике.

В первом издании «Энциклопедии Саратовского края» материалы по истории культуры помещены в разделах «Культура», «Образование и наука», частично – в разделе «Религия»⁵¹. Сведения об отдельных ее отраслях и об учреждениях культуры периода с конца XVIII до середины XIX в. можно найти в первом и третьем из названных разделов. Во втором издании данной энциклопедии в разделе «Культура» (авторы – Е. К. Максимов и С. А. Мезин) первый подраздел, посвященный культуре XVIII в., содержит сведения в основном о культурной среде Саратова. Этот раздел отличается от последующих по характеру изложения материала. Здесь учтен социальный аспект культурного процесса, авторами показаны элементы общественно-культурной среды города⁵². К сожалению, новый подход не нашел отражения в подразделах, посвященных более поздним периодам в истории культуры Саратовского Поволжья. Материал по данной тематике в них изложен по принципу отраслевого подхода, так же, как и в первом издании энциклопедии. Отсутствие четко разработанной структуры в обоих изданиях привело к тому, что в них в разделе «Культура» встречается дублирование материала, а также противоречия в указаниях на конкретные факты.

Возобновление интереса историков к социологическому аспекту культурного процесса повлекло за собой появление новых исследований, посвященных словесной культуре дворянства в Саратовской губернии. К настоящему времени существуют две обобщающие работы о дворянских усадьбах Саратовской губер-

⁴⁹ Очерки истории Саратовского Поволжья: в 3 т. Т. 1: Саратовское Поволжье с древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993; Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Т. 2, ч. 2. Саратов, 1999; Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006.

⁵⁰ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. С. 217–218.

⁵¹ Энциклопедия Саратовского края: (В очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002.

⁵² См.: Максимов Е. К., Мезин С. А. Культура XVIII века // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). Саратов, 2011. С. 323–324.

нии. О. Б. Сокольская и И. К. Ежова рассматривали частично сохранившиеся и не сохранившиеся усадебные комплексы как памятники архитектуры и садово-паркового зодчества XVIII–XIX веков. Их монографии основаны на изучении письменных и графических источников, а также исследований на местности⁵³. Авторы стремились реконструировать внешний облик усадебно-парковых ансамблей, указать на их стилистические особенности. Значительное место в них отведено рассмотрению комплексов в Надеждино и Зубриловке.

Существенный вклад в изучение этой темы представляет также совместная работа Е. К. Савельевой и Л. В. Пашковой в альманахе «Памятники Отечества»⁵⁴. Статья посвящена усадьбам Саратовской губернии, которые получили известность как памятники культуры. В небольших по объему очерках авторы сумели дать характеристику художественной ценности усадебных комплексов. При этом чаще всего им приходилось опираться на изобразительный материал – живописные произведения, рисунки, гравюры, фотографии. История усадеб в Беково и Царевщине, которые начали свое существование в первой половине XIX в., рассмотрена в статьях Е. К. Максимова и А. Н. Юматова⁵⁵.

Самые знаменитые саратовские усадьбы, которые существовали на территории губернии уже с конца XVIII в. – Надеждино и Зубриловка – привлекали внимание не только саратовских краеведов. Описания этих усадебных комплексов, составленные в XIX в., и результаты изучения их художественно-архитектурных памятников нашли отражение в обобщающих трудах, посвященных русским усадьбам. Эти материалы использованы в монографиях О. С. Евангуловой «Художественная “вселенная” русской усадьбы»⁵⁶ и американской исследовательницы П. Рузвельт «Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории»⁵⁷. В книге очерков «Мир русской усадьбы», которая была одним из первых в современной историографии опытов обобщения подобных материалов, опубликована работа Л. А. Перфильевой об усадьбе Голицыных в Зубриловке⁵⁸.

В центре внимания большинства исследователей, которые занимаются проблемой дворянской культуры, остается дворянская усадьба. Более широкий подход к этой проблеме продемонстрирован в диссертации Т. В. Платоновой. Она сделала попытку выяснить роль саратовского дворянства в общественно-культурной среде губернии. Этому вопросу посвящена отдельная глава ее дис-

⁵³ См.: *Ежова И. К.* Зубриловка, Надеждино. Дворцово-парковые ансамбли в Поволжье конца XVIII – начала XIX века. Саратов, 1979; *Сокольская О. Б.* «Зеленое зодчество» Саратовского Поволжья. Саратов, 1993.

⁵⁴ *Савельева Е. К., Пашкова Л. В.* Отзвук славного былого // *Памятники Отечества*: Иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: Вольная губерния. 1998. № 40 (3–4). С. 174–189.

⁵⁵ См.: *Дворянские усадьбы Саратовской губернии*: материалы вторых Боголюбовских чтений. 29–31 марта 1995 года. Саратов, 1998. С 3–16, 17–28.

⁵⁶ *Евангулова О. С.* Художественная «вселенная» русской усадьбы. М., 2003.

⁵⁷ *Рузвельт П.* Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории. СПб., 2008.

⁵⁸ См.: *Перфильева Л. А.* Усадьба Голицыных и Голицыных-Прозоровских // *Мир русской усадьбы. Очерки.* М., 1995. С. 226–238.

сертации⁵⁹. Платонова рассматривает и особенности усадебной культуры в Саратовской губернии, и проблему влияния высшего сословия на социокультурную среду губернского города. Что касается дворянских усадеб, то, по ее мнению, «блестящие загородные дворцы и огромные пейзажные парки нельзя считать неотъемлемой чертой социокультурного пространства Саратовской губернии»⁶⁰. Она полагает, что здесь «усадебная культура носила довольно эфемерный характер», и это было связано с «отсутствием давних культурных традиций в отдаленной Саратовской губернии»⁶¹. Более справедливо было бы указать на отсутствие в Саратовском Поволжье давних традиций именно дворянской культуры.

Несмотря на то что социальный аспект развития культуры региона в период с конца XVIII до середины XIX вв. пока не получил многостороннего рассмотрения – изучается в основном сословная культура дворянства – все же можно отметить расширение тематики подобных исследований. В. В. Кузнецов, посвятивший свою диссертацию купечеству малых волжских городов Саратовской губернии названного периода, уделил внимание духовным запросам и общественной активности этого сословия⁶². Его работа – первый труд, в котором рассматривается вклад этого сословия в культуру региона. Что касается проблем народной культуры Саратовского Поволжья, то в данной сфере в последние годы краеведы проявляют интерес к вопросам изучения старообрядчества. Некоторые статьи содержат новые сведения, позволяющие более глубоко исследовать значение этого направления народной культуры на территории Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века. М. В. Булычев рассмотрел и обобщил материалы, собранные известным статистиком А. И. Артемьевым во время его работы в экспедиции на территории Саратовской губернии в 1854–1855 годы⁶³. Артемьев собирал численные данные о старообрядцах Саратовского Поволжья и высказал некоторые наблюдения о причинах бытования и распространения «раскола».

Интересные факты о создании рукописных книг в монастырях на Иргизах и о школах, которые существовали при монастырях, изложены в статье Л. В. Визгаловой и Г. А. Ефремовой⁶⁴. Специальную статью посвятил старооб-

⁵⁹ См.: Платонова Т. В. Провинциальное дворянство в конце XVIII – перв. пол. XIX века (по материалам Саратовской губернии) : дис... канд. ист. наук. Саратов, 2002. С. 126–179.

⁶⁰ Там же. С. 150.

⁶¹ Там же. С. 151.

⁶² См.: Кузнецов В. В. Купечество малых волжских городов Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков : дис... канд. ист. наук. Саратов, 2007.

⁶³ См.: Булычев М. В. Состояние раскола в Саратовской губернии середины XIX в. (по рукописи А. И. Артемьева) // Памятные даты отечественной и местной истории и документальное наследие : материалы науч. конф. Саратовского областного отделения РОИА 28.11.2008 г. и 20.11.2009 г. Саратов, 2009. С. 68–74.

⁶⁴ См.: Визгалова Л. В., Ефремова Г. А. Экспедиция к пугачевским старообрядцам (по материалам полевых исследований 2002–2003 г в Пугачевский район Саратовской области) // Народы Саратовского Поволжья : история и современность : материалы областной науч.-практ. конф. (Труды СОМК. Вып. 6). Саратов, 2005. С. 105–107.

рядческим храмам Вольска М. В. Воробьев⁶⁵. Многосторонний характер отличает содержание работы И. В. Полозовой об Иргизских и Черемшанских монастырях⁶⁶. Автор рассматривает вопросы, связанные с происхождением этих центров старообрядчества, их историей и ролью в духовной жизни населения Саратовской губернии. Полозова высоко оценивает эту роль, называя монастыри центрами просветительской деятельности среди православного населения губернии и центрами идеологической жизни старообрядцев⁶⁷. В отличие от авторов названных работ, современный саратовский исследователь А. А. Наумлюк использовал традиционный подход к изучению истории старообрядчества на территории Саратовской губернии во второй половине XVIII – первой половине XIX века⁶⁸. В своей монографии, посвященной истории монастырей на Иргизах, он рассматривает старообрядчество как явление социально-политической истории.

Новым направлением в историографии Саратовского Поволжья можно назвать изучение культуры иностранных колонистов, которые были поселены в регионе после издания манифестов Екатерины II в 1762 году. Большинство работ, посвященных культуре поволжских немцев (так обычно называют колонистов, несмотря на то что среди них были представители разных народов Европы), содержат материалы по периоду, начиная со второй половины XIX века. Однако имеются исследования, в которых представлены сведения о культурной ситуации в колониях с момента их создания и до середины XIX века⁶⁹. Большинство авторов, которые пишут о культуре колонистов, подчеркивают тот факт, что ино-

⁶⁵ См.: *Воробьев М. В.* Старообрядческие храмы г. Вольска // Третьи региональные Пименовские чтения: Духовная культура России: История и современность: сб. науч. трудов. Саратов, 2006. С. 136–150.

⁶⁶ См.: *Полозова И. В.* Иргизские и Черемшанские монастыри и их роль в жизни саратовского старообрядчества. // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 102–109.

⁶⁷ См.: *Полозова И. В.* Указ. соч. С. 108.

⁶⁸ См.: *Наумлюк А. А.* Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношения с властью. Саратов, 2009.

⁶⁹ См.: *Терехин С. О.* Немецкие колонии на Волге в 1830-е годы (строительство и архитектура) // История и культура российских немцев. Вып. 3, ч. 1. Саратов, 1996. С. 38–55; *Лиценбергер О. А.* Лютеранская церковь в Поволжье. (С момента основания колоний до середины XIX в.) // История и культура российских немцев... С. 55–64; *Безносова О. В.* Колонисты-немцы и их соседи: характер и результаты религиозных контактов (конец XVIII в.–1917 г.) // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы X междунар. конф. Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. М., 2004. С. 201–211; *Плещая Э. Г.* Проблемы сохранения национальной культуры в условиях существования и взаимодействия с культурой титульной нации // Ключевые проблемы истории российских немцев... С. 192–200; *Булычев М. В.* Проявления русско-украинского влияния в хозяйстве и быту поволжских немцев в начале XIX в. // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути»: материалы XII междунар. науч. конф. Москва, 18–20 сентября 2008 г. М., 2009. С. 160–167; *Плешаков И. Н.* Иностранные колонии в Поволжье и военный постой. (Последняя четверть XVIII – начало XIX в.) // Этнические немцы России... С. 168–179; *Черказьянова И. В.* Русификация российских немцев: политика государства, компромиссы и протесты общества // Этнические немцы России... С. 37–59.

странные поселенцы сохраняли свои обычаи, язык и бытовые традиции практически до начала XX века.

Подход к изучению культурного процесса в городах Саратовской губернии с точки зрения рассмотрения их общественно-культурной среды, который успешно использовал Н. К. Пиксанов применительно к губернскому городу, длительное время не находил последователей среди краеведов. После выхода в свет его монографии саратовские историки XX в. не стремились дать общую характеристику культурной среды Саратова. Что касается особенностей социальной структуры населения города, результаты изучения которой очень важны для анализа социокультурных явлений, то здесь имеются определенные достижения. Наиболее интересные с этой точки зрения работы посвящены Саратову XVIII века. Прежде всего, следует назвать статью Е. Н. Кушевой «Саратов в третьей четверти XVIII-го века», опубликованную одновременно с монографией Пиксанова. В ней изложены наблюдения автора о социальном составе и хозяйственных занятиях саратовских жителей, об их материальном благосостоянии⁷⁰. Первая половина XIX в. с этой точки зрения изучена гораздо меньше, что отразилось на содержании раздела «Города губернии» первого тома «Очерков истории Саратовского Поволжья»⁷¹.

В главе «Очерков», посвященной истории культуры Саратовского края, губернский город выделен только при изложении сведений об архитектурных памятниках губернии первой половины XIX века⁷². Однако в пятой главе того же тома «Очерков» имеется раздел «Общественная жизнь в Саратове в конце 20 – начале 50-х годов XIX века. Молодой Н. Г. Чернышевский»⁷³. Здесь представлен интересный материал для характеристики общественно-культурной среды Саратова в названный период.

В современной историографии Саратовского Поволжья общественно-культурная среда Саратова рассматривается только в работах Е. К. Максимова и С. А. Мезина, в которых представлен соответствующий материал по XVIII веку⁷⁴. Некоторые черты общественно-культурной среды городов региона эпохи петровских реформ показаны в монографии Максимова и Мезина «Города Саратовского Поволжья петровского времени»⁷⁵. Мезин в своей статье, посвященной саратовским воеводам и комендантам, использует архивные источники, чтобы показать черты социокультурного облика дворян и купцов Саратова первой половины XVIII века⁷⁶.

⁷⁰ См.: *Кушева Е. Н.* Саратов в третьей четверти XVIII-го века // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1928. Вып. 35, ч. 2. С. 1–58.

⁷¹ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. С. 152–155.

⁷² Там же. С. 256–259.

⁷³ Там же. С. 189–204.

⁷⁴ См.: *Максимов Е. К., Мезин С. А.* Культура XVIII века. С. 323–324.

⁷⁵ *Максимов Е. К., Мезин С. А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010.

⁷⁶ См.: *Мезин С. А.* Саратовские воеводы и коменданты первой половины – середины XVIII века // *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века.* М., 2012. С. 115–143.

С точки зрения изучения общественно-культурной среды города особый интерес представляет вопрос о влиянии дворянства на его культуру. Это влияние пока никем не оспорено, однако проблема изучена недостаточно⁷⁷. В диссертации Т. В. Платоновой сделана первая попытка показать роль дворянства в культурном пространстве Саратова конца XVIII – начала XIX века. Обращаясь к этому вопросу, исследовательница отметила, что город (тут имеется в виду Саратов) был центром общения дворянства губернии в конце XVIII – первой половины XIX века. Это сословие, по мнению Платоновой, во многом способствовало формированию городской среды, являясь носителем высокой культуры⁷⁸.

Рассмотрение историко-региональных исследований, посвященных культурному процессу в Саратовском Поволжье до 1917 г., показывает устойчивую тенденцию в отношении выбора периода для изучения. Наибольшее внимание авторы уделяют событиям и явлениям второй половины XIX – начала XX века. При этом в трудах подобного содержания довольно часто приводится материал, касающийся периода с конца XVIII до середины XIX века. Гораздо меньше встречается работ, специально посвященных данному периоду. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с неодинаковой сохранностью письменных и других видов источников. Архивные документы, памятники изобразительного искусства и архитектуры Саратовской губернии, относящиеся ко времени до 60-х – 70-х гг. XIX в., дошли до нас в неизмеримо меньшем количестве, чем памятники последующих эпох.

Второе обстоятельство – характер культуры изучаемого периода. В Саратовской губернии, как и во всей России, с конца 50-х гг. XIX в., и особенно в пореформенное время? наблюдаются существенные сдвиги в культурном процессе. Изменение общественного строя, повышение социальной мобильности, потребности экономического развития повлекли за собой значительное изменение структуры культурного пространства. В результате произошло ускорение демократизации культуры. Все названные явления получили свое развитие в дальнейшем, в XX веке. Поэтому для нас культура второй половины XIX в. представляется более близкой и понятной, а предшествующий период ее функционирования требует усилий для понимания происходивших тогда процессов. Эти трудности приводят порой к высказываниям, суть которых сводится к тому, что «просвещение и элементы культуры» в первой половине XIX в. в Саратовской губернии отсутствовали, и «начали проникать» на ее территорию позднее⁷⁹.

В трудах саратовских историков, посвященных изучению культурного процесса в регионе, наиболее отчетливо проявился отраслевой подход. Интересно то, что рассмотрение культуры как явления социального было предложено Н. К. Пиксановым уже в первое десятилетие после революции, в тот период, когда он работал в Саратовском университете. Культура Саратовской губернии первой половины XIX в. стала для него одним из главных объектов изучения (на-

⁷⁷ См.: Кошман Л. В. Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. С. 55.

⁷⁸ См.: Платонова Т. В. Указ. соч. С. 178

⁷⁹ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. С. 218.

ряду с культурой ряда других регионов). Результаты этого изучения дали возможность Пиксанову высоко оценить значение региональных центров в культурном процессе общерусского масштаба. В последние десятилетия в трудах ряда местных историков вновь стало актуальным рассмотрение культуры Саратовского Поволжья как сочетания культур различных социальных групп.

Следует отметить, что в настоящее время нет специальных работ, посвященных социокультурной среде уездных городов Саратовского Поволжья конца XVIII – первой половины XIX века. Отдельные сюжеты, которые могут быть использованы при характеристике социокультурного развития конкретных уездных городов, можно встретить в трудах саратовских краеведов, посвященных их истории. Однако сведения такого рода обычно относятся к более позднему периоду, начиная со второй половины XIX века.

Архив графов Делагарди в Тарту: его история и изучение

Фамильный архив графов Делагарди, хранящийся с 1848 г. в библиотеке Тартуского университета в Эстонии, недостаточно известен отечественным историкам. Парадокс заключается в том, что исследователи событий Смутного времени, хорошо зная о существовании этого архива, в котором находятся ценнейшие документы, редко к нему обращались.

Профессор Санкт-Петербургского университета Г. В. Форстен (1857–1910) построил свои труды по истории Балтийского вопроса в XVI–XVII вв. исключительно на шведских архивных материалах, находящихся в далеком Стокгольме, а также на материалах из архивов Дании, Франции, Нидерландов, Германии, где он побывал в ходе заграничных командировок. Исследователь, хорошо владевший несколькими европейскими языками, не обращался к отечественным архивам, в том числе к архиву Делагарди в Дерпте (Юрьеве), а также к документам, уже опубликованным к 1880-м гг. в различных сборниках¹. Это в свое время было отмечено К. Н. Бестужевым-Рюминым, который в письме от 9 апреля 1894 г. к графу С. Д. Шереметеву указывал: «К сожалению, Форстен этим архивом не пользовался. Впрочем, судя по сведениям о нем, которые были в моих руках, он важен преимущественно для Балтийского вопроса»². Г. А. Замятин, который много работал с документами данного архива, отмечал, что «представления об архиве Делагарди самого К. Н. Бестужева-Рюмина далеки от правды»³.

Действительно, документы из архива Делагарди представляют большой интерес для исследователей, занимающихся изучением разных проблем отечественной и всеобщей истории XVI–XVII вв., в том числе и Смутным временем, а не только «Балтийским вопросом». В отзыве авторитетных ученых Юрьевского университета от 27 сентября 1884 г. отмечено, что в этих документах «говорится о борьбе, происходившей между русскими и шведами в конце XVI и начале XVII столетия и о местностях, принадлежащих теперь почти исключительно к Русскому государству; документы относятся к русским губерниям: Новгород-

¹ См.: *Форстен Г. В.* Россия и Швеция в Смутное время // ЖМНП. 1889. Вып. II, X, XI; *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648). Т. 2: Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом. СПб., 1894. О жизни и творчестве Г. В. Форстена см.: *Кан А. С.* Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979.

² *Бестужев-Рюмин К. Н.* Письма о Смутном времени. СПб., 1898. С. 46.

³ *Замятин Г. А.* Архив Делагарди и его значение для истории СССР. Историческая справка об архиве Делагарди (далее – *Замятин Г. А.* Архив Делагарди) // ОР РГБ. Ф. 618. Карг. 1. Д. 1. Л. 143. Рукопись Г. А. Замятина об архиве Делагарди подготовлена к печати в 2013 г. Г. М. Коваленко и А. Н. Одиноким.

ской, Тверской, Московской, Смоленской, Псковской, Нюландской, Выборгской, Эстляндской и Лифляндской»⁴.

Следует отметить, что к моменту заграничных поездок Г. В. Форстена (к 1885 г.) уже был опубликован труд И. Лоссиуса, так что Г. В. Форстен хорошо знал об архиве Делагарди в Тарту. Владевший старошведским, немецким, французским языками, хорошо изучивший не только отечественную, но и зарубежную палеографию, Г. В. Форстен лишь иногда консультировал архивариуса Юрьевского университета Георгия Саблера, когда тот обращался к нему по поводу русских рукописей из данного архива. В архиве Делагарди находились рукописи не только на старошведском, но и на немецком и французском языках, которые Г. В. Форстен без особого труда мог разобрать и подготовить к публикации.

В качестве другого примера можно привести труд профессора Тартуского университета Генрика Сеппа (1937) об осаде Пскова Стефаном Баторием и Густавом Адольфом⁵. Автор, живший постоянно в Тарту, напечатавший свою работу на шведском языке, оставил совсем без внимания документы по истории похода шведов под Псков из архива Я. Делагарди.

Третий пример. Советский историк И. П. Шаскольский, опубликовавший в 1950 г. свой труд о шведской интервенции в Карелии⁶, зная о ценности документов из архива Делагарди в Тарту (о чем он сам писал!), не сумел их использовать, ссылаясь якобы на недоступность этих документов. А ведь с лета 1944 г. после освобождения Тарту от фашистов прошло уже 6 лет, и данный архив после реэвакуации был доступен для изучения. Герман Андреевич Замятин в 1946 г., несмотря на преклонный возраст и болезнь, сумел вырваться на короткое время из далекой Перми в Тарту и немного поработать с данным архивом – впервые после длительного перерыва почти в 30 лет. Молодой ученый И. П. Шаскольский, постоянно живя в Ленинграде, имел полную возможность для работы с данными документами в 1945–1949 гг. и перевода их со шведского языка с помощью филолога Е. Г. Штральзон. Признанный всеми как ведущий специалист по истории русско-шведских отношений И. П. Шаскольский и в дальнейшем не обращался к архиву Делагарди.

Эти примеры можно продолжить, вспомнив крупнейшего скандинависта А. С. Кана, Б. Ф. Поршнева, О. Л. Вайнштейна, Р. Г. Скрынникова и других ученых.

⁴ *Петухов Е. В.* Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865–1902): Исторический очерк // ЖМНП. 1905. Ноябрь. Ч. 362. С. 331.

⁵ *Hendrik Sepp.* Stepan Bathorys och Gustaf II Adolfs krigstag mot Pskov // *Svio Estonica*. 1937. S. 138–164.

⁶ См.: *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

Еще в 1911 г. тихвинский краевед И. П. Мордвинов впервые указал на значение архива Делагарди для изучения событий в Тихвине во время восстания против шведов в 1613 году⁷.

Г. А. Замятин на основании длительного изучения архива Делагарди отмечал «его важное значение для истории СССР XVII века». Историк еще в 1913 г. написал статью о значении архива Делагарди как источника по русской истории. Статья была принята для публикации во втором номере «Русского исторического журнала», но журнал погиб вместе со всем редакционным портфелем⁸. В архиве Г. А. Замятина сохранились наброски данной статьи 1913–1915 гг. с дополнениями, сделанными в 1920-х гг. и в 1951 г., когда историк в последний раз обратился к этой теме в связи с подготовкой доклада для празднования юбилея университета Тарту в 1952 году⁹. Г. А. Замятин выяснил историю возникновения коллекции Делагарди, сделал подробный анализ содержания этой коллекции, а также составил основательный обзор документов коллекции, связанных с историческими событиями. Остается только сожалеть, что такой ценный для исследования коллекции Делагарди труд не был опубликован и остался недоступным для нового поколения исследователей этой темы.

О важном значении архива Делагарди писал в своем труде о Северной войне Е. В. Тарле (1874–1955). Говоря о предыстории Северной войны, Е. В. Тарле упоминает ценную работу Г. А. Замятина о значении коллекции Делагарди, которая является «ключом к изучению истории русско-шведских отношений»¹⁰.

Современный исследователь Е. И. Кобзарева вслед за Г. А. Замятиным пользовалась документами архива Делагарди в Тарту (достойный продолжатель дела Замятина, она впервые ввела в научный оборот многие письма из данного архива, относящиеся к Смутному времени, всего около 80 писем)¹¹.

Несколько слов стоит сказать об истории архива Делагарди. Род Делагарди происходит из Лангедока (Франция). После мира в Като-Камбрези (1559), положившего конец Итальянским войнам, один из представителей рода Понтус Делагарди вначале некоторое время воевал в Шотландии (1559–1560) против протестантов в составе французских экспедиционных войск на стороне шотландской королевы Марии Стюарт и ее матери Марии Лотарингской из рода Гизов. Шотландские протестанты, поддержанные английской королевой Елизаветой Тюдор, в итоге одержали победу, и по Эдинбургскому договору (1560) французские вой-

⁷ См.: Мордвинов И. П. Тихвинская старина. Сб. материалов к истории г. Тихвина и Нагорного Обонежья (Современного Тихвинского уезда) // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. IV. С. 8.

⁸ См.: ОР РГБ. Ф. 618. Карт. 9. Д. 4. Л. 45; Карт. 9. Д. 5. Л. 4 об.

⁹ Там же. Карт. 1. Д. 1.

¹⁰ Тарле Е. В. Северная война и шведская интервенция в Россию // Тарле Е. В. Сочинения. Т. 10. М., 1959. С. 816.

¹¹ См.: Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005.

ска вынуждены были прекратить интервенцию и покинуть Шотландию. После этого Понтус Делагарди поступил на службу к датскому королю Фредерику II и участвовал в Северной войне Дании против Швеции (1563–1570). При осаде Варберга, как пишет Г. В. Форстен, «он сделался пленником шведов». Поступив на службу к шведским королям Эрику XIV и Юхану III, Понтус Делагарди выполнял различные дипломатические поручения и отличился в качестве полководца в завершающий период Ливонской войны, особенно в 1580–1582 гг. Земельные владения Понтуса Делагарди и его потомков находились в Швеции и Эстонии, а после 1611 г. – и в Корельском уезде.

Сыновья и внуки Понтуса Делагарди занимали в Швеции в XVII веке высокие государственные посты. Понтус Делагарди и его сын Якоб имели чин фельдмаршала. Якоб Делагарди был хорошо известен в России, особенно в Новгородской земле. После Столбовского мира (а по мнению Г. В. Форстена – в 1615 г.) король Густав Адольф возвел Делагарди в графское достоинство. В 1630 г. Якоб Делагарди был назначен президентом Военной коллегии, а после смерти Густава Адольфа оставался верным сторонником канцлера А. Оксеншерны. Брат Якоба Иоганн состоял наместником в г. Або (Финляндия) и государственным советником. Сын Якоба Магнус Габриэль (1622–1686) был канцлером и одно время даже регентом Швеции. Он известен не только как полководец и государственный деятель, но и как меценат, благодаря инициативе и содействию которого в Швеции возникла «Коллегия древностей». Он поддерживал связи со многими выдающимися учеными того времени¹². При таких условиях естественно, что в семье Делагарди скопилось немало документов большого исторического значения.

Основная масса документов архива Делагарди длительное время хранилась в Швеции в родовом замке Лёберёде. Описание этого собрания издана П. Визельгреном в 20 томах в 1831–1843 годах. Меньшая часть архива Делагарди около 1700 г. накануне Северной войны была из Швеции перевезена в имение Эммаст на острове Хиумаа (Даго). Шведские ученые XVII в. еще могли пользоваться данным архивом (в том числе Юхан Видекинд). По Ништадскому миру 1721 г. прибалтийские местности, в том числе и остров Хиумаа, отошли к России. С этого времени данная часть архива Понтуса и Якоба Делагарди осталась в России, и шведские ученые потеряли его из виду. Однако и российские ученые также длительное время ничего о нем не знали.

¹² См.: *Форстен Г. В.* Делагарди // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии. Т. 4 (Герарди – Дюма). М., 1993. С. 592; *Коваленко Г. М.* Якоб Делагарди в Новгороде // ПН и НЗ. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Новгород, 1998. С. 88–91; *Коваленко Г. М.* Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции IX–XX вв. СПб., 1999; *Коваленко Г. М.* Шведы в русском фольклоре // Чело. Великий Новгород, 2000. № 3 (19).

Между 1822 г. и 1826 г. Карл Магнус Делагарди предоставил архив Делагарди, хранившийся в Эммасте, в распоряжение местного пастора Александра Зенгбуша для использования в интересах науки. Этот пастор после разбора документов переслал в 1826 г. архив Делагарди генерал-суперантенденту в Риге К. Г. Зоннтагу с просьбой отправить его ректору Дерптского университета проф. И. Ф. Г. Эверсу. Около 20 лет (1827–1848) данный архив находился у профессора исторического богословия Дерптского университета А. К. Ф. Буша, который лишь в 1848 г. доставил архив Делагарди в библиотеку университета. Так архив из частных рук перешел на хранение в государственное учреждение¹³.

В 1882 г. помощник библиотекаря Дерптского университета И. Лоссиус опубликовал книжку об архиве Делагарди. На основании этого издания и других материалов А. Чумиков в 1884 г. написал библиографическую заметку об архиве с указанием документов, касающихся отечественной истории¹⁴. В заметке А. Чумикова много ошибок и опечаток, отметим лишь некоторые. Неверно указана дата рождения Понтуса Делагарди (1560); вместо Тязвинского мира назван Столбовский мир, по которому якобы «большая часть завоеваний Понтуса отошла от Швеции к России»; военачальниками Якоба Делагарди в России не точно названы «Сане и Гарн» (так автор называет Кристиерна Сомме и Эверта Горна). А. Чумиков упоминает о письме «из Канарья Иоахима Берендеса». Только благодаря сходству фамилии этого воеводы «Берендеса» с воеводой одного из малых городов (Иоахим Берендс) можно понять, что здесь речь идет о крепости Копорье.

Заметка А. Чумикова не вызвала у российских историков интереса к архиву Делагарди. Однако сведения об архиве, приведенные И. Лоссиусом, заинтересовали шведских ученых. Из его труда шведы узнали, что в библиотеке Дерптского университета находятся 13 больших томов с бумагами Понтуса и Якоба Делагарди. Попытки шведского правительства в 1883 г. вернуть этот архив в Швецию не увенчались успехом.

Шведы предлагали обменять документы из архива Делагарди на документы по истории Лифляндии из Государственного архива в Стокгольме. Несмотря на давление со стороны министра народного просвещения И. Д. Делянова, к которому обратился шведский посол, Совет Дерптского университета и историко-филологический факультет категорически отказались от данного обмена. В своем отзыве об архиве Делагарди Совет университета 23 апреля 1884 г. указывал:

¹³ *Lossius J.* Die Urkunder der Grafen de La Gardie in der Universitätsbibliothek zu Dorpat. Herausgegeben von Johannes Lossius. Dorpat, 1882. S. VIII; *Кордт В. А.* Из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1894. Т. 2. С. V; *Замятин Г. А.* Архив Делагарди. Л. 119–121.

¹⁴ *Чумиков А.* Сведения о семейном архиве (XVI–XIX вв.) графов Делагарди и библиографическая заметка // ЧОИДР. 1884. Кн. 3, отд. 5 (смесь). С. 19–26.

«... этот богатый источник по всеобщей, в особенности же по балтийской, истории есть сокровище здешней университетской библиотеки». Шведам было предложено снять точные копии документов из данного архива. На вторичный запрос министра И. Д. Делянова с просьбой передать Швеции хотя бы часть документов из этого архива комиссия факультета во главе с проф. Александром Густавичем Брикнером (руководил кафедрой истории России), Рихардом Гаусманом (руководил кафедрой средневековой истории) и Отто Вальцем (руководил кафедрой новой истории) отметила 27 сентября 1884 г., что «деление коллекции Делагарди или передача части ее невозможны без вреда для ее научного достоинства... Отдав хотя бы часть собрания Делагарди, мы бы сами себя лишили драгоценных источников истории русского государства». В третий раз попечитель Рижского учебного округа М. Н. Капустин по указанию того же И. Д. Делянова попросил Совет Дерптского университета, чтобы университет хотя бы подарил шведскому правительству копии с документов из архива Делагарди. На своем заседании 17 декабря 1884 года Совет постановил, чтобы шведское правительство само озаботилось «снятием копий с собрания грамот де ла Гарди здесь в Дерпте на собственный свой счет»¹⁵. На этом дело заглохло, и архив Делагарди остался в России.

В 1915 г. в связи с неудачами на фронте архив был эвакуирован вместе с другим ценным имуществом Юрьевского университета в Нижний Новгород, где хранился в неотопливаемом, сыром помещении одного из складов, предоставленном купцом Березиным. Опасаясь за сохранность архива, Археографическая комиссия настояла, чтобы документы были перевезены из Нижнего Новгорода в Петроград. Ответственным за доставку архива был назначен приват-доцент Юрьевского университета Г. А. Замятин. Он сам изъявил готовность принять на себя такое поручение. Об этом сообщил членам Археографической комиссии на заседании 13 февраля 1917 г. «правитель дел» В. Г. Дружинин. Комиссия постановила ассигновать Г. А. Замятину 300 рублей «на поездку и привезение архива в Петроград». В конце марта 1917 г., несмотря на возникшие трудности (о чем неоднократно сообщалось на заседаниях Археографической комиссии), архив был привезен Г. А. Замятиным в Петроград. 20 апреля на заседании Археографической комиссии было определено «благодарить г. Замятина за успешно выполненное поручение»¹⁶.

¹⁵ Петухов Е. В. Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865–1902): Исторический очерк // ЖМНП. 1905. Ноябрь. Ч. 362. С. 330–331.

¹⁶ Извлечения из протоколов Археографической комиссии за 1917 год // ЛЗАК за 1917 год. Пг., 1920. Вып. 30. С. 17–20.

Сам Герман Андреевич об этих событиях писал очень кратко: «В конце марта 1917 года архив был доставлен пишущим настоящие строки в комиссию»¹⁷. В сентябре 1917 г. по просьбе Г. А. Замятина ему удалось привезти три тома данного архива из Петрограда в Юрьев, но ненадолго. Уже в октябре пришлось их вернуть в Петроград. Осенью того же года, после захвата германскими войсками Риги, архив Делагарди был снова эвакуирован вместе с рукописями Археографической комиссии из Петрограда в Саратов. Здесь он хранился до подписания мирного договора между Советской Россией и Эстонией 2 февраля 1920 года¹⁸.

В соответствии с условиями данного мирного договора архив Делагарди был возвращен Тартускому университету. Это произошло в мае – июле 1921 года. В Саратов за архивом приезжала из Эстонии специальная комиссия. Скорее всего, архив Делагарди был привезен из Саратова в Петроград вместе с рукописями, старопечатными изданиями и другими ценными экспонатами Академии наук, которые также находились с осени 1917 г. в Саратове. Еще 1 ноября 1920 г. В. И. Ленин подписал распоряжение Совнаркома об особой охране и «зеленой улице» товарному поезду, который следовал из Саратова в Петроград с «древними книгами». В правительственном декрете говорилось: «Ни в Саратове, ни в пути следования, ни в Петрограде на ж/д этот груз не подлежит ни вскрытию, ни конфискации, ни реквизиции, ни иной проверке, а должен быть доставлен непосредственно в рукописное отделение Академии наук в Петрограде. О дне отправки рукописей из Саратова донести нам телеграфно»¹⁹.

4 мая 1921 г. в Петрограде был составлен акт о передаче представителю Эстонской делегации «по эвакуированию имущества бывшего Юрьевского университета» проф. Р. Ю. Гутману архива графов Делагарди, который «теперь возвращен Российской Академией наук в Петроград». В протоколах заседания Археографической комиссии записано, что «принадлежавший Дерптскому университету архив графов Делагарди был возвращен в июле 1921 г. университету по принадлежности»²⁰. С этого момента архив Делагарди оказался за пределами РСФСР.

В июле 1940 г. Эстония была объявлена советской республикой, а в августе того же года VII сессия Верховного Совета СССР приняла закон о вхождении

¹⁷ Замятин Г. А. Архив Делагарди. Л. 122.

¹⁸ См.: Извлечения из протоколов Археографической комиссии за 1918 год // ЛЗАК за 1918 год. Пг., 1923. Вып. 31. С. 11; Извлечения из протоколов... за 1920 год // ЛЗАК за 1919–1922 годы. Пг., 1923. Вып. 32. С. 24, 27.

¹⁹ Кукушкина М. В. Рукописные фонды Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1988. С. 3–4.

²⁰ Извлечения из протоколов... за 1921 год // ЛЗАК за 1919–1922 годы. Пг., 1923. Вып. 32. С. 53 (заседание 31 мая 1921 г.), С. 54–55 (заседание 1 августа); Извлечения из протоколов... за 1922 год // Там же. С. 72.

Эстонии в состав СССР. Вследствие изменения границ архив Деллагарди оказался снова в СССР, однако никто из советских ученых за десять оставшихся месяцев мирной жизни к нему не обращался.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) библиотека Тартуского университета и архив Деллагарди были эвакуированы на восток и не пострадали, а после освобождения Эстонии от фашистов архив вместе с библиотекой был возвращен в Тарту. Здесь архив хранится и в настоящее время. Г. А. Замятин писал в 1951 г., что архив вместе с библиотекой «и ныне помещается в наиболее сохранившейся алтарной части собора св. Дионисия, построенного в XIII веке»²¹.

В послевоенное время архив Деллагарди, пока Эстонская республика находилась в составе СССР, практически никем не изучался. За эти годы ни один из документов данного архива не был введен в научный оборот. Труды Г. А. Замятина, в которых широко использовались документы архива, не были опубликованы, за исключением одной статьи и одной рецензии. К сожалению, в этих опубликованных в центральных журналах работах историк менее всего ссылался на документы из архива Деллагарди. Две другие статьи Г. А. Замятина, опубликованные в местных изданиях небольшим тиражом еще до Великой Отечественной войны (1926 и 1941), были малоизвестны. В первой из этих статей (1926) Г. А. Замятин неоднократно ссылался на документы из архива Деллагарди, и даже опубликовал два письма из него на языке оригинала с переводом на русский язык²².

С начала 1990-х г. и вплоть до настоящего времени архивом Деллагарди занимается только Е. И. Кобзарева. Можно еще упомянуть Л. Дубьеву, работающую в библиотеке Тартуского университета, которая в своей содержательной статье много внимания уделила биографии Г. А. Замятина и его трудам, а также дала краткую характеристику двум документам из архива Деллагарди, введенным в научный оборот Г. А. Замятиным²³. В последние годы документами данного архива занимается шведский исследователь А. И. Пересветов-Мурат, однако его труды к настоящему времени еще не опубликованы.

Остальные ученые, занимаясь проблемами Смутного времени, а также русско-шведскими отношениями в XVII в., к документам архива Деллагарди не обращались. Г. А. Замятин писал, критикуя труды молодых советских исследователей, которые не использовали в своих трудах материалы из архива Деллагарди: «Отсюда – неполнота источников; а это обстоятельство не могло, разумеется, не отразиться на установлении исторических фактов»²⁴.

²¹ Замятин Г. А. Архив Деллагарди. Л. 123.

²² См.: Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского государственного университета. Воронеж, 1926. Т. III. С. 1–74.

²³ Dubjeva L. G. A. Zamjatin (1882–1953) als Forscher der Sammlung De la Gardie // Die baltischen Länder und der Norden. Tartu, 2005. S. 502–521

²⁴ Замятин Г. А. Архив Деллагарди. Л. 145.

Первым шведским ученым, принявшимся за изучение архива Делагарди в Тарту, был Х. Альмквист, автор исследования «Sverige och Ryssland. 1595–1611» (Uppsala, 1907), считающийся в Швеции лучшим знатоком истории Смутного времени. Для написания труда Альмквист дважды приезжал в Юрьев (Тарту). В своем исследовании Альмквист осветил взаимоотношения России и Швеции со времен Тявзинского мира 1595 года до смерти Карла IX в 1611 году. Другие работы о царском избрании в 1613 г.²⁵ Альмквист написал, видимо, уже не наводя справок в архиве Делагарди, иначе трудно объяснить, почему он не указал такого ценного источника, как показания шведа Георга Брюнно, хотя возможен вариант, что Альмквист просто «проглядел» этот важный документ.

Полностью история русско-шведской войны начала XVII в. изложена в большом труде, изданном шведским Генеральным штабом²⁶. При составлении названного труда шведские специалисты широко использовали и архив Делагарди в Тарту. Работа над архивом велась в то время, когда Эстония была отделена от СССР. В первом томе авторы рассматривали войну Швеции с Данией 1611–1613 гг. (Кальмарскую) и войну между Россией и Швецией, закончившуюся Столбовским миром 1617 года. Шведские военные историки убеждены, что эти две войны взаимно связаны, поэтому нельзя изучать их отдельно. Существенным недостатком первого тома является то, что авторы мало использовали печатные русские источники, а русские архивные материалы остались им совсем неизвестными. Отсюда, как отмечал Г. А. Замятин, происходит одностронность изложения: в центре внимания авторов стоят только действия шведских частей.

Отдельно следует сказать о составе архива Делагарди и о попытках его систематизации. Помощник библиотекаря Дерптского университета И. Лоссиус, а также все читатели его труда в 1880-е годы считали, что все бумаги Делагарди в Тарту заключаются в 13 больших томах. Общее их количество, по подсчету И. Лоссиуса, – 2615. Из этих документов Лоссиус напечатал в 1882 г. переписку Понтуса Делагарди (полностью или частично 72 письма). Корреспондентами Понтуса Делагарди были французские короли Карл IX, Генрих III (он же польский король Генрих Валуа), Генрих IV; королева Екатерина Медичи, датский король Фредерик II, испанский герцог Альба, шведский король Юхан III, польский гетман Ян Замойский и др. Эти письма относятся к периоду 1571–1585 гг.; они

²⁵ Это следующие работы Х. Альмквиста: *Tsarvalet ar 1613. Karl Filip och Mikael Romanov // Historiska Studier tillägnade Prof. Harald Hjärne. Uppsala, 1908; Die Carenwahl des Jahres 1613. Die schwedische Thronkandidatur und ihre Vorgeschichte // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. Berlin, 1913. Bd., III. h. 2. S. 161–202.*

²⁶ *Generalstaben. Sveriges krig 1611–1632. Bd. I, d. 1, 2 : Danska och Ryska krigen. Stockholm, 1936.*

являются ценнейшим источником по истории внешней политики многих европейских стран.

После смерти И. Лоссиуса новый помощник библиотекаря В. А. Кордт в октябре 1891 г. обнаружил «в надежной глубине стенового шкафа библиотеки» еще несколько сот документов, которые находились в четырех коробках. Таким образом, архив можно разделить на две неравные части: в первую входят документы, известные до 1891 года и описанные И. Лоссиусом, во вторую – документы, найденные В. А. Кордтом.

Все 13 томов, описанные И. Лоссиусом, имеют буквенные обозначения (от А до N). Каждый том содержит серию документов, касающихся либо одной страны, либо одного вопроса. Например, том «А» – «*Zur russischen Geschichte*» («К русской истории»), том «В» – «*Russland und Polen*» (Россия и Польша), том «С» – «*Schweden*» (Швеция), том «D» – «*Holland*» («Голландия»), том «Е» – «*Geschichtliches*» («Исторический»), том «F» – «*Regierende*» («Правительственный»), том «G» – «*Beamtete*» («Чиновничий») и т. д.

Трудно сказать, кто и когда так рассортировал эти документы. В свое время еще И. Лоссиус отмечал произвольность распределения документов. Например, письма Горстенсона к Якобу Делагарди почему-то оказались в томе В, а некоторые письма Густава Адольфа – в томах Н, F, K²⁷.

Сам Лоссиус составил индекс к документам по иной системе. В его книжке корреспонденция Якоба Делагарди разделена на четыре отдела:

«А» – Шведско-русские отношения до ратификации Столбовского мира в 1618 году;

«В» – Шведско-польские отношения до высадки короля Густава Адольфа в Померании в 1630 году;

«С» – Корреспонденция Якоба Делагарди во время 30-летней войны (1618–1648) и до его смерти, последовавшей 12 августа 1652 года;

«D» – Частные дела.

Каждый из этих четырех отделов, в свою очередь, состоял из нескольких подразделов.

Первый отдел «А» имеет семь подразделов: 1) Письма короля Густава Адольфа к Якобу Делагарди; 2) Сообщения Якоба Делагарди королю Густаву Адольфу; 3) Письма короля Густава Адольфа разным лицам; 4) Письма разных лиц к Якобу Делагарди; 5) Письма и удостоверения Якоба Делагарди разным лицам; 6) Различные письма, расположенные по алфавиту авторов; 7) Столбовский мир.

Второй отдел «В» состоит из четырех подразделов: 1) Письма короля Густава Адольфа к Якобу Делагарди; 2) Письма короля Густава Адольфа разным лицам;

²⁷ *Lossius J. Op. cit. S. VII.*

3) Письма разных лиц к Якобу Делагарди; 4) Различные письма, расположенные по алфавиту авторов.

Третий отдел «С» состоит из двух подотделов: 1) Письма разных лиц к Якобу Делагарди; 2) Различные письма, расположенные по алфавиту авторов.

Четвертый отдел «D» состоит из трех подотделов: 1) Документы XVI века; 2) Письма к Якобу Делагарди; 3) Различные письма, расположенные по алфавиту авторов.

В конце книги Лоссиуса помещены дополнения ко всем отделам, а также именной указатель ко всем 13 томам, что значительно облегчает поиск необходимых документов.

Система И. Лоссиуса на деле так и не была проведена. Документы по-прежнему оставались помещенными в 13 томов.

Что касается документов, найденных В. А. Кордтом, то их около 600; они хранятся в коробках из картона. Так как документы изначально не были переплетены, а также в связи с их небольшим количеством, В. А. Кордт не только распределил их, по примеру И. Лоссиуса, на 6 отделов, но и сумел провести эту систему на деле, рассортировав документы по всем шести отделам:

1) Письма короля Густава Адольфа (два подотдела – письма короля к Якобу Делагарди и письма короля к различным лицам); 2) Письма к королю Густаву Адольфу; 3) Письма Якоба Делагарди; 4) Письма к Якобу Делагарди; 5) Различные авторы; 6) Различные документы.

В общей сложности в архиве Делагарди в Тарту насчитывается свыше 3200 документов за период со второй половины XVI в. и до середины XVII в.

Документы, обнаруженные В. А. Кордтом в 1891 г., были частично опубликованы им в Ученых записках Юрьевского университета в 1894 году. Здесь также помещен именной указатель к данным документам. В. А. Кордт опубликовал 35 документов, представлявших ему наиболее ценными. Из них 14 документов относятся к событиям Смутного времени, а 21 документ – к событиям в основном конца 1640-х годов. Документы у Кордта были опубликованы на языке оригинала (немецком, шведском и французском)²⁸. Один из таких документов в переводе с французского языка, в котором говорится о малоизвестной попытке шведов вернуть под свою власть восставший Гдов, приведен в приложении к данной работе.

В 1896 году Г. Саблер напечатал в Ученых записках Юрьевского университета все русскоязычные документы из архива Делагарди в Тарту. Таких документов оказалось всего 15, из них 12 были упомянуты Лоссиусом, они находились в томе «А», 2 документа были обнаружены Кордтом, а один из найденных

²⁸ См.: Кордт В. А. Из семейного архива графов Делагарди. С. 1–107.

в 1891 г. документов не был упомянут Кордтом²⁹. В 1907 г. Х. Альмквист опубликовал несколько документов из архива Делагарди на шведском и немецком языках. В 1911 г. переводчик так называемых «Арсеньевских шведских бумаг» А. В. Полторацкий перевел на русский язык два документа из архива Делагарди, которые были опубликованы ранее на языке оригинала Х. Альмквистом ввиду их исторического значения³⁰.

Таковы все издания документов из архива Делагарди в Тарту. Общее количество полностью опубликованных документов вряд ли будет больше сотни, из них только несколько переведены на русский язык (не считая русских документов, опубликованных Г. Саблером). Если включить также 2–3 десятка частично опубликованных документов и сравнить их с общим количеством в 3200 единиц, то выходит, что опубликовано всего менее 5 % документов архива Делагарди, находящихся в библиотеке университета Тарту.

Г. А. Замятин дал краткую характеристику многим документам, о которых упоминали И. Лоссиус, В. А. Кордт и Г. Саблер. Все 15 документов, опубликованных Г. Саблером, касаются событий Смутного времени. В трудах В. А. Кордта и И. Лоссиуса событиям Смуты посвящено менее половины документов. Причем у Лоссиуса документы, относящиеся к Смутному времени, встречаются не только в томе «А» (основной том, посвященный Смуте), но и в других томах.

Г. А. Замятин в своей статье об архиве Делагарди, сделав «беглый и далеко неполный обзор материалов» этого архива, указывал: «Невозможно изучать ни одного вопроса по истории шведской интервенции в Московское государство в начале XVII в., этого важного момента в истории СССР, не обращаясь к названному архиву»³¹.

Систематические донесения Я. Делагарди о событиях в России за ряд лет, десятки сообщений Э. Горна фельдмаршалу, не один десяток грамот и инструкций Густава II Адольфа и ряд других материалов – все это редкие исторические источники.

Ценность архива Делагарди в Тарту повышается еще потому, что в шведском государственном архиве в Стокгольме аналогичные документы отсутствуют. Х. Альмквист отмечал, что в Стокгольмском архиве оригиналы писем и донесений Делагарди имеются лишь начиная с марта 1613 года³². Правда, Г. А. Замятин в результате тщательной проверки ряда фондов Стокгольмского архива обнару-

²⁹ См.: *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1896. № 3. Отд. неоф.

³⁰ См.: *Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг.* / пер. А. В. Полторацкого // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5. С. IV.

³¹ *Замятин Г. А.* Архив Делагарди. Л. 137.

³² См.: Сб. НОЛД. Вып. 5. С. 15.

жил все же один ранний документ (донесение Я. Делагарди от 21 апреля 1611 г.), но это не меняет сути дела. Поэтому некоторые документы из архива Делагарди в Тарту (в частности, донесения Я. Делагарди королю Густаву Адольфу 1612 г.), как писал Г. А. Замятин, «представляют уникамы»³³. Добавим к этому и десяток донесений Я. Делагарди королю Карлу IX за 1611 год.

Кроме того, следует учесть, что Якоб Делагарди, находясь в Новгороде, создал широко разветвленную шпионскую сеть, постоянно отправляя лазутчиков из русских людей на территорию, занятую москвичами и в саму Москву. Поэтому шведские руководящие лица в Новгороде были хорошо информированы о московских делах. Современный историк может почерпнуть из шведских документов вполне достоверные данные. Примером верных сведений о событиях в Московском государстве служат рассказы неизвестных по имени шведских лазутчиков, отправленные Я. Делагарди в Стокгольм в приложении к донесению королю 17 января 1613 года. Лазутчики, сообщая об очищении Москвы от поляков, точно указывают день освобождения (26 октября поляки выдали русских бояр, а на следующий день, 27 октября, сдали Кремль) и безошибочно называют по имени русских бояр, вышедших из Кремля, где они сидели вместе с поляками: Ф. И. Мстиславского, И. М. Воротынского, И. Н. Романова, И. С. Куракина, Ф. И. Шереметева, Б. М. Лыкова, И. В. Голицына и некоторых других, включая стольника Михаила Романова³⁴.

Значение архива Делагарди в Тарту возрастает. Это обстоятельство, как отмечал Г. А. Замятин, «разумеется, ни в коем случае не избавляет историка от необходимости применять к шведским источникам строгие правила исторической критики»³⁵. Данные шведских источников необходимо проверять путем сопоставления с данными русских источников, сохранившихся в большом количестве в РГАДА.

В Швеции издана многотомная переписка канцлера А. Оксеншерны. Один том содержит письма Я. Делагарди к канцлеру; они охватывают время с 1611 г. до середины января 1650 года³⁶. Но эти письма не могут заменить донесений Я. Делагарди королю Густаву Адольфу. Нередко в письмах к канцлеру шведский фельдмаршал не сообщает деталей, а пишет, что конкретные сведения о данных событиях он указал в донесениях королю.

Г. А. Замятин писал 60 лет назад: «Думается, что пришло время преодолеть отставание в изучении истории шведской интервенции в Россию в начале XVII в.; наступила пора дать детальную, стройную картину героической борьбы

³³ Замятин Г. А. Архив Делагарди. Л. 138.

³⁴ См.: *Lossius J.* Op. cit. S. 86; Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. С. 1, 63.

³⁵ Замятин Г. А. Архив Делагарди. Л. 139.

³⁶ *Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevvevling. Serare afdelningen, Bd. V : Jakob de la Gardies bref 1611–1650.* Stockholm, 1893.

русского народа против шведских оккупантов в указанный период. Необходимые для выполнения этой работы материалы (русские и шведские) и научные силы в стране имеются в достаточном количестве; нужна лишь коллективная организованная работа»³⁷. Эти слова актуальны и в настоящее время.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо герцога Саксонского о походе к Гдову в 1613 году³⁸

В письме герцога Саксонского Юлиуса Генриха Якобу Делагарди говорится о попытке шведов вернуть Гдов, который был впервые захвачен войсками шведского генерала Эверта Горна в июле 1612 г., а через год в июне 1613 г. освобожден псковичами, сторонниками правительства Михаила Романова. Точная дата освобождения Гдова неизвестна. Король Густав Адольф узнал об этих печальных для шведов событиях 25 июня 1613 г. от самого Эверта Горна, прибывшего в Швецию из России. На следующий день 26 июня король в письме своей матери сообщил о последних событиях в России, о том, что Тихвин захвачен «московскими русскими», а Гдов – псковичами³⁹.

Кратко об этих событиях сообщали голландские дипломаты, а также псковский летописец. Голландцы писали, что жители «истребили шведский гарнизон, находившийся там и даже не подозревавший неприятельского нападения»⁴⁰. Псковский летописец подчеркивает активную роль псковичей и их командира, некоего Федора Федулова: «Федор Федулов, торговый человек, с ратными людьми взял Гдов город изгоном». В другой псковской летописи кратко сообщается: «И придоша Псковичи, взяша Гдов»⁴¹.

³⁷ *Замятин Г. А.* Архив Делагарди. Л. 146.

³⁸ Донесение герцога на французском языке напечатано В. А. Кордтом. См.: *Кордт В. А.* Из семейного архива Делагарди // Ученые записки Юрьевского университета. 1894. № 2. С. 41.

³⁹ Цит. по: *Замятин Г. А.* «К Российскому царствию пристоят». Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613–1614 гг. / сост. А. Н. Одинокоев, Я. Н. Рабинович / под ред. Г. М. Коваленко. Великий Новгород, 2012. С. 107.

⁴⁰ Журнал нидерландских посланников Рейнгоуга ван Бредероде, Дидериха Басса и Альберта Иоахими об их посольстве в Швецию и Россию в 1615 и 1616 годах. Представлен 17 октября 1616 г. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII в. глазами дипломатов). М., 1991. С. 216–217.

⁴¹ О смятении и междоусобии // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 72; Псковские летописи. ПСРЛ. СПб., 1848. Т. IV. С. 331.

Подробные сведения о событиях в Гдове Я. Делагарди сообщал в донесении королю 6 июля 1613 г. Наместник Гдова Вольмар фон Унгерн с детьми и племянницею и 30 других шведов были увезены в Псков и посажены в тюрьму.

В письме канцлеру А. Оксеншерне 6 июля 1613 г. Я. Делагарди просил, чтобы «войско, какое может быть отправлено из Швеции при первой возможности, прибыло через Нарву, чтобы снова привести Гдов в подчинение шведам». Я. Делагарди считал, что шведы легко смогут вернуть Гдов, так как этот небольшой городок *«не какая-либо крепость для силы»*. Он даже предлагал после захвата Гдова шведами попытаться счастья у Пскова⁴². В поход против Гдова Я. Делагарди отправил рейтаров саксонского герцога Юлиуса Генриха, поступившего на службу к шведскому королю. Как писал Г. А. Замятин, опираясь на труд шведских военных историков, «к знамени герцога были присоединены полк инфантерии Самуэля Корбона, знамена шведского ротмистра Кнута Хоканссона Ханда, пять лифляндских знамен, наконец, 300 финских рейтаров Ганса Бойе с шестью орудиями. 18 августа части выступили в поход и уже 21 числа того же месяца достигли Гдова. Рейтары Кнута Ханда и Ганса Бойе вскоре были, однако отозваны обратно в Новгород: их направили под Старую Руссу. По этой причине войско у Гдова значительно уменьшилось. Кавалерия насчитывала примерно 400 рейтаров. В полку Коброна числилось 540 человек, финских кнехтов было 140 человек. Круглым счетом в шведском войске было 1100 человек»⁴³.

Псковский летописец также отмечал прибытие герцога Саксонского к Гдову: *«...вскоре прииош князец а с ним семьсот человек на осад»*⁴⁴. Шведы построили против заранее намеченного пункта для нападения шанец, занятый полком Коброна и артиллерией. Кавалерия расположилась особым лагерем на значительном расстоянии от шанца.

Как видно из донесения саксонского герцога Я. Делагарди от 26 августа 1613 г., первые дни у шведов не было артиллерии; она прибыла в сопровождении 180 (124 – у Замятина) кнехтов лишь 26 августа.

27–28 августа шведы начали артиллерийский обстрел крепости, но упустили момент, удобный для штурма. Защитники Гдова получили время для контратаки. Они устроили вылазку. В то время как гдовичи производили вылазку из крепости, отряд в 600 человек, высланный из Пскова, напал на шведский шанец с тыла. В результате боя 200 солдат из полка Коброна, находившегося в шанце, были убиты, остальные обратились в бегство. Артиллерия попала в руки русских. Ка-

⁴² Rikskansleren A. Oxenstjernas skriffer och brefväxling. Serare afdelningen, Bd. 5 : Jakob de la Gardis bref 1611–1650. Stockholm, 1893. S. 42.

⁴³ Замятин Г. А. «К Российскому царствию пристоят». С. 111.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. IV. С. 331.

валерия прибыла к месту боя, когда уже все было кончено. Герцогу Саксонскому не оставалось ничего, как продолжать начатое пехотой Коброна отступление от Гдова. 2 сентября 1613 г. он пишет донесение Я. Делагарди уже из Нарвы. Разбитые части герцога постепенно собирались в Нарве и в Ивангороде. О неудаче шведов под Гдовом Я. Делагарди известил комиссаров в Выборге особым письмом 17 сентября. Комиссары сделали для себя извлечение из письма. Поражение герцога Саксонского под Гдовом шведские руководящие лица называют «несчастьем».

Об этом же событии псковский летописец говорит очень кратко: «...и пришед псковские люди тайно во Гдов, искрадом немец побили и наряд поимали»⁴⁵. Только при сопоставлении со шведскими источниками выясняются подробности этих важнейших событий.

От Юлиуса Генриха, герцога Саксонского командира рейтаров на шведской службе:

26 августа 1613. Под Гдовом

Господин!

Мы отправились в путь с отрядом господина Кнута Хаксона⁴⁶, который насчитывает около 380 всадников, 18-го сего месяца и прибыли к Гдову (Audoa) 21-го одновременно с отрядом господина Коброна⁴⁷. В этом месте мы до сегодняшнего дня ждали артиллерию, которая прибыла в сопровождении ста восьмидесяти воинов (knesgts)⁴⁸. С тех пор, как мы подошли сюда, мы ничего другого не предпринимали кроме перестрелок с [защитниками] Гдова; в результате которых пали на месте многие из их бояр⁴⁹ и стрельцов; с нашей сто-

⁴⁵ ПСРЛ. Т. IV. С. 331.

⁴⁶ Хоканссон Кнут Ханд, Hakson Knut (Hokansson Hand) – шведский командир (ротмистр), принадлежал к родовитому шведскому дворянству, участник неудачного похода шведов под командованием полковника Андерса Стюарта к Соловецкому монастырю в 1611 г. С 1613 г. служил под начальством саксонского герцога, осаждал Рамышевский острог под Старой Руссой. Умер в 1614 г.

⁴⁷ Коброн Самуил (1574–1621) – шотландец на шведской службе, в 1609 г. по поручению короля Карла IX вербовал наемников в Англии и Шотландии для похода в Россию на помощь царю Василию Шуйскому. Вместе с ними весной 1610 г. прошел с боями путь от Копорья до Зубцова в составе вспомогательного корпуса Эверта Горна. После неудачной битвы под Клушином (24.6.1610) остался верен Якобу Делагарди. 8 марта 1611 г. предпринял неудачный штурм Ладоги. Возглавлял одну из штурмовых колонн при штурме Новгорода 16.7.1611 г. В дальнейшем участвовал в военных операциях под Гдовом, Старой Руссой, Бронницами, Ладогой, Тихвином, Псковом.

⁴⁸ Г. А. Замятин называет другое количество сопровождающих воинов-кнехтов, 124 человека.

⁴⁹ Речь идет о местных помещиках, детях боярских, которых шведы называют боярами

роны имеется лишь единственный убитый. Этой ночью мы надеемся сделать приступ с артиллерией к воротам города. Кроме того мы послали одну партию солдат на псковскую дорогу, которые нам привели языка, сообщившего, что псковичи намерены вскоре послать на помощь Гдову около 1500 человек. А потому, если у вас есть солдаты сверх крайней необходимости, соизвольте послать некоторое число их к нам, чтобы избежать нежелательных последствий. В ожидании сего мы будем делать все необходимое, чтобы уничтожить этих каналий на дороге.

Оригинал по-французски⁵⁰.

⁵⁰ Перевод С. А. Мезина.

Место «Франкогаллии» Ф. Отмана во французской историографии Ренессанса

Судьба известного французского юриста XVI в. оказалась необычайной – автор юридических трактатов и политических памфлетов вошел в историю исторической мысли одним своим произведением. «Франкогаллия», изданная после одного из самых трагических событий истории Франции – Варфоломеевской ночи – стала политической программой гугенотской партии, а ее исторические и политические идеи определили резкий поворот не только в истории развития политической мысли эпохи, но и историографии.

Политическая мысль во Франции второй половины XVI в. формировалась в сложной социально-политической ситуации – религиозные войны оказали огромное влияние на развитие идеологии, размежевание различных ее направлений, возникновение и эволюцию новых тенденций в общественной мысли. Противостояние двух не только религиозных, но и политических лагерей, и постепенное оформление третьего, стоявшего на охранительных позициях, определили неистовую идейную борьбу, в которой обращение к истории, национальной традиции, этногенезу становится одним из главных объектов внимания. Отсюда и постоянное обращение к национальному прошлому в поисках аргументации.

Франсуа Отман, автор «Франкогаллии», был признан современниками и потомками крупнейшим теоретиком тираноборчества. Его фигура и теоретическое наследие привлекали к себе внимание исследователей¹. Выходец из дворянства мантии, Отман избрал карьеру юриста, но обращение в протестантизм определило его судьбу и характер творчества. Уже с 1567 г. он принимает участие в идейной и политической борьбе во Франции, оставаясь королевским историографом и в силу этого изучая многие архивные документы. На рубеже 1560–1570-х гг. формируются его исторические воззрения и ведется подготовительная работа над «Франкогаллией».

¹ Творчество Отмана так или иначе рассматривается во всех западных исследованиях по общественной мысли XVI века. Из общих работ последних десятилетий можно назвать следующие: *Skinner Q.* The foundations of of modern political thought. Cambridge, 1972. Vol. 2; *Kingdon R.* Myths about St. Bartholomew's Day Massacres. 1572–1576. Cambridge; London, 1988; *Kelley D.* The beginning of ideology. Cambridge, 1983; *Franklin J.* Constitutionalism in the sixteenth century: protestant Monarchomachs // Political Theory and social Change. New York, 1967. P. 117–132; *Goyard-Fabre S.* Philosophie politique. XVI–XX siècle. Paris, 1987; *Nürnberg R.* Die Politisierung des französischen Protestantismus. Tübingen, 1948; *Stricker G.* Das politische Denken der Monarchomachs. Heidelberg, 1967; *Yardeni M.* Le conscience nationale en France pendant les guerres de religion. Paris, 1977; *Yardeny M.* French Calvinist political thought // International Calvinism. 1541–1715. Oxford, 1985. P. 315–338. *Kelley D.* François Hotman : A revolutionary's ordeal. Princeton, 1979.

Чудом пережив Варфоломеевскую ночь (пешком ушел из Буржа за день до начала резни), Отман бежал сначала в Лион, а в 1573 г. в Женеву, где публикует свои наиболее известные сочинения, в том числе «Франкогаллию». Его интерес к истории заметен уже в сочинении по истории права «Анти-Трибониан» (1567), содержание которого было посвящено эволюции римского права (*Codex juris civilis*) и его более поздней интерпретации. Отман в этом сочинении впервые проявил интерес к институциональной истории. Вторым моментом, важным для его будущей исторической концепции, стало противопоставление римской традиции древнегерманских законов и порядков. Его апологетика порядков древних германцев и германоязычных стран не только принесла ему в позднейшей историографии прозвище «крестного отца германистики»², но стала, по сути дела, основанием для попыток вернуть «старые добрые времена».

Ранние сочинения Отмана, хотя и не носили характера политических трактатов, дают читателям возможность судить о становлении его политической концепции. Для его воззрений наиболее характерны такие черты, как патриотизм, национализм и демократизм. Наконец, он сформулировал свой политический идеал, апеллируя к обычаям и порядкам древних германцев. Все это было на ином уровне развито во «Франкогаллии» и позднейших сочинениях.

Содержание «Франкогаллии» было настолько вызывающим и противоречащим всем без исключения французским политическим традициям³, что автор был вынужден впоследствии чрезвычайно детально и дотошно аргументировать каждое свое положение. Этим объясняется не только использование колоссального по тем временам корпуса античных и средневековых источников (а также ряда исторических сочинений гуманистов), но и характер их интерпретации и использования, и резкое расширение текста первого издания, и введение новых глав в последующих изданиях.

Если говорить о методике работы Отмана с источником, то, вероятнее всего, наиболее справедливо будет оценить ее как «подгонку» источников под предварительно сформулированную концепцию. Отман ставил своей задачей доказать ряд теоретических положений и необычайно тщательно отбирал малейшие свидетельства, которые хоть в какой-то мере могут подтвердить его мысль. Подобный подход не только грешил схематизмом, автор нередко «воевал» с источником, подгоняя его под свою концепцию. Кроме того, он нередко допускал натяжки и распространял на предмет своего исследования суждения и свидетельства, относящиеся к другим временам и к другим явлениям. Например, говоря о свободлюбии франков, он совершенно спокойно ссылается на свидетельства Тацита,

² *Harsin P. Le parrain d'une école germanique // Revue des sciences politiques. 1926. Vol XLIX.*

³ Парижский парламент сразу запретил печатать и читать этот труд, а тираж был сожжен рукой палача.

относящиеся к совершенно иным германским племенам, многие из которых к франкам не имели никакого отношения. Более того, он мог даже придавать другой смысл источнику, или же дополнял его своими словами для усиления эффекта воздействия на читателя. Встречается и обратное – Отман изымал из текста цитаты ту информацию, которая его не устраивала. Так, рассказывая в разных главах своего труда об одном и том же событии – убийстве франкскими королями Хильдебертом и Хлотарем своих малолетних племянников, он опустил в главе, посвященной отрицанию прав женщин на власть, слова Григория Турского об отчаянии королевы Клотильды, перелагая вопреки источнику (и вопреки собственному рассказу в другой главе) вину за убийство с непосредственных убийц на нее. Хотя обращение его с источником было предельно произвольным, следует отметить одну особенность – научный аппарат «Франкогаллии» гораздо более точен и аккуратен, чем у большинства историков того времени. Автор считал необходимым прямо в тексте давать точные отсылки на книги и главы тех сочинений, на которые он ссылался. В большинстве своем эти отсылки соответствуют действительности – не установлен только один автор: можно предположить, что когда Отман говорил о Хронике Идалия, он имел в виду сочинение испанского хрониста середины V века Идалия. Кроме того, в сочинении имеется около десятка неточных ссылок. Эта дотошная пунктуальность доказывает не только желание автора убедить читателя в своей правоте, но и заручиться хоть чем-то для собственной безопасности. Крайне произвольное обращение с самим текстом сочинений свидетельствует либо о сознательном приеме в цитировании, либо о том, что иные цитаты автор приводил по памяти. Следует отметить, что натяжки при цитировании, а нередко и мало аргументированные приведенными цитатами выводы почти сразу же стали объектом критики противников из другого политического лагеря. Неслучайно у Отмана наибольшую ярость вызывал грамотный и получивший хорошее гуманистическое и филологическое образование П. Массон, которому в большей мере, чем остальным оппонентам, удалось уличить его в ряде перекрестков и неточностей.

Однако именно эта полемика, завязавшаяся в 1575 г., в которой позднее приняли участие (не называя прямо имя своего оппонента) такие фигуры, как Этьен Пакье и Жан Боден, заставила Отмана вновь обратиться к работе над «Франкогаллией». Изменения в тексте по преимуществу были связаны с расширением количества цитат и новой разбивкой по главам. Широкое цитирование, вероятно, служило, по мнению автора, доказательством истинности его теоретических выводов. И нередко он просто перегибал палку. Один и тот же тезис он мог доказывать множеством ссылок, при этом не дифференцируя достоверность источников и время их написания – так, для него совершенно равноценны данные современ-

ника событий – Григория Турского и позднейших средневековых хронистов (Сигиберта, Оттона Фрейзингенского) и даже современников Отмана – И. Тритемия, Г. Муция и т.д. Но подобный исследовательский прием – подтверждение собственного тезиса или вывода множеством ссылок привел к расширению текста позднейших изданий – издание 1586 г. почти в два раза превышает по своему объему первое (1573 г.) и увеличение объема было вызвано и увеличением количества ссылок. В итоге их количество по сравнению с первым изданием увеличилось (около 200 ссылок на античные источники, около 300 – на источники средневековья и Возрождения).

Весь фундаментальный корпус источников, использованных при написании «Франкогаллии», можно сгруппировать по времени и по характеру сочинений. Наиболее мощным пластом (что естественно для гуманистической историографии) является совокупность античных источников, причем преобладают как количественно, так и по частоте ссылок римские авторы. Наследие греческой культуры использовалось во «Франкогаллии» гораздо в меньшей степени (что также показательно при учете ее исключительной популярности во Франции в эту эпоху).

Из греческих авторов Отман использовал по преимуществу сочинения историков, философов, гораздо реже встречаются ссылки на художественную литературу. Наиболее широко использовались политические сочинения Аристотеля, реже Платона. Из греческих историков Отман опирался на Полибия и Ксенофонта. Наконец, в тексте часто встречаются ссылки на Плутарха. Кроме этого, Отман также использовал в своем труде (в главах, посвященных ранней истории франков и галлам) сочинения античных географов, прежде всего Страбона и Птолемея. Характерно, что цитаты по-гречески приводятся в тексте крайне редко, и по преимуществу почерпнуты у византийских авторов.

Из римских авторов, прежде всего, следует упомянуть об историках Рима. Во «Франкогаллии» был использован необычайно пестрый и широкий конгломерат их сочинений. Количественно преобладают ссылки на сочинения Цезаря («Записки о галльской войне») и Тацита; из трудов последнего Отман обращался к тем, которые тематически связаны с рассматриваемой Отманом проблемой – генезиса и становления галльского общества, римского владычества и ранней истории франков («Жизнеописание Юлия Агриколы» и «О происхождении германцев»). Однако он опирался и на другие сочинения Тацита – «Анналы» и «Историю»⁴. Кроме того, он неоднократно упоминал суждения Тита Ливия, реже Саллюстия. Из писателей и мыслителей эпохи поздней республики и принципата Отман использовал по преимуществу различные труды Цицерона, реже встречаются ссылки на Сенеку. Гораздо шире диапазон ссылок на римских писателей

⁴ Ссылок на Цезаря в первых главах около сорока, на Тацита – более двадцати.

и историков IV–V вв. – наиболее часто Отман рассматривал материалы, приведенные в труде «Жизнеописания Августов», используя биографии Проба, Аврелиана, а также фрагмент о тридцати тиранах. Из других историков следует упомянуть Аммиана Марцеллина и Аполлинария Сидония, кроме них Отман довольно широко использовал данные Евтропия и галльских латинских панегиристов (по преимуществу Паката Дрепаниа), а также поэтов (Клавдиана и Авзония). Встречаются в сочинении убежденного протестанта и ссылки на церковных писателей Сальвиана, Иеронима и Амвросия.

В меньшей мере им использовались данные византийских историков. Помимо Прокопия Кесарийского, Агафия и Зосима во «Франкогаллии» встречаются ссылки на сочинения средневековых византийских историков Георгия Кедрина и Иоанна Зонары.

И все же главными источниками для Отмана оставались сочинения средневековых хронистов. Имен иных авторов он даже и не знал – уже много позднее было установлено, что ту часть хроники аббатства Урсберг, которую Отман использовал во «Франкогаллии», написал аббат Эккехард, а хронист «монастыря близ Дижона» – это некий Жан де Без, монах, живший во второй половине XII в. Судя по всему, не знал Отман и имени Реймского хрониста – Флодоарда. Это не мешало ему опираться помимо названных на огромное множество хроник, прежде всего, эпохи Меровингов и Каролингов. Наиболее часто он апеллировал к хронике аббата Флери Аимона (не менее семидесяти ссылок) и к «Истории франков» Григория Турского (около сорока), ссылаясь на издание, где включены и позднейшие дополнения к Григорию Турскому. Кроме них он использовал труды Вьеннского архиепископа Адо, аббата Прюмского Регинона, реймского архиепископа Турпина, уже упоминавшегося реймского каноника Флодоарда, а также «Жизнеописание Карла Великого» Эйнгарда. Из всех франкских хронистов в тексте отсутствует, пожалуй, только Нитгард. Зато Отман некритически цитировал переложение хроники Гунибальда Иоганном Тридемиусом (до сих пор идет спор о существовании этого хрониста). Характерно, что при широком и некритическом обращении к этим сочинениям Отман как кальвинист периодически отмечал, что данные вызывают сомнения из-за того, что автор не является мирянином. Не менее широко обращался Отман к хроникам и историческим сочинениям эпохи развитого средневековья – чаще всего он ссылался на сочинения Сигиберта из Гемблу. Оттона Фрейзингенского и Готфрида из Витербо, но помимо них встречаются ссылки и на хронику аббата Урсбергского Эккехарда и его продолжателя Роберта де Монка, сочинения епископа Наумбурга Вальрама (Венерика Верцеллина), хронику уже названного Дижонского хрониста Жана де Беа. Довольно часто встречаются ссылки на Фруассара, бургундских хронистов XV в. (А. Монстреле и Оливье де ла Мар-

ша), а также на сочинения французских историков – Н. Жилия, А. Бушара, Р. Гагена. Особым вниманием из французских исторических сочинений этой эпохи у Отмана пользовались «Мемуары» Филиппа де Коммина. Так, глава, посвященная борьбе знати с Людовиком XI, фактически была построена на анализе этого сочинения. Следует отметить, что Отман опирался не только на французские исторические сочинения, он обращался и к многочисленным историческим трудам немецких авторов XV–XVI вв.: Альберта Кранца, Иоганна Авентина, Иоганна Науклера, аббата Тритемия, Беата Ренана. Менее широко представлены средневековые хроники и исторические сочинения других стран Европы – Отман использовал два-три сочинения английских хронистов (чаще всего «Историю Англии» Т. Уолсингема) и испанских (хроника Х. Зуриты). Отдельные ссылки встречаются на сочинения итальянских историков (Платина, Помпоний Лэт) и историков Нидерландов (Вассеус).

Не менее значителен во «Франкогаллии» пласт документальных и юридических источников. Здесь, прежде всего, следует упомянуть о своде римского права, преимущественно ссылки на «Дигесты». Отман использовал также и «Кодекс» Феодосия. Из самих же римских юристов он обычно обращался к Ульпиану и Юлию Павлу.

Как это ни покажется странным, во «Франкогаллии», посвященной становлению государственных учреждений германских народов, и прежде всего франков, встречается гораздо меньше апелляций к обычному праву германцев. Автор лишь один раз сослался на Салическую правду, причем характерно, что ссылка на титул «Об аллодах» приводится в связи с рассуждениями о Салическом законе об отстранении женщин от короны и малодоказательна. Кроме этого упомянута была и Аламаннская правда.

Гораздо шире автор обращался к Капитуляриям Карла Великого и указам его преемников, используя, главным образом, те данные, которые приводились в сочинении Ансегия. Обращение к ним было связано по преимуществу с разбором системы судебных учреждений и доказательствами существования верховной власти народа, воплощением которой являлись судебные собрания, объявлявшиеся королями франков. Именно их он и считал в те времена собранием сословий. Соответственно происходила и интерпретация данных источников – Отман приводил множество ссылок, но по существу речь у него идет именно о судах. И наконец, Отман обращался и законодательным памятникам развитого средневековья; прежде всего, это французские эдикты и ордонансы, а также «Неаполитанские конституции» Фридриха II Гогенштауфена.

Помимо светского права автор «Франкогаллии» использовал (хотя и в более ограниченных количествах) материалы канонического права. Ссылки на них присутствуют по преимуществу в рассуждениях о переходе короны к династии

Каролингов, где Отман опровергает версию о главной роли в этом процессе римского папы Захарии или Стефана II. Необычайно широко во «Франкогаллии» использованы правовые сочинения средневековых юристов. Количественно среди них преобладают трактаты и комментарии французских легистов – Дю Брейя, Б. Шаснэ, Г. Папа, Ф. Коннана и других. Довольно детально он изучил труды Г. Бенедикти и в особенности Г. Бюде (хотя этого эллиниста можно отнести к правоведам с оговорками). Особое внимание он уделил сочинениям Жана де Терружа. Не менее часто во «Франкогаллии» мелькали имена итальянских юристов эпохи средневековья – хотя, в отличие от французских, они свидетельствовали скорее о многообразии источников и правовой эрудиции автора, чем о тщательном их анализе. Даже самые знаменитые из них (постглоссаторы Бартоло Сассофerratо и Бальдус де Убальдис) упомянуты один или два раза, в отличие от детального анализа французских сочинений. Помимо них упоминаются труды Андреаса де Изерниа, Париса де Путео, Ясона де Майано, Ольдрадо да Понте, Панормитана и др. Из сочинений правоведов других стран можно назвать сочинения английского канцлера и политического теоретика Джона Фортеस्कью.

По поводу источников можно отметить еще одну интересную деталь – Отман не только использовал издания своего времени (что было вполне естественно), но, быть может, появление многих ссылок в его книге было обязано тому, что эти хроники и трактаты публиковались именно в 1550–1560-е гг. в Базеле, где обитал Отман после Варфоломеевской ночи. Во «Франкогаллии» использовались именно в базельских изданиях многие сочинения – Беата Ренана, Дитриха Нимского, Иоганна Тритема, Григория Турского (с позднейшими добавлениями), Марсилиа Падуанского, Г. Муциуса и т.д. А активное использование в последнем издании трактата Терружа объяснялось тем, что сам Отман опубликовал его в 1585 году, то есть работа велась им параллельно.

Широта использованных источников поражает, но, как отмечалось, расширение их круга в последнем издании вызывалось стремлением доказать правоту своих тезисов. В последнем издании Отман использовал и найденные им древние грамоты, которыми он очень эффектно завершает главы (как, например, XII главу только что найденным эдиктом Флавия). Нарративные, юридические и документальные источники он старается критически оценивать (вплоть до того, что сочинение архиепископа Реймского Турпина называет «баснями старых баб и безумными рассказнями»⁵), но не дифференцирует собственно источники и современные ему исторические сочинения. Сведения об источниках и имена авторов вполне могут приводиться через запятую, даже если их разделяет временной период, охватывающий почти тысячелетие. Само сочинение опирается на огром-

⁵ *Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 202.*

ное количество сочинений античных, средневековых и современных Отману авторов, но интерпретируются они своеобразно.

Первое издание знаменитого памфлета вышло в свет в июле 1573 г. на латинском языке. Это издание представляло собой небольшую брошюру, состоявшую подобно другим памфлетам эпохи по преимуществу из теоретических рассуждений, лишь изредка подтверждавшихся ссылками на источники. Через год, в 1574 г., знаменитый издатель С. Гулар подготовил перевод «Франкогаллии» на французский язык, который вполне удовлетворил автора (об этом он сообщил в письме к пастору при дворе курфюрста Пфальца Фридриха). Этот перевод стал хрестоматийным, и именно он был переиздан недавно во Франции⁶. Первое издание состояло из 20 глав – оно стало основой и для будущих переизданий и переводов. При подготовке следующего издания Отман был вынужден учитывать и начавшуюся теоретическую полемику, в которой его обвиняли в искажении и фальсификации источников, и сменившуюся политическую конъюнктуру. Издание «Франкогаллии» 1576 г. отразило теоретическую полемику и выход в свет сочинений защитников абсолютизма только в одном моменте – Отман, как отмечалось выше, резко расширил источниковую базу, доказывая истинность своих выкладок ссылками на источники. Гораздо более серьезной переработке автор подверг свое произведение в 1580-е годы. Отман вновь обратился к «Франкогаллии» в самые горькие для французских протестантов месяцы после Немурского эдикта 1585 г., поставившего французских гугенотов, по сути, вне закона. Третье издание «Франкогаллии» включало и рассуждения о фундаментальных законах страны, и проблему соотношения власти короля и власти народа, исторической и политической традиции в стране, и вопрос о связи королевской власти и церкви. При этом следует отметить, что третье издание явно несет на себе следы спешки: Отман вмонтировал в старый текст новые куски и цитаты, но далеко не всегда учитывал или помнил старый текст – поэтому появляются повторные цитаты, прежде всего это относится к фразе Цицерона «благо народа – высший закон», ставшей лейтмотивом сочинения (Отман повторил ее не менее пяти раз). Цитата Тацита о выборности правителей у германцев также встречается в тексте неоднократно. В третьем издании можно заметить повторы в изложении – так, автор несколько раз вспоминает о событиях конца правления Карла Простоватого или низложении Хильдериха и Тьерри III; но венцом этой поспешности следует считать употребление одной и той же цитаты в главе, посвященной женщинам и разделенной двумя страницами. «Клей и ножницы», чувствующиеся в последнем издании «Франкогаллии», не всегда давали только позитивный результат. Наконец, автор теряет меру

⁶ *Hotman F. La Gaule Française. Nouvellement traduite de Latin en français. Paris, 1991.* Подготовка издания была осуществлена К. Фремон по первому французскому изданию.

в цитировании – особенно это относится к грандиозным выдержкам из сочинения испанского хрониста Х. Зуриты, которыми Отман доказывает и истинность своего понимания идеального государства, и существование порядков и учреждений, стоявших некогда выше королевской власти.

Третье издание, вышедшее в свет в 1586 г., отличалось и по объему, и по содержанию, и по структуре от прежних сочинений. Автор выразил в нем свое отношение к политическим спорам эпохи. Наиболее явственно в этом издании расшифровывается его отношение к конституционализму. Поэтому-то Отман и вводит новые главы, которые оказываются не только выражением его собственных убеждений, но и косвенным опровержением точки зрения своих идейных противников.

В итоге последнее издание «Франкогаллии» значительно расширилось в объеме. Оно состоит из 27 глав (вместо 20). Автор дописал несколько новых глав, относящихся к истории взаимоотношений французского государства с папством (XXIV и XXV), главу о столкновении французских королей с папой Бенедиктом XIII и главу об ограничении короля особыми законами (по существу опровержение трактата Бодена). Помимо этих глав появились и другие, которые представляли собой результат выделения из старых глав новых путем разделения и расширения их материала. Так, главы XVIII и XIX были выделены из прежней XV главы, причем XIX была посвящена анализу фундаментальных законов королевства. X глава первого издания была разделена на две – причем обе носили теоретический характер – о форме государства в древней Галлии и об историческом развитии «общественного совета». Аналогично происходило выделение и других глав – так, от главы о выборности королей логически была отделена глава о законности низложения государей и о верховной власти народа. Были также добавлены главы об апанажах и о значении Генеральных Штатов в вопросах религии. Таким образом, можно видеть, что выделение или написание новых глав для «Франкогаллии» было связано именно с разработкой теоретических вопросов политической науки или же обращением к наиболее злободневным проблемам современной автору политики.

Третье издание было снабжено фундаментальным научным аппаратом и множеством ссылок на источники. Именно это издание считается наиболее полным и итоговым. Тем более что за исключением двух небольших фрагментов автор включил в него полностью текст первого и второго изданий.

«Франкогаллия» представляла собой сочинение достаточно сложное по содержанию и по форме – это и политический памфлет, и историческое сочинение, и, наконец, памятник истории права. Вероятно, Отман задумывал ее как историческое сочинение, содержание которого должно было служить доказательством незаконности абсолютистских порядков, но как юрист он невольно

включал правовые свидетельства и рассуждения. И наконец, за всеми теоретическими выкладками и цитатами из хронистов вставляли политические аналогии с современностью. Произведение было посвящено по преимуществу анализу институциональной истории и становлению государственных учреждений на заре рождения французского государства. В традициях исторической и политической науки XVI в. Отман широко обращается к опыту исторического прошлого и на основании сравнения политических учреждений былых времен и современности делает ряд основополагающих выводов по проблеме политических перспектив развития страны.

Он обратился к изучению только французской национальной истории, которую неразрывно связывает с изучением эволюции французской монархии.

Апелляция к ранним этапам развития французского государства определила интерес Отмана к истории и даже этнологии, поскольку он поднимает проблему этногенеза французов и возникновения франкского государства, а также вопрос о роли Римской империи в истории народов, заселявших некогда территории Франции (галлов и германцев). Обращаясь же к прошлому Франции, Отман утверждает, что галлы и франки развивались в теснейшем контакте, обусловленном этнической близостью и одинаковым пониманием проблемы свободы и прав народа. Он настаивал на принадлежности франков к германским народам и на формировании франкской народности вследствие борьбы с римской империей. Немаловажно, что он придерживается уже сформированной во французской историографии Ренессанса концепции роли галлов как автохтонного населения Франции, но разрабатывает свой особый подход.

Характерно, что он провозглашает единство галлов и франков в борьбе с Римом и ни слова не говорит о возникновении галло-романской народности накануне вторжения франков. Говоря о приходе франков, он не сообщает о том, что они поселились в Галлии как федераты, а не самовольно обосновались там путем завоевания. Самым важным тезисом, выдвинутым в этом историко-этнографическом экскурсе, являлось положение об извечном свободолюбии франков. В его интерпретации франки были носителями духа свободы, но при этом вставал вопрос о соотношении принципа монархии (форме единовластия) и приверженности народа к свободе. Это противоречие Отман пытался снять утверждением, что во Франции с незапамятных времен существовала исключительно выборная монархия, наследственная же передача власти от отца к сыну — позднейшее изобретение французских королей из династии Капетингов, ставившее целью сокращение политических прав народа.

Отман выявляет специфические черты галльской и франкской государственности: «следует отметить, что эти королевства не являлись наследственными, но передавались по воле народа кому-либо, кто имел репутацию справедливого че-

ловека, и, кроме того, короли не пользовались неограниченной свободой, но находились под контролем особых законов, вследствие чего они оказывались под властью и могуществом народа не в меньшей степени, чем народ был под их властью»⁷. Такое положение дел и давало, с точки зрения Отмана, возможность считать, что «подчинение королю не является рабством, так как те, кто равен государю, не оказываются в положении рабов». Ограничение центральной власти при сохранении гражданских и политических прав всего народа, в представлении Отмана, и является гарантией консервации принципа свободы и народовластия: «мы считаем своим долгом сохранить свободу, даже если и находимся под властью государя»⁸. Таким образом, законным государем в изображении Отмана оказывается тот, кто гарантирует права и свободу и защищает их правосудием.

С редким пафосом Отман провозглашает тезис о том, что принцип свободы народа был сформулирован и реализован еще древними франками, «хранителями свободы», которые уже в силу этого «не допускали подавления ее тираном или палачом». Отман декларирует, что франки опасались установления тирании (вероятно, подразумевая под ней римское владычество). Именно всем этим, по мнению Отмана, определилась исторически сложившаяся форма общественной и политической организации франков, то есть выборность центральной власти и контроль за ней со стороны сословий.

Анализ раннесредневековых источников и, прежде всего, сочинений Григория Турского, Аймона и Регинона Отман использовал для доказательства отсутствия во Франции при переходе власти принципа примогенитуры и права наследственной передачи короны. И, наоборот, доказывал существование традиции передачи верховной власти путем избрания и подотчетности государя своему народу. Изложив свое представление об общественном строе древних франков и государстве эпохи Каролингов, Отман считает необходимым определить наиболее важные моменты. Королевская власть, согласно его концепции, возникает на основе договора и благодаря снисхождению и воле народа. Точно также народ распоряжается и передачей этой власти, а потому торжествует электоральный принцип, сами же короли находились «в распоряжении народа», оказывались его чиновниками и слугами.

Именно эти положения и явились основой тираноборческой концепции Отмана, поскольку отрицание наследственности королевской власти позволяло сделать вывод о верховном суверенитете народа. Из тезиса о законности права народа избирать себе правителя Отман выводил вполне закономерный вывод о том, что тот, кто избирает, выше того, кому предоставляется власть избранием.

⁷ *Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 154.*

⁸ *Ibid. P. 204.*

И, следовательно, воля народа выше воли государя. Отман прямо декларирует: «право народа являлось верховным не только при избрании короля, но также и при отвержении от престола королевских детей и возведении на трон лиц не королевского рода»⁹.

Рассматривая идею народного суверенитета, Отман стремится доказать и правомочность тираноборчества, и законность вооруженного восстания против государя, не исполняющего свой долг или нарушающего права народа. Этот тезис (широко развернутый и доказываемый множеством примеров) имел вполне практическую подоплеку – идеолог протестантской партии стремился обосновать и легализовать вооруженное восстание гугенотов против королевской власти в современной политической практике. Именно поэтому он неоднократно упоминает о законном праве народа низлагать государей, причем, не только недостойных. Низложение государя есть реализация права верховной власти и единственное, что имеет значение в этом вопросе, – только воля народа. Таким образом, была сформулирована идея о народном суверенитете, которая якобы торжествовала и сохранялась во времена Меровингов и Каролингов во Франции. Это положение Отман считал настолько принципиальным и важным, что посвятил ему целую главу, а позднее разделил ее. Вся VII глава по существу является иллюстрацией к тезису о существовании народного суверенитета при помощи фактов, почерпнутых из источников эпохи раннего средневековья.

В этой связи встает вопрос о том, насколько же историчны все выкладки и выводы мыслителя. Отман большую часть своего труда отводит историческим изысканиям и анализу источников, критикуя их. Он осуждает Гийома Дю Белле за некритический пересказ легенд и отмечает роль социального заказа у Эйнхарда¹⁰. Но Отман в своем историческом анализе раннего этапа развития франков и их государственности, отказываясь от политических мифов предшествующей эпохи, использует историческое прошлое для конструирования новых политических мифов, по сути дела, он занимается еще мифологизацией истории. К числу таких важнейших мифов можно отнести миф о Карле Великом как о защитнике прав народа, миф о пагубной роли женщин-правительниц, миф о спасительной миссии франков для Галлии, миф об извечной свободе франков и их законном праве на сопротивление королям и их низложение.

Любое сопротивление власти для Отмана является законнейшим и необходимым, когда народ «оказывается в зависимости от жестокости тирана»¹¹. Он полагал непротivление тиранической власти недопустимым, и с этого начинается свое сочинение, провозглашая во введении священный долг граждан – борьбу с тира-

⁹ *Hotman F. Francogallia.* P. 230–232.

¹⁰ *Ibid.* P. 256.

¹¹ *Ibid.* P. 480.

нией. Отман не только взывал к патриотическим чувствам своих современников, но и решительно осуждал тех, кто «подчиняется распутному тирану или же разбойнику, или же головорезу, подобно скоту под ножом мясника». Только они должны по праву называться рабами, рабство из категории юридической и социальной превращается во «Франкогаллии» в категорию скорее этической. Таким образом, Отман через идею народного суверенитета обосновал правомерность тираноборчества.

Политическая идиллия, описанная Отманом, существовала в его представлении с незапамятных времен до периода правления последних Капетингов, когда короли стали лишать народ и его представительство законных прав. Конкретно он обвиняет тех королей, которые стали передавать престол по наследству, коронуя наследников при своей жизни (от Гуго Капета до Филиппа Августа). Но главным бедствием он считает повсеместное распространение права и легистов, которые окончательно уничтожили старые сословно-представительные учреждения. О том, что Генеральные Штаты возникли как раз в период расцвета деятельности легистов в период правления Филиппа Красивого Отман не упоминает, зато яростно обрушивается на «сутяг и крючкотворов», которые покупают и продают судебные должности за деньги, а также на парламенты, которые «из общественного совета сословий превратился в омерзительное сборище»¹².

Окончательный удар по старым добрым порядкам, по убеждению Отмана, был нанесен Людовиком XI, уничтожившим господство феодальной знати, удар этот «был нанесен нашей конституции» и подорвал «превосходные учреждения, установленные нашими предками». Здесь Отман довольно неожиданно выступает как защитник феодальных мятежей, квалифицируя Лигу общественного блага как проявление «права народа».

Не менее показательны и его рассуждения о Салическом законе. Он настаивает на полном отстранении женщин от политической деятельности, утверждая, что они всегда «вызывают величайшие бедствия, за которыми следуют страшные пожары и трагедии в государстве». Не довольствуясь главой о Салическом законе, он вводит еще одну главу в последнем издании и даже не заботится о ее состыковке с остальным материалом, настолько важной считает автор эту проблему; гинекократия для Отмана – это правление чужеземок-королев и, прежде всего, Екатерины Медичи. Но иллюстрирует он свой тезис примерами дурного испанского влияния (Бланки Кастильской и Брунгильды, почерпнутыми из VI и XIII вв.), оправдывая мятежи феодалов.

«Франкогаллия» вышла в свет летом 1573 г. и была немедленно признана всеми современниками в качестве политической программы протестантской пар-

¹² *Hotman F. Francogallia*. P. 518.

тии¹³. Популярность «Франкогаллии» не имела себе равных в истории общественной мысли и историографии позднего средневековья не только во Франции, но и в других европейских странах. За короткий срок сочинение выдержало 14 изданий и уже в 70-е гг. XVI в. было переведено на французский и немецкий языки. О появлении французского перевода, осуществленного известным протестантским деятелем и издателем С. Гуларом в 1574 г., сам Отман отозвался вполне одобрительно. Но именно появление этого перевода вызвало к жизни знаменитую историографическую полемику как прямую, так и косвенную, пришедшуюся на 1575–1576 годы.

Почти одновременно с появлением «Франкогаллии» выступили и первые оппоненты автора, полемизирующие с ним именно как с историком. Наличие фактических ошибок в аргументации Отмана (главным образом исторических) давало возможность противникам его и его концепции сомневаться в его теоретических выводах и пытаться опровергнуть их. Эти направления критики «Франкогаллии» отчетливо проявились в полемике 1574–1575 годов. В марте 1574 г. в Париже был издан памфлет близкого ко двору Екатерины Медичи юриста А. Матареля «Ответ на “Франкогаллию” Ф. Отмана». В нем автор попытался опровергнуть такие важные положения «Франкогаллии», как германское происхождение франков, существование выборной монархии у франков на раннем этапе их истории, значение Салического закона в истории Франции.

Ф. Отман в Базеле ознакомился с этим сочинением очень быстро. Письмо, в котором он оцениваетopus Матареля как «глупое, варварское, нелепое послание», датировано 20 апреля 1575 года. Автор ответил на выпад противника сразу, выступив под псевдонимом «Матаго из Матагонов, последователь канонического права», и озаглавил свой памфлет «Против Италогаллии или “Анти-Франкогаллии”». Такое название уже вносило определенную тональность в полемику и придавало ей острую политическую направленность. Однако здесь Отман вел главным образом научную полемику, защищая свою политическую концепцию. Памфлет был построен аналогично «Ответу» Матареля, и речь в нем шла о следующих политических и исторических проблемах: происхождение франкских племен и населения Галлии, характер общественной жизни и политической организации населения Галлии в дофеодалные времена, роль и значение Салического закона. В связи с ними автор поднимает и другие вопросы, детально не останавливаясь на них.

Отман начал с перечисления, с его точки зрения, абсурдных положений своих оппонентов и прежде всего о недостоверности использованных источников, об их тенденциозной интерпретации. В основе всего спора между Отманом и Матарелем (и его более серьезными последователями) лежит расхождение во взглядах

¹³ Reveille-matin des françois et de leur voisins. [Edinburg], 1574. P. 94.

на характер французской монархии. Матарель защищал тезис о наличии наследственной монархии и опровергал краугольное положение Отмана о существовании во Франции выборной монархии. Отман считает необходимым зафиксировать этот момент и защищать свое положение: «Матарель утверждает, что шестьсот лет королями Франции становились путем наследования, а нам источники сообщают, что некогда было иначе, и в ранние времена короли Франкогаллии были выборными»¹⁴. В этой связи в полемике встал вопрос о происхождении французского народа. Ф. Отман использовал исторические, литературные и даже лингвистические аргументы для доказательства правоты своих положений. Он опровергает троянский миф, широко распространенный во французской культуре эпохи Ренессанса, но ставший архаизмом к концу века.

Он ссылается на данные Цезаря и излагает свою версию развития Галлии (перенесенную потом в позднейшие издания «Франкогаллии»): «Рассказывают, что до прихода Цезаря в Галлию там почти у всех народов имелись свободные государства и ни единого ничтожного государя»¹⁵.

Отман доказывал, что франки – это германцы, а значит, с понятием «франк» неразрывно связано понятие «свободы». Стремясь доказать истинность своих тезисов, Отман не останавливается перед использованием недоказуемых и даже неверных положений. Примером того является тезис, что галлы также являются германцами, во всяком случае, по мнению Отмана, «галлы во времена Цезаря являлись единственными, кто разговаривал на германском языке»¹⁶.

Отман заявляет: «многие ответят тебе, что для всего французского королевства было гораздо больше пользы от гордых германцев, чем от италогаллов». Здесь впервые он вводит термин «италогаллы», противопоставляя его «франкогаллам»; если «франкогаллы» как термин им употребляется для характеристики этноса, зарождающегося после появления в Галлии германцев-франков, имеющего определенные социальные и политические традиции, то под «италогаллами» автор подразумевает итальянцев, обосновавшихся во Франции в XVI веке, а заодно и французов, которые следуют за итальянцами и подчиняются введенным ими порядкам, то есть абсолютизму. «Италогаллам» он противопоставляет «франкогаллов», он говорит о давнем прошлом, о преимуществах социально-политических обычаев прежних времен, то есть идеализирует времена Меровингов как эпоху свободы. Свободу он толкует лишь как право народа самостоятельного решения вопроса о личности правителя¹⁷. Право избрания, утверждает Отман, не предоставлялось всему народу, а исключительно его представителям:

¹⁴ *Hotman F. Matagonis de Matagonidus decretorum, baccalavrey monitoriale adversus Italogalliam sive Anti Francogalliam Anthonii Matharelli alvergnogeni. S. l., 1574. P. 14.*

¹⁵ *Ibid. P. 16–17.*

¹⁶ *Ibid. P. 19.*

¹⁷ *Ibid. P. 25.*

«некогда в древние времена у наших предков имелся совет, так что король провозглашался этим советом и правил не по наследственному праву, а благодаря избранию». Отман не пытался доказать, что электоральный принцип – единственно законный для монархии разных стран. Но для Франции, настаивает он, традиционна именно выборная монархия, и поэтому он объясняет господство Салического закона как фундаментального закона страны не юридической нормой, а сложившейся традицией, поскольку власть даже мужчинам передавалась не по наследству, а по избранию.

Рассуждения о Салическом законе в памфлете тесно связаны с отношением Отмана к участию женщин в политической жизни. Но в полемике с Матарелем он использовал рассуждения, которые потом включит в последнее издание (1586).

После выхода в свет «Ответа» полемика вокруг «Франкогаллии» не прекратилась. В защиту Матареля (а, главным образом, королевы Екатерины) против концепции Отмана выступает молодой, но уже известный гуманист П. Массон, опубликовавший очередной памфлет, аналогичный по своему содержанию (вероятно, он был соавтором Матареля), но гораздо более грубый и резкий по сравнению с первым. Отман ответил памфлетом «Ушной шприц для Папира Массона» (август 1575), где продолжил начатую в предшествующем сочинении литературную и политическую борьбу с «италогаллами», которыми он считал правительство и окружение Генриха III и Екатерины Медичи. Массон показал себя более компетентным критиком источников, чем Отман, найдя фактические ошибки в сочинениях последнего. Отман квалифицировал новую полемику как политическую провокацию и обвинил своего противника (а в его лице всех «италогаллов») в организации клеветнической политической пропагандистской кампании. Он выдвинул тезис о том, что гражданские раздоры в стране вызваны не политическими, не социально-экономическими и даже не конфессиональными причинами, а исключительно национальными противоречиями: гражданские распри раздуваются итальянцами в корыстных целях. В памфлете высказывается более определенное отношение к гражданским войнам и более узко трактуются их причины, а ксенофобия автора доходит до предела. Новой была лишь постановка вопроса о соотношении германских, кельтских и романских традиций и элементов в процессе становления законов, порядков и обычаев французского народа и государства. Речь идет уже не столько о противопоставлении древних германцев римлянам или о выяснении вопроса об этническом происхождении французов, а о роли и значении для Европы и Франции современных Германии и Италии.

Оценки Отмана во многом были определены высказываниями Массона в адрес немцев и итальянцев. Он осуждает как «доводы бешеной ярости» то, что

Массон именует немцев «пьяницами», а их родину – «свиным хлевом»¹⁸, напоминая о традиционном союзе Франции с немецкими князьями против Габсбургов. При этом историк доказывает, что немцы унаследовали свободолюбивые традиции древних германцев, а проявлением их считает склонность к Реформации и борьбу князей против центральной власти. После публикации памфлета полемика вокруг «Франкогаллии» фактически завершилась. Ф. Отман мог испытать редкое чувство триумфа, видя и отмечая небывалую популярность своего сочинения, убедиться в значении своего главного вывода – необходимости борьбы с тиранией. В письме к Бонифацию Амербаху от 6 июля 1575 г. он пишет: «все подтверждают, что моя книга имела большой успех и приобрела большое значение в деле утверждения права народа против тирана». Это законное чувство удовлетворения не помешало автору дважды необычайно грубо высказаться в адрес своих бывших оппонентов (назвав их «угодливыми шавками») в последнем издании «Франкогаллии» через десять с лишним лет после окончания «научной» дискуссии.

«Франкогаллия» представляет собой уникальный памятник общественной мысли и историографии не только потому, что в ней наиболее отчетливо выражена политическая концепция автора, и не только потому, что ее содержание с максимальной силой и на редкость ярким языком выразило новое политическое сознание. Отман на протяжении всей своей жизни неразрывно был связан с этим сочинением, и практически все новые положения, которые он выдвигал или развивал в своих трудах, опубликованных после 1572 г., он включил в последнее издание всего любимого труда. Издание 1586 г. как бы подводит итог творческому пути Отмана как политического мыслителя и историка и обобщает его исторические, правовые и политические взгляды, знаменуя высшую точку развития тираноборчества. В традициях исторической и политической науки XVI в. Отман широко обращается к опыту исторического прошлого, институциональной истории и на основании сравнения политических учреждений прошлого и современности делает ряд основополагающих выводов по проблеме политических перспектив развития страны.

Но в своем историческом анализе раннего этапа развития народа франков и государственности, отказываясь от политических мифов предшествующей эпохи, он использует историческое прошлое для конструирования новых политических мифов. Как историк он шел в русле направления политической историографии. Метод интерпретации истории прошлого соответствует в целом французской политической историографии эпохи, анализ исторических фактов давних времен во

¹⁸ *Hotman F. Strigilis Papiri Massoni sive Remediale charitativum contra rabiosam frenesim Papirii Massoni Iesuitae escucullati: per Mathagonidem de Mathagonibus baccalaurem formatum in iure canonico et in medicinae si voluisset. S. l., 1578. P. 32.*

«Франкогаллии» был ориентирован на актуальные проблемы современности. Вместе с тем, Отман не просто расширил круг источников, но постоянно использовал методы их критики, и в особенности сравнительный и ретроспективный анализ. При этом задачи исследования оставались довольно узкими, и автор даже не пытался ставить проблему установления закономерностей развития истории. «Франкогаллия» являлась типичным для политической историографии Возрождения сочинением, сам метод анализа, отношение к источникам и их критика свидетельствуют об усвоении Отманом ряда принципов гуманистической историографии.

ПУБЛИКАЦИИ

С. А. Мезин

Биография Петра I во французской газете 1725 года¹

Пожалуй, впервые франкоязычная пресса проявила серьезный интерес к персоне Петра I в 1717 г., во время его второго большого путешествия по Европе, в ходе которого царь посетил Францию. Среди газет, освещавших царский визит, была и официальная «Gazette de France», выходявшая тогда под заголовком «Gazette» один раз в неделю. Ее редактором был Эзев Ренодо – аббат-ораторианец, известный ориенталист, член Французской академии. Издание подвергалось строгой цензуре со стороны правительства. Это было периодическое издание эпистолярного типа, в котором материалы были представлены в виде серии писем из-за рубежа, но помещались и сообщения «из Парижа»². Сообщения «Gazette», посвященные царю в 1717 г., уступали по богатству информации аналогичным материалам парижского ежемесячника «Le Nouveau Mercure» и касались лишь внешней канвы визита. Газета, как правило, ограничивалась информацией об официальных встречах и о посещении королевских учреждений. Сведениям о пребывании русского царя в газете отводилось далеко не первое место.

В 1717 г. корреспонденции «Из Петербурга» в «Gazette de France» почти не встречаются, однако сообщения «Из Варшавы» очень часто были заполнены сведениями о событиях Северной войны и действиях русских войск. Ранее информация о действиях русских войск и флота в Прибалтике помещалась в письмах «Из Гамбурга». Кажется, перелом произошел в 1721 г., когда начиная с 30-х номеров «Gazette» регулярно печатала корреспонденции из российской столицы. Несомненно, это было связано с победой России в Северной войне и отразило повышение статуса северной державы в европейской политической системе. Появление регулярных сообщений из Петербурга было обусловлено и установлением более тесных дипломатических отношений: осенью 1721 г. маркиз Ж.-Ж. Кампредон поселился в Петербурге в качестве первого постоянного посланника и полномочного министра Франции при русском дворе. Письма

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ 14-01-00207а.

² Dictionnaire des journaux. 1600–1789 / sous la direction de J. Sgard. Paris, 1991. Т. 1. P. 443–449.

«Из Петербурга» открывали почти каждый номер официального двенадцати-страничного еженедельника, который завершался сообщениями из Лондона, Гааги и Парижа.

В начале 1725 г. главной петербургской новостью, интересовавшей газетчиков, был предстоящий брак царевны Анны Петровны с герцогом Гольштейнским: «5 декабря, собрав придворных во дворце, царь сообщил им о заключении брака принцессы, его старшей дочери, с герцогом Гольштейнским и содержание статей подписанного брачного договора»³. По этому поводу в Петербурге давались обеды и приемы, жгли фейерверк. Передавались слухи о благодеяниях, которые царь готов оказать своему будущему зятю. Для французской политики это был отнюдь не праздный сюжет: Франция поддерживала Данию, захватившую у Готторп-Гольштейнского дома Шлезвиг. Союз герцога Гольштейнского, бывшего к тому же претендентом на шведский престол, с царем грозил Дании и ее союзникам неприятностями⁴.

Сообщения о придворных празднествах и приготовлениях к свадьбе перемежались в газете с информацией непраздничного характера: о фиксации цен на зерно и продукты питания в северной столице (свидетельство неурожая и роста цен), об урагане, который нанес урон набережным города, об эпидемии среди русских войск в Прикаспии, о необыкновенно холодной погоде, установившейся в декабре.

В корреспонденции «Из Петербурга» от 23 января 1725 г. речь шла о праздновании Богоявления и церемонии водосвятия: «царь, прослушав литургию, отправился со всем двором на реку Неву, на некоторое расстояние от берега напротив церкви Св. Троицы. Гвардейские и гарнизонные полки были расставлены рядами на льду. В специально возведенном павильоне была сделана прорубь. Архиепископ освятил воду реки с церемониями, которые совершаются здесь ежегодно в этот день. Затем прозвучали пушечные залпы в крепости, в адмиралтействе и на городских заставах, после чего Их Величества возвратились во дворец, где был устроен пир»⁵. Когда парижские читатели знакомились с этим сообщением в номере от 24 февраля, русского царя уже полмесяца не было в живых.

О смерти царя Петра французская газета объявила только через месяц после свершившегося события в номере от 10 марта 1725 г.: «Получено сообщение от чрезвычайного курьера, что царь Петр Алексеевич умер в Петербурге 8 февраля,

³ *Gazette*. 6 janvier 1725. № 1. P. 4.

⁴ См.: Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона // Сб. РИО. 1886. Т. 52. С. 348–354; *Бели Л.* Французская дипломатия и русская держава в XVIII веке // Россия – Франция. 300 лет особых отношений. М., 2010. С. 49.

⁵ *Gazette*. 24 février 1725. № 8. P. 85.

в 5 часов утра, после 12 дней болезни, в возрасте 52 лет, 7 месяцев, 27 дней»⁶. Далее следовал перевод манифеста о смерти царя и восшествии на престол Екатерины I⁷. Здесь же была помещена краткая биография Петра I⁸.

Наскоро составленный очерк жизни русского царя представляет интерес как концентрированное выражение представлений образованных французов о своем выдающемся современнике, монархе далекой северной страны, которая на глазах одного поколения превратилась в могущественную державу. Парижский адвокат М. Марэ писал в своем дневнике в марте 1725 г.: «Царь умер. Мы узнали великую новость, которая интересуется всю Европу и Азию. <...> «Gazette de France» от 9 марта содержит краткий очерк его жизни и его генеалогии, что составляет интересную статью»⁹. Правда, Альбер Лортолари – историк, писавший во времена «холодной войны», – заявлял: «для того, чтобы находить интересной эту статью, содержащую лишь банальности, надо быть полным невеждой в данной теме»¹⁰. Однако, во-первых, французы в 1725 г. действительно мало знали о России и ее царе. Во-вторых, то, что многомудрому исследователю середины XX века казалось «банальностью», явно не было повторением избитых истин для читателей газеты в начале царствования Людовика XV.

Французская руссика петровского времени не отличалась богатством содержания¹¹. Сведения о необыкновенном русском царе французские читатели могли почерпнуть из книги английского инженера Д. Перри «Состояние России при нынешнем царе», которая выдержала в 1717–1718 гг. пять изданий на французском языке. Один из первых опытов биографии царя содержала книга редактора газеты «Le Nouveau Mercure» П.-Ф. Бюше «Краткий очерк истории царя Петра Алексеевича»¹², вышедшая во время визита царя в Париж. Стремление автора представить «верную материю царствования Петра I» не могло реализоваться в полной мере, ибо он мог предложить своим читателям лишь компиляцию из сочинений европейцев о русском царе, в первую очередь, из книги того же Перри, в чем и признавался. Поспешность в подготовке книги привела составителя к многочисленным ошибкам. Издание Бюше было использовано при написании био-

⁶ *Gazette*. 10 mars 1725. № 10. P. 115.

⁷ *Ibid.* P. 115–116; ср.: ПСЗ – I. Т. 7. № 4643. С. 410.

⁸ *Ibid.* P. 116–120. Перевод см. в приложении к настоящей статье.

⁹ *Journal et memoires de Mathieu Marais, avocat au Parlement de Paris sur la Régence et le Règne de Louis XV (1715–1737)*. Paris, 1864. Т. 3. P. 157.

¹⁰ *Lortholary A.* Les “philosophes” du XVIII-e siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII-e siècle. Paris, 1951. P. 20.

¹¹ См.: *Мезин С. А.* Французская Руссика конца XVII – первой четверти XVIII века // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. Вып. 7. М., 2014.

¹² (*Buchet P.-F.*) *Abregé le l’histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une relation de l’état présent de la Moscovie, et de ce qui s’est passé de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu’à ce jour*. Paris, 1717.

графической статьи в «Gazette de France», на что указывает повторение не только одних и тех же сюжетов, но и одних и тех же ошибок.

Итак, что же смог и захотел сообщить читателям официальной французской газеты автор статьи о жизни покойного русского царя? Источники информации, отбор фактов, оценочные суждения представляют историографический интерес.

Самые общие сведения о генеалогии и семье царя Петра журналист, по-видимому, позаимствовал из «Королевского Альманаха», где царь начал фигурировать лишь с 1716 года¹³. Признание Петра I *европейским монархом*, как видно, нелегко давалось официальному Парижу. Имена членов царской фамилии в альманахе исковерканы, а в качестве жены Петра названа Евдокия (Ottokosa) Лопухина. В «Королевском Альманахе» 1724 г. Евдокия по-прежнему указывалась в качестве супруги царя, а ближайшим наследником назван внук Петр Алексеевич (сын казненного ранее царевича Алексея). Правда, здесь появились имена дочерей Петра – Екатерины, родившейся в августе 1718 г. (на самом деле младшую дочь царя звали Натальей) и «старшей дочери» Анны, родившейся якобы в феврале 1702 года. Имя матери дочерей не указывалось, а вымышленная дата рождения Анны, родившейся на самом деле в январе 1708 г., возможно, должна была означать ее появление на свет в законном браке. В «Альманахе» 1724 г. появились имена племянниц царя Екатерины и Анны, выданных ранее замуж за герцогов Мекленбурга и Курляндии¹⁴.

В газетной статье 1725 г. состав семьи царя указан гораздо полнее, но и в данном случае на выбор персоналий повлияли политические представления французского двора. Наконец было сказано о том, что царь расстался с Евдокией (здесь она, как и в «Альманахе», названа странным именем Ottokosa) в 1692 г. (на самом деле развод состоялся в 1698 г.). Впервые и явно не случайно появились сведения о второй жене царя Екатерине: французский посол при петербургском дворе уже назвал ее в качестве наиболее вероятной наследницы царя¹⁵. При этом указывался более ранний срок заключения брака царя с Екатериной, чем это было на самом деле: «несколькими годами раньше» 1711 года. Таким образом, допускалась возможность рождения законных детей до 1711 года. Однако автор немало потрудился, чтобы скрыть наличие у царя добрачных детей. Журналист не называл прямой причины смерти царевича Алексея, который «навлек на себя немилость своего отца тайным бегством за границу и амбициозными планами». Указывалось лишь, что царевич был «приговорен к смерти судом всех сословий». В отличие от «Альманаха» 1724 г., в статье не акцентировалось право сына

¹³ Almanach Royal. Paris, 1716. P. 32.

¹⁴ Ibid., 1724. P. 53.

¹⁵ Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона. С. 422, 424.

казненного царевича Петра Алексеевича на царский престол. Имена и даты рождения детей Петра и Екатерины перепутаны, но в этой путанице просматривается некоторая система. Старшая дочь царя Анна, ошибочно названная Марией, «помолодела» под пером французского журналиста на пять лет: вместо 27 января 1708 г. датой ее рождения указано 20 марта 1713 г. Едва ли это была случайная ошибка, ибо в номере газеты от 3 февраля 1725 г., где шла речь о ее помолвке с герцогом Гольштейнским, указывалось, что ей исполнилось 13 лет¹⁶. Журналист всякий раз хотел показать ее рожденной в законном браке. В статье названы почти все дети Петра I и Екатерины, даже умершие вскоре после рождения. Отсутствует лишь одно имя – царевны Елизаветы Петровны, родившейся 18 декабря 1709 года. Забывчивость французского журналиста, думается, объясняется тем, что в то время французский двор находился в двусмысленном положении в отношении этой царевны: с одной стороны, предложение царя о ее браке с Людовиком XV всерьез не воспринималось, с другой – не отрицалась возможность ее брака с герцогом Шартрским в случае его избрания польским королем¹⁷. В кругах французской дипломатии старших дочерей царя называли «дважды незаконнорожденными» (так как родились до заключения брака Петра с Екатериной и при жизни шведского драбанта, ее законного мужа)¹⁸. Таким образом, краткая генеалогическая справка, открывающая газетную статью, свидетельствует не только о семье царя, но и о некоторых трудностях в политических отношениях версальского двора и царя Московии. По сути дела, «ошибки» и недомолвки автора газетной статьи скрывают сомнения французского двора в легитимности наследников русского царя.

Вопрос легитимности наследования затрагивался и в связи с приходом к власти самого Петра I. Автор ошибочно утверждал, что в 1682 г. царь Федор Алексеевич в своем завещании назначил Петра наследником в обход царевича Ивана, «потому что, хотя тот и был старше, но считался слишком болезненным для тягот правления». Это восходящее к сочинению Д. Перри¹⁹ утверждение прозвучало и в «Кратком очерке истории царя Петра Алексеевича» П.-Ф. Бюше²⁰, а затем будет повторено Вольтером в его «Истории Российской империи при Петре Великом»²¹. Таким образом, воцарение Петра представлялось «более закон-

¹⁶ *Gazette*. 3 février 1725. № 5. P. 49.

¹⁷ См.: *Liechtenhan F. D.* Elisabeth I-re de Russie. Paris, 2007. P. 32–39. Реальной причиной окончательного отказа в браке с Людовиком XV, последовавшего уже в 1725 г., в секретном докладе названо «варварское происхождение» дочери царя.

¹⁸ *Вильбуа*. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 146.

¹⁹ *Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 91.

²⁰ (*Buchet P.-F.*) *Abregé le l'histoire du Czar Peter Alexiewitz*. P. 2.

²¹ *Voltaire*. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / Éd. critique par M. Mervaud, avec la collaboration de U. Koelving, C. Mervaud et A. Brown // *Voltaire*. Oeuvres complètes. Oxford, 1999. T. 46. P. 525–526.

ным»²², а дальнейшая деятельность царевны Софьи нелегитимной. Царевна рисуется властолюбивой особой, которая подвигла стрельцов на бунт и добилась воцарения Ивана. Далее автор, опять же следуя за Перри и Бюше, объединил события 1682 и 1689 годов. Он писал о бегстве юного Петра в Троицкий монастырь с помощью князя Б. А. Голицына, а далее повествовал о совместном заговоре Софьи и главы стрельцов князя Хованского: Софья якобы предлагала ему жениться на себе и разделить власть, устранив обоих ее братьев (здесь планы Хованских приписаны Софье). Однако заговор был раскрыт; Хованского казнили, а Софью заключили в монастырь.

Сокращая дальнейший рассказ Бюше, автор газетной статьи объединил два Азовских похода в один победоносный, датированный 1696 годом. Упомянув о заговоре Цыклера, журналист в трех предложениях сообщил о поездке царя в Европу в составе Великого Посольства. Наказав восставших в 1698 г. стрельцов, царь «использовал 1699 год для полезных установлений в области финансов, коммерции и полиции (“la police”»)». В этой фразе сконцентрировано довольно обширное известие Бюше о преобразованиях в армии, строительстве флота в Воронеже, о новшествах в области налогов и торговли, а также подробный рассказ о введении европейской одежды²³. В «Кратком очерке» Бюше много сказано об отношениях царя с русской церковью. В частности, там указывалось, что патриарх умер вскоре после возвращения царя из Великого Посольства и что Петр запретил избирать нового патриарха, объявив себя главой церкви²⁴. В биографии 1725 г. это событие ошибочно отнесено к 1716 году.

Далее автор биографии обращается к ходу Северной войны, которая уже осознана как главное событие в жизни русского царя. Однако в этой части своего повествования журналист не мог опираться на издание П.-Ф. Бюше, ибо оно почти не содержало описания военных действий. С большой долей вероятности можно предположить, что этот раздел статьи основан на газетных сообщениях и на первых опытах истории Северной войны, появившихся на французском языке²⁵. В целом цепочка военных событий представлена верно: неудача под Нарвой, первые победы в Прибалтике (взятие Мариенбурга, Вольмара, Нотебурга, Дерпта, Нарвы); неудачные для царя и его союзников кампании 1706–1707 гг.; поход Карла XII «на Московию» с целью захватить Смоленск и Москву, закончившийся «знаменитой» Полтавской битвой и триумфальным входом царя

²² Тем не менее, эта «законность» французам, уважавшим право первородства в наследовании престола, представлялась относительной.

²³ (Buchet P.-F.) *Abregé de l'histoire du Czar Peter Alexiewitz*. P. 40–50; ср.: *Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе. С. 119–131.

²⁴ *Ibid.* P. 90–91; ср.: *Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе. С. 133.

²⁵ См., например: *Grimarest J.-L.* *Les Camagnts de Charles XII, roi de Suède*. Paris, 1705–1706. T. 1–2; *Limiers H.-P.* *Histoire de Suède sous le règne de Charles XII*. Amsredam, 1721. T. 1–6.

в Москву. Далее упоминается взятие Эльбинга и Риги в 1710 году. Неудача Петра I на Пруте в 1711 г. явно сглажена: события похода сведены к «нескольким стычкам» с турками, завершившимся мирным договором. Дальнейшие военные действия в Померании, победа русского флота 1714 г. на Балтике, десант в Швецию привели к успешному для русского царя завершению Северной войны: Ништадтский мир 1721 г. сохранил за царем почти все его завоевания. Правда, и в хронике военных действий имеются «темные места». Например, неясно, что имел в виду автор, называя успешное для царя сражение при Штагнитце (Stagnitz) в Ливонии 1702 г. или говоря о том, что в 1705 г. войска Шереметева были разбиты генералом Левенгауптом под Варшавой.

Автору газетной статьи явно не хватило фактов для характеристики мирной, реформаторской деятельности Петра I. Он упомянул лишь основание Морской академии в Петербурге. Не мог французский журналист не сказать и о визите царя во Францию 1717 г., выделив при этом посещение царем Королевской академии наук, членом которой тот захотел стать.

Биографический очерк завершался сообщением об успешных завоеваниях царя на берегах Каспийского моря в 1722–1723 годах.

В целом царская биография выдержана в благожелательном духе. Не забудем, что речь шла о возможном союзнике французского короля²⁶. Правда, особой теплотой и доверительностью отношения двух стран не отличались. Среди государств, признавших императорский титул царя, Франции не оказалось, на что косвенно указал и автор статьи. Использование в официальной газете названий «Московия» и «московиты», против которых всегда высказывались петровские дипломаты, можно расценить как проявление европейского высокомерия по отношению к вчерашним «варварам». Почти не прозвучала в статье тема «просвещенного монарха», которая ранее уже наметилась во французской прессе. Автор лишь мельком упомянул о стремлении монарха к достижению «общего блага» его подданных.

В своих следующих номерах «Gazette de France» многократно возвращалась к событиям в Петербурге, связанным со смертью русского царя. В номере от 17 марта появилось уточнение о болезни, которая прекратила жизнь царя: задержание мочи и абсцесс на шейке мочевого пузыря²⁷. Газета описывала последние

²⁶ Союзником Франции Петр I считался после заключения Амстердамского договора 1717 г., однако договор быстро утратил реальное значение, и после 1721 г. французская дипломатия вынашивала планы нового союзного договора с участием Англии. Этот план рухнул в 1726 г. после заключения русско-австрийского союза.

²⁷ Об этом же сообщал в своих донесениях французский посол в Петербурге Кампредон. Вместе с тем он добавлял, что причиной воспаления был «застарелый и плохо вылеченный си-филис». См.: Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона. С. 415, 433–434; *Ефимов С. В.* Болезни и смерть Петра Великого // Ораниенбаумские чтения : сб. науч. статей и публикаций. СПб., 2001. Вып. 1. С. 160–162.

часы жизни монарха: поставив диагноз, врачи сделали прокол, что облегчило состояние пациента. «Однако операция была сделана слишком поздно; началась гангрена, и царь, видя, что потеряна всякая надежда, приготовился к смерти. Он приказал явиться своим главным министрам, которым отдал различные тайные приказы, затем он с большой твердостью утешил свою семью и, желая остаться в одиночестве, он использовал последние минуты для исполнения надлежащих религиозных обрядов. Наконец, после нескольких часов агонии он умер 8 февраля в 5 часов утра»²⁸. Однако представленная здесь версия, согласно которой царь до последних часов контролировал ситуацию, не соответствовала действительности. Самого главного распоряжения, касавшегося наследования престола, царь, как известно, сделать не успел. Отсутствие царского завещания молчаливо признавалось и автором статьи. По его словам, канцлер и «члены Государственного совета» известили о последней воле Петра I членов Сената, Синода и Военного совета, в результате чего Екатерина I единодушно была провозглашена императрицей.

Конечно, о реальной борьбе группировок за царский трон читатели французской газеты не узнали. Им была представлена версия устной передачи последней воли царя его «главными министрами».

В том же сообщении газеты от 17 марта была дана высокая оценка итогов царствования Петра I: «Рожденный с великими добродетелями и необычайными талантами, он с ранней юности казался прозорливым гением способным осуществить самые грандиозные планы. Зная из истории предшествующих царствований, что та форма правления, которую он обрел с воцарением, не давала возможности сделать народ столь цивилизованным (*police*), столь предприимчивым и столь ученым, как он того желал, он мечтал о том, чтобы улучшить управление. Чтобы не делать перемен, в успехе которых он не убедился на деле, он путешествовал по странам, управляемым лучшим образом. И точно замечал все, что могло ему пригодиться в его проектах. Он возвратился в свою страну с тем, чтобы трудиться на благо своих подданных. Их слишком большая привязанность к старым обычаям задерживала исполнение столь прекрасного замысла и заставляла его несколько раз прибегать к суровым действиям. Московия обязана царю установлением более регулярных связей с другими народами, что оказалось весьма полезным для ее коммерции. Благодаря нему учрежден процветающий флот, введены науки и искусства, о которых этот народ не имел почти никаких представлений. Он способствовал преодолению многих суеверных обычаев, введению дисциплины в армии, которая из пехоты, годной лишь для обороны, превратилась в войско, способное к завоеваниям. Имя этого монарха снискало уважение у народов Востока»²⁹.

²⁸ *Gazette*. 17 mars 1725. № 11. P. 121.

²⁹ *Ibid.* № 11. P. 122–123.

Как видим, сдержанный тон биографической статьи сменился здесь откровенно панегирической риторикой. Образ монарха, цивилизовавшего свой народ, кратко очерченный журналистом «Gazette de France», будет развит Фонтенелем в «Похвальном слове царю Петру I» (1725). Затем он будет бесконечно варьироваться в просветительской литературе XVIII века. Вместе с тем нельзя не заметить, что французских авторов остро интересовала проблема законности власти и ее наследования.

В следующих номерах «Gazette de France» вплоть до мая 1725 г. шли регулярные сообщения о траурных мероприятиях, о присяге жителей новой императрице, о ее первых политических шагах. Выпуск от 28 апреля содержал подробнейшее описание пышной церемонии захоронения царя, состоявшейся в Петербурге 21 марта.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Царь [Петр I] был сыном царя Алексея Михайловича, умершего 8 февраля³⁰ 1676 года, и Наталии Кирилловны Нарышкиной, почившей 4 февраля³¹ 1694 года. Он женился первым браком на Евдокии (Ottokesa) Федоровне, дочери боярина Федора Абрамовича Лопухина, с которой он расстался в 1692 году³². Вторым браком он был женат на Екатерине Алексеевне. Этот брак был объявлен только в 1711 году, а заключен был несколькими годами раньше³³. Петр имел от первой жены царевича Алексея Петровича, родившегося 18 февраля³⁴ 1690 года, умершего 7 июля³⁵ 1718 года по новому стилю после того, как навлек на себя немилость своего отца тайным бегством за границу и амбициозными планами. За это царь приговорил его к смерти судом всех сословий, собранных для этой

³⁰ 29 января по старому стилю. Далее даты в примечаниях указываются по старому стилю. Разница между Юлианским (принятым до 1918 г. в России) и Григорианским (принятым в Европе) календарями составляла 10 дней в XVII в. и 11 дней в XVIII веке. Здесь и далее примечания переводчика.

³¹ 25 января.

³² Примерно в 1692 г. началось охлаждение Петра к первой жене, которая была отправлена в 1698 г. в Покровский Суздальский монастырь.

³³ Тайное венчание Петра I и Екатерины Алексеевны состоялось 6 марта 1711 г., а свадьба состоялась 19 февраля 1712 года.

³⁴ Дата в тексте указана по старому стилю.

³⁵ 26 июня.

цели. Царевич женился 25 октября³⁶ 1711 года в Торгау на принцессе Шарлотте-Кристине-Софии дочери герцога Людвиг-Рудольфа Брунвик-Вольфенбюттельского, сестре императрицы³⁷; она умерла 1 ноября 1715 года через 9 дней после рождения царевича Петра Алексеевича³⁸, старшая сестра которого царевна Наталия родилась 23 июля³⁹ 1714 года. Дети, которых покойный царь имел от второй ныне царствующей жены, – это царевна Мария, родившаяся 20 марта 1713 года⁴⁰ и помолвленная с герцогом Гольштейнским 5 декабря прошлого года⁴¹; царевна Анна-Маргарита, родившаяся 19 сентября 1714 года⁴²; царевич Петр, родившийся 8 ноября 1715 года, который был объявлен наследником и умер в Петербурге 6 мая 1719 года⁴³; царевич Павел, родившийся в Везеле 13 января 1717 года и умерший в тот же день⁴⁴, царевна Наталия, родившаяся 31 августа 1718 года⁴⁵.

Покойный царь наследовал своему старшему брату царю Федору, который умер 27 апреля 1682 года⁴⁶ и назвал Петра своим наследником, предпочтя его Ивану потому что, хотя тот и был старше, но считался слишком болезненным для тягот правления. На основании этого завещания Петр был провозглашен царем через несколько дней, имея только 11 лет отроду или около того⁴⁷. Царевна Софья, его сестра по отцу, недовольная тем, что никак не участвовала в управлении из-за устранения ее брата царевича Ивана, подвигла на восстание стрельцов – очень могущественный вид войск в Московии. Множество лиц самого высокого ранга были истреблены в этом первом бунте, во время которого царевич Иван был провозглашен царем и привлечен к управлению.

Ныне умерший царь подвергался риску погибнуть в огне этого восстания, если бы не был взят из своих апартаментов князем Борисом Алексеевичем Голицыным, который его тайно увез в Троицкий монастырь – укрепленное место

³⁶ 14 октября.

³⁷ Имеется в виду императрица Елизавета-Христина, жена Карла VI, императора Священной Римской империи.

³⁸ Царевич Петр Алексеевич родился 12 октября 1715 г., а принцесса Шарлотта умерла через 10 дней – 22 октября (2 ноября по новому стилю).

³⁹ 12 июля.

⁴⁰ Речь идет о царевне Анне Петровне, родившейся 28 (27?) января 1708 года. Царевна Наталия, родившаяся 3 марта 1713 года, умерла 27 мая 1715 года.

⁴¹ Брачный контракт с герцогом Фридрихом-Карлом Гольштейн-Готторпским был подписан 22 ноября 1714 года.

⁴² Царевна Маргарита, родившаяся 3 сентября 1714 года, умерла 27 июля 1715 года. Второй здравствующей дочерью царя была царевна Елизавета Петровна, родившаяся 18 декабря 1709 года.

⁴³ Царевич Петр родился 29 октября 1715 года и умер 25 апреля 1719.

⁴⁴ Царевич Павел Петрович (2 января 1717 – 3 января 1717).

⁴⁵ Царевна Наталия родилась 20 августа 1718 года.

⁴⁶ Дата в тексте указана по старому стилю.

⁴⁷ Петру Алексеевичу, родившемуся 30 мая 1672 года, было в то время неполных 10 лет.

в 120 лье от Москвы. Царевна Софья, будучи слишком амбициозной, чтобы довольствоваться этим первым успехом, убедила стрелецкого генерала князя Хованского, что он мог бы достичь трона, женившись на ней. И они вместе составили заговор против жизни обоих царей – Петра и Ивана, братьев этой царевны. Их замысел был раскрыт двумя испугавшимися соучастниками. Князя Хованского заманили в ловушку и препроводили в Троицкий монастырь, где ему отрубили голову. Царевна Софья была заключена в Девицкий монастырь около Москвы, где ее строго охраняли вплоть до смерти в июле 1704 года⁴⁸. Два царя правили вместе до 1696 года, когда Иван умер⁴⁹, оставив трех дочерей от брака с Прасковьей Федоровной Салтыковой. Это были Екатерина, вышедшая замуж за 19 апреля 1716 года за Карла-Леопольда⁵⁰, герцога Мекленбург-Шверинского, Анна, вышедшая замуж 13 ноября 1710 года за Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндского, вдовой которого она является с 21 января 1711 года⁵¹, и Прасковья, которая еще не замужем. Царь Петр, став единственным обладателем земель своего отца, объявил войну туркам и в том же 1696 году захватил Азов на Черном море⁵².

В мае 1697 года, наказав инициаторов нового заговора, который он к счастью раскрыл, и устроив все, что было необходимо для безопасности государства во время его отсутствия, царь отправился инкогнито в путешествие в зарубежные страны⁵³, где он планировал досконально обучиться механическим наукам, которые были полезны для общего блага его государства. Сначала он пребывал в Амстердаме, откуда переправился в Лондон. Пробыв там три месяца⁵⁴, он направился в 1698 году ко двору императора⁵⁵. Полученные здесь сообщения о новом заговоре, направленном на то, чтобы объявить трон вакантным из-за отсутствия царя, отозвали его в Москву, где мятежники уже были разбиты шотландцем адмиралом Гордоном⁵⁶. В Москве царь наказал оставшихся заговорщиков и использовал 1699 год для полезных установлений в области финансов, коммерции и полиции. В 1700 году он заключил перемирие на 25 лет с турками и объявил

⁴⁸ Царевна Софья умерла 3 июля 1704 года.

⁴⁹ Царь Иван Алексеевич умер 29 января 1696 года.

⁵⁰ Свадьба Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбургским Карлом-Леопольдом состоялась 8 апреля 1716 года.

⁵¹ Анна Ивановна вышла замуж за герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма 31 октября 1710 года и овдовела 9 января 1711 года.

⁵² Война с Турцией (Первый Азовский поход) началась в 1695 году. Азов был захвачен в результате Второго Азовского похода 20 июля 1696 года.

⁵³ Речь идет о заговоре Цыклера, раскрытом в феврале 1697 года; царь отправился в Европу в составе Великого посольства в марте 1697 года.

⁵⁴ В Англии Петр пробыл с 11 января по 25 апреля 1698 года.

⁵⁵ Имеется в виду Леопольд I, император Священной Римской империи.

⁵⁶ Правительственное войско, направленное против взбунтовавшихся стрельцов, возглавлял боярин А. С. Шеин, его помощником был шотландец генерал-поручик Патрик Гордон.

войну королю Швеции. Начало этой войны не было для него удачным: в первой же кампании он потерял половину своей армии в битве под Нарвой. В 1702 году успешное сражение при Штагнитце (Stagnitz) в Ливонии облегчило ему взятие Вольмара, Мариенбурга, Дерпта и Нотебурга. Он взял Нарву в 1704 году. В 1705 году войска под руководством Шереметева вошли в Литву, но были разбиты под Варшавой шведским генералом графом Левенгауптом. Кампании 1706–1707 годов были неудачными для союзников Его Величества.

Когда в 1708 году шведский король вошел в Московию, рассчитывая захватить Смоленск и Москву, его войска были разбиты армией москвитов в знаменитой Полтавской битве во время кампании 1709 года. В следующем году царь устроил триумфальный вход в Москву; в том же году его генералы завоевали Эльбинг, Ригу и почти всю Ливонию. В 1711 году султан разорвал перемирие, заключенное с Его Царским Величеством. Борьба, начатая без решительных действий, несколько стычек и переговоры между великим визирем и маршалом Шереметевым положили конец этой новой войне, которая закончилась договором в Фальчи, по условиям которого царь вернул туркам разрушенный Азов и крепость Таганрог.

Царь Петр покорил Померанию в 1713 году. В следующем году московитский флот под командованием адмирала Апраксина разбил шведский флот в Финском заливе. В 1715 году Его Царское Величество учредил Морскую академию в Петербурге – городе, который он основал, планируя перенести туда всю коммерцию своего государства.

После смерти патриарха Московии в 1716 году царь объявил себя главой и покровителем церкви и назначил только что избранного митрополита Рязанского руководить церковными делами⁵⁷.

В 1717 году царь приехал во Францию: он прибыл в Дюнкерк 22 апреля, а в Париж – 9 мая⁵⁸. Его приняли здесь со всеми почестями, приличествующими его положению. Посетив главные королевские резиденции, он уехал 20 июня того же года, чтобы возвратиться в Петербург. Царь удостоил своим посещением Королевскую Академию наук, которой он засвидетельствовал свое удовольствие (возможностью) быть принятым в ее члены и иметь с ней корреспонденцию.

Наказание тех, кто советовал царевичу проявить неповиновение, и начало переговоров на Аландских островах – эти дела занимали его на протяжении 1718 года. Он замыслил совершить десант в Швецию в 1719 г., когда узнал о смерти короля Карла XII и о провозглашении королевой Ульрики-Элеоноры из

⁵⁷ Патриарх Адриан умер 15 октября 1700, после чего местоблюстителем патриаршего престола был назначен митрополит Рязанский Стефан Яворский.

⁵⁸ Петр I прибыл в Дюнкерк 10 (21) апреля 1717 года, в Париж – 26 апреля (7 мая), где пробыл до 9 (20) июня.

письма этой монархини, которая, сообщая ему о своем приходе к власти, предлагала установить прежние дружеские отношения между двумя народами. Переговоры о мире были продолжены на Аландских островах, но, прервав их через несколько месяцев, Его Величество отправил десант в Швецию, сжег там многие города, разрушил несколько шахт по добыче меди.

В 1720 году царь и Их Величества⁵⁹ условились о мирных переговорах; договор был заключен в Ништадте, в Финляндии, 10 сентября⁶⁰ 1721 года. Согласно этому договору царь оставался обладателем Ливонии, Эстонии, Ингерманландии, части Карелии, округа Выборга и почти всех мест, которые он завоевал во время Северной войны. В день объявления мира 22 октября⁶¹ этот монарх был провозглашен Сенатом Отцом Отечества и Императором Всероссийским. С тех пор этот титул за ним признали король и сословия Швеции, король Пруссии, Голландская республика, Султан.

В 1722 и 1723 годах он направил свое оружие в сторону берегов Каспийского моря, где он занял города Дербент, Терки и завоевал некоторые провинции, которые до того находились под властью персидского шаха. Обладание ими он обеспечил договором, заключенным в последний год в Константинополе между послом Его Царского Величества и представителями Султана.

⁵⁹ Король Швеции Фридрих I и королева Ульрика-Элеонора.

⁶⁰ 30 августа.

⁶¹ Дата в тексте указана по старому стилю.

«Всю жизнь Любавский не прерывал энергичной исследовательской работы»: неопубликованная статья А. А. Кизеветтера «Научно-исторические труды М. К. Любавского»¹

Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936) и Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) являются крупнейшими фигурами в русской исторической науке конца XIX – начала XX в. Они не были близкими друзьями, хотя оба являлись учениками В.О. Ключевского. Различными были политические взгляды двух историков, по-разному сложились их судьбы. Еще в 1911 г., протестуя против действий министра народного просвещения Л. А. Кассо, А. А. Кизеветтер покинул Московский университет. М. К. Любавский же остался и стал ректором своей alma mater. В 1922 г. А. А. Кизеветтер был выслан за границу и после недолгого пребывания в Берлине обосновался в Праге, где продолжал свою научную и преподавательскую деятельность вплоть до смерти в 1933 году. М. К. Любавский остался жить и работать в СССР. В 1929 г. он был избран академиком АН СССР, но уже в 1930 г. был арестован, сослан в Уфу, где он и окончил свои дни. Неудивительно, что изучению научного наследия и жизненного пути двух выдающихся ученых вплоть до 1990-х гг. не уделялось должного внимания, их работы не переиздавались.

Предлагаемая вниманию читателей статья была написана А. А. Кизеветтером в Праге в годы эмиграции. Ее рукопись под заглавием «Научно-исторические труды М. К. Любавского», написанная размашистым почерком на небольших листках, хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде Кудрявцевых – А. А. Кизеветтера. Документ не датирован, но архивисты отнесли время его написания к 1929 году.

Документ примечателен в первую очередь тем, что принадлежит перу одного из коллег М. К. Любавского. Он представляет интерес в качестве свидетельства взаимоотношений двух ярчайших представителей московской исторической школы.

* * *

М. К. Любавский является одним из наиболее выдающихся русских историков, находящихся в настоящее время в живых. Он выступил на научное поприще с двумя капитальными трудами в 90-х годах минувшего столетия². Эти труды

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ 13-31-01251а2.

² Имеются в виду работы: *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892; *Он же.*

были посвящены социально-политической истории Литовско-русского государства. В то время как северо-восточная часть русской равнины собиралась в крупное единое государственное тело под объединительную власть великих Московских князей, – великие князья Литовские стали во главе другого крупного политического объединения. Если в состав Московского государства вошли центр, север, северо-запад и юго-восток громадной восточно-европейской равнины, то Великое княжество Литовское вобрало в себя Литву и юго-западную Русь. На почве этого соединения сложился своеобразный государственный строй, в котором сочетались литовские начала с плодами влияния соседней Польши и с теми жизненными началами, которые были внесены в Литовское государство русской общественной стихией и в которых проявилось дальнейшее развитие государственно-общественных отношений, возникших в X–XII вв. в русских приднепровских княжествах.

Исследовать эту пеструю ткань, составившуюся из столь разнообразных элементов, изучить внутреннее устройство Литовско-русского государства и показать связь этого устройства с взаимоотношением литовских, польских и русских прижизненных основ, – такова была та заманчивая научная задача, которую поставил перед собою Любавский, решив отдаться историческим исследованиям.

В Москве имеется превосходный материал, при помощи которого возможно было выполнить эту задачу. В Московском архиве министерства юстиции хранилась так называемая «Литовская метрика» – громадное собрание актов материала, освещающего внутреннюю организацию и жизнь Литовского государства. Этим материалом пользовались разные исследователи для тех или других частных тем, но никто до Любавского не отваживался посвятить себя массовому планомерному изучению этого, можно сказать, безбрежного океана архивных документов. Любавский, окончив Московский университет в самом начале 80-х гг. XIX ст. и решив посвятить себя исторической науке, отважно окунулся в глубокие пучины этого бумажного океана и на длинный ряд лет ушел с головой в изучение «Литовской метрики». Прошло целое десятилетие, прежде чем он представил на суд ученого мира результат своих изысканий. Зато написанные им труды сразу доставили ему авторитетное положение в науке и кафедру русской истории в Московском университете, где он стал разделять чтение исторических курсов с знаменитым Ключевским. Первая работа Любавского была посвящена исследованию областного административного деления и провинциального управления в Литовско-русском государстве. Вторая работа его содержала в себе историю высшего государственного учреждения Литовско-русского государства – государственного сейма. В обеих этих работах история местных и цен-

Литовско-русский сейм : Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью. М., 1900. Здесь и далее примечания М. В. Ковалева.

тральных государственных учреждений была поставлена в тесную связь с историей общественных классов. Таким образом, в этих двух громадных по объему и насыщенным содержанием трудах Любавского внутренний строй Литовско-русского государства был изучен снизу доверху с небывалой дотоле подробностью и отчетливостью. Эти труды стали, можно сказать, основными в историографии Литовско-русского государства.

Заняв кафедру русской истории в Московском университете³, Любавский посвящал много внимания также и чтению курсов по истории южных и западных славян. Эти его курсы напечатаны⁴. Они представляют собою сжатый, но в то же время чрезвычайно содержательный комpendиум по истории славянских народностей и могут служить превосходным пособием для начинающих.

Всю жизнь Любавский не прерывал энергичной исследовательской работы. И уже достигнув почтенной старости, совсем недавно, он выпустил новый капитальный труд⁵, свидетельствующий о том, что духовные силы маститого историка сохранили полную свежесть. Этот труд посвящен истории постепенного составления территории Московского государства. Конечно, все русские историки занимались важными вопросами о том, как совершился процесс политического объединения Великороссии. И в литературе было выдвинуто немало гипотетических конструкций этого процесса и общих его объяснений. Но Любавский пошел иным путем. Он следит шаг за шагом за тем, как к Московскому княжеству присоединялись отдельные территориальные районы; он рассматривает политические обстоятельства каждого такого присоединения и подвергает подробному обзору внутренние свойства каждого территориального района, входившего в состав Московского государства, а именно – его почву, его природные богатства, его населенность, хозяйственную деятельность его обитателей, его экономическое значение в хозяйственной жизни страны, и таким образом освещается с полной ясностью та внутренняя органическая связь, которую были сцеплены все части обширного Московского государства. Этот труд Любавского должен быть признан одним из наиболее ценных приобретений русской научно-исторической литературы за последнее время. Кропотливый анализ, восстанавливающий во всех деталях процесс политического объединения русской равнины, приводит к чрезвычайно важному общему выводу: он показывает со всей наглядной убед-

³ В 1901 году.

⁴ См.: *Любавский М. К.* История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1917; 1918.

⁵ *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности: заселение и объединение центра. М., 1929. А. А. Кизеветтер откликнулся обстоятельной рецензией на эту работу: *Кизеветтер А. А.* [Рец.] М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. М., 1929 // *Современные записки.* Париж, 1930. № 44. С. 530–531.

тельностью, что русское государство слагалось и разрасталось не механически, а органически, и всякие попытки его раздробления были бы противожизненны, предпринимать такие попытки значило бы резать по живому мясу.

Наконец, ко всему сказанному считаем нужным добавить, что в течение долгих лет Любавский занимался разработкой истории русской колонизации⁶. Много раз он читал в университете специальные курсы, посвященные этой важнейшей стороне русской исторической жизни. Приходится глубоко сожалеть о том, что до сих пор этот труд Любавского не появился в печати и остается в рукописи, как и многие иные крупные работы русских историков, находящиеся в СССР⁷.

*Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566.
Карт. 7. Ед. хр. 6. Л. 2–13. Автограф.*

⁶ См.: Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.

⁷ Упомянутая А. А. Кизеветтером работа была впервые опубликована только в 1990-х гг. (См.: Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996).

**История одного заказа от Серебряной Палаты Ее Величества
королевы Дании в СГУ им. Н. Г. Чернышевского**

22 января 2001 г. Серебряная Палата королевы Дании¹ обратилась в Саратовский университет им. Н. Г. Чернышевского на мое имя с необычным заказом, история которого заслуживает внимания читателей нашего сборника. Директор Палаты Оле В. Круг уведомил меня о том, что во дворце Кристиансборг в Копенгагене организуется выставка исторических и художественных памятников на тему «Дания и Венский международный конгресс 1814–1815 гг.» с последующим изданием «*королевского каталога*» выставки, и предложил мне подготовить для этого каталога статью об Александре I и Венском конгрессе. Поскольку к участию в издании каталога были приглашены (как подчеркнул господин Круг) «только очень уважаемые и признанные авторы» из Англии, Франции, Германии, Швеции, Австрии, наряду с Данией и Россией (достаточно сказать, что Францию представил самый авторитетный в мире наполеоновед президент Института Наполеона в Париже Жан Тюлар!), я посчитал за честь принять такое приглашение и представил в Серебряную Палату свою статью «Александр I и Венский конгресс».

Главным историографическим итогом выставки стал фундаментальный по содержанию и объему сборник статей на датском и английском языках под названием «Дания и Танцующий Венский конгресс»² (528 с. большого, 21x30 см, формата и весом почти в 3 кг) с роскошными иллюстрациями. Моя статья заняла в нем 20 страниц³. Русскоязычный текст этой статьи был опубликован позднее в Известиях Саратовского государственного университета⁴.

Ввиду историографической значимости королевского заказа в Саратов из Копенгагена предлагаю вниманию читателей ксерокопию его полного текста, хранящегося в моем личном архиве.

¹ С 1972 г. королевой Дании является Маргарет II (родилась в 1940 г.)

² «Танцующим» назвал Венский конгресс его участник, австрийский дипломат кн. К. Й. де Линь: «Конгресс танцует, но не движется вперед» (*Зак Л. А.* Монархи против народов. М., 1966. С. 46).

³ *Troitskij Nikolaj A.* Alexander I and the Congress of Vienne // Denmark and the Dancing Congress of Vienna. Copenhagen, 2002. P. 72–91.

⁴ *Троицкий Н. А.* Александр I и Венский конгресс // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2005. Т. 5, вып. 1/2. С. 3–12.

DET KONGELIGE SØLVKAMMER

LE GARDE - MEUBLE

DE LA COURONNE DE DANEMARK

Le Directeur

Серебряная Палата
Ее Величества Королевы Дании
22 января 2001

Профессору
Троицкому Н.А.,
Исторический факультет
Саратовского Государственного Университета

FAX: 00-7-845-227-1326

Уважаемый господин профессор,

Ее Величество Королева поручила мне организовать выставку во дворце Кристиансборг в Копенгагене в период февраль-март 2002 года "Дания и Танцующий Венский Конгресс 1814-15 гг". В силу моей должности заведующего теми отделами королевских художественных коллекций, которые недоступны для ежедневного просмотра, моей задачей является организация выставок подобных коллекций в нашей стране и за рубежом. В течение многих лет было организовано много интересных выставок. В 1995 году Ее Величество Королева представила большую сервировку стола со столовым убранством из золота и серебра 18 века в Царском Селе и в то же время представительную выставку копенгагенского фарфорового сервиза "Флора Даника" 1790-1802 годов в Петергофе. В 1997 году я организовал для Ее Величества обширную выставку во дворце Кристиансборг, посвященную датской принцессе Дагмаре, вышедшей в 1866 году замуж за Великого Князя престолонаследника Александра Александровича (в последствии Александра III).

CHRISTIANSBORG SLOT · PRINS JØRGENS GÅRD 1 · DK-1218 KØBENHAVN K.
TEL. +45 33 92 78 17 · PORTABLE +45 40 42 78 17 · FAX +45 33 14 20 10 · E-MAIL ovk@imgc.dk

Все каталоги выставок Ее Величества Королевы очень подробные (каталог выставки о Марии Федоровне - 526 страниц, где представлено много цветных иллюстраций). Каталоги всегда издаются на двух языках - датском и английском - и представляют огромный интерес для университетов, историков, искусствоведов и широкого круга интересующихся.

В выставке "Дания и Танцующий Венский Конгресс" будет сделан упор на большую европейскую политику того времени, поскольку выставка отражает почти целый год жизни высших кругов в Вене. Точно так же эта выставка и каталог отразят социальную жизнь конгресса. Но так же важно и описание того, как жители Вены воспринимали длительную совместную жизнь с многими тысячами иностранцев. Как приезжие воспринимали Вену и ее жителей. Как они влияли друг на друга. А что касается важных политиков: с какими намерениями и ожиданиями приехали государственные деятели Европы в Вену. Каким образом они пытались воплотить свои собственные идеи и как они могли помешать в осуществлении замыслов другим. Какой была официальная политика и какие были скрытые повестки дня. Какие отношения друг с другом были у этих могущественных деятелей Европы.

Мы бы очень хотели Вас попросить, несмотря на Вашу большую занятость, взять на себя труд написать статью для каталога выставки со следующим предварительным/рабочим названием: «Политические цели Александра I во время Венского Конгресса и его мысли о после-наполеоновской Европе».

Благодаря Вашей статье мы бы также хотели дать представление о политике Александра I по отношению к Дании и о возможных тайных переговорах или договорах со шведским наследником престола Карлом Юханом, чье сокровенное желание было поделить Данию между Швецией и Ганновером. Какими на самом деле были отношения между Александром I и наследником шведского престола?

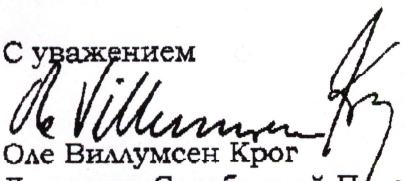
Александр I оказал решающее влияние на ход истории Европы. Во время Венского Конгресса датский король Фредерик VI действительно осознавал, насколько важна была позиция Александра I для судьбы Дании. Возможно, на самом деле, мы должны быть благодарны скорее России, чем другим нациям, за то, что Дания не была поделена.

На выставке, посвященной Дании и Венскому Конгрессу, будут представлены экспонаты из Австрии, России, Дании, Германии, Франции, Англии и Швеции. Только очень уважаемым и признанным авторам предложено внести свой вклад написанием статей для каталога выставки Ее Величества Королевы.

Убедительно прошу Вас, профессор Троицкий, написать статью для королевского каталога. Естественно, статья может быть написана по-русски; объем статьи - примерно 10-15 машинописных страниц (это только предложение - объем можно обсудить), плюс сноски, ссылки и библиографию. К этому могут быть приложены иллюстрации по Вашему усмотрению. Рукопись должна быть представлена к 1-ому июля 2001 года, однако в случае Вашего согласия, срок можно будет обсудить. Пожалуйста, сообщите нам Ваше предложение по поводу гонорара за статью.

Я очень надеюсь на благоприятный ответ с Вашей стороны. Я прошу Вас внести свой вклад, предоставив интересные сведения для выставки Ее Величества.

С уважением

Оле Виллумсен Крoг

Директор Серебряной Палаты Ее Величества Королевы Дании

FAX: +45 33 14 20 10

E-mail ovk @ image.dk

Ю. Г. Степанов

Ричард Пайпс об истории России

Отечественным историкам хорошо известно имя Ричарда Пайпса, который еще сорок лет назад издал тезисы доклада о русском консерватизме¹. В постсоветской России один за другим увидели свет основные труды американского русиста². В отличие от большинства коллег, склонных к узкой научной специализации, Р. Пайпс отличается очень широким диапазоном исследовательских интересов: от древнейшей истории Руси до современности. Однако главным в его творчестве остается анализ истоков и эволюции русского консерватизма. Видимо, поэтому, «предав анафеме» большевистский режим, Р. Пайпс вернулся к излюбленной теме. В первое десятилетие XXI века были переведены на русский язык и опубликованы еще две монографии американского историка³.

Первая из них – «Собственность и свобода» – попытка анализа происхождения и развития идеи собственности в политической практике европейских стран и США. Российский опыт движения к ценностям свободного мира изложен в четвертой и отчасти пятой главах исследования. Автор не скрывает, что история России понимается им как яркий и показательный пример многовековой неудачи российского социума на пути к гражданскому состоянию. Та же мысль доминирует и в последней по времени издания книге Р. Пайпса «Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры».

Обе работы в значительной степени являются итогом сорокалетних изысканий неутомимого исследователя в области политической истории России и потому особенно интересны. Исследовательский прием автора основан на оппозициях. Речь идет не о бинарных оппозициях. Р. Пайпс далек от сложных методов в области семиотики. В его исследованиях нет и следа анализа отношений между языковыми выражениями и миром или поиска бинаризма. Собственно, амери-

¹ См.: *Пайпс Р.* Русский консерватизм во второй половине XIX в. Доклад на XIII Конгрессе исторических наук. М., 1970.

² См.: *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993; *Он же.* Русская революция. М., 1994. Ч. 1–2.; *Он же.* Россия при большевиках. М., 1997.

³ См.: *Пайпс Р.* Собственность и свобода. М., 2001; *Он же.* Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры. М., 2008.

канский историк вообще мало интересуется текстами источников. А если и обращается к ним, то мимоходом. Оппозиции американского историка совершенно иного рода. Это лобовое противопоставление исторических процессов в России и на Западе с нравоучительными рассуждениями на тему: «что такое хорошо и что такое плохо».

Последние по времени издания в России монографии Р. Пайпса дополняют, а в чем-то и повторяют одна другую. Поэтому, как представляется, логичной будет и попытка рассмотреть главные выводы исследователя в данной статье.

Американский русист затрагивает множество исключительно сложных вопросов российской истории. Не претендуя на подобную широту, я остановлюсь лишь на том, как исследует и понимает Пайпс некоторые важные проблемы древней российской истории.

Жанр и цель своего исследования Р. Пайпс определяет как «очерк интеллектуальной истории, но истории связанной с действительностью»⁴. Обратимся же к тому, насколько точно Пайпс приводит факты, ведь аккуратность в изложении событийной истории определяет профессиональную компетентность историка вне зависимости от его методов исследования или политических пристрастий.

К сожалению, небрежность, неточность в изложении фактов, поспешность выводов могут превосходить все «нормы» на единицу печатной площади.

Так, повествуя о заселении Восточной Европы, автор умозаключает: «первоначально русские (?) селились только в северной лесной зоне или в тайге <...> южные черноземные степи находились под властью кочевников-скотоводов <...>»⁵. Этот пассаж невольно заставляет усомниться в прочности знаний Р. Пайпса в области как славянской этнографии, так и географии Восточной Европы. Поскольку американский историк, как увидим, является сторонником норманнской теории образования древнерусского государства, то остается только предполагать, что «русские» – это все же *славянские* племена. Труднее понять другое: для чего Пайпс «загоняет» *все* восточнославянские племена в «тайгу»? Племена древлян и полян, обитавшие в нижнем течении Днепра, тиверцы, уличи, белые хорваты, волыняне, обжившие земли по Днестру, были гораздо ближе к северному Причерноморью, чем к самой южной окраине тайги. Из этих широт тайга отступила в эпоху мезолита (в период глобального потепления) как минимум за десять тысяч лет до описываемых Р. Пайпсом событий. Если автор полагает, что в районе киевских, черниговских, переяславских, галицких земель, то есть в пределах *лесостепной зоны*, «русские» появились много позднее, чем на севере, то он явно ошибается. И данные археологии, и сведения «Повести вре-

⁴ *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики. С. 15.

⁵ *Пайпс Р.* Собственность и свобода. С. 212.

менных лет» подтверждают, что освоение славянами южных пространств Восточной Европы началось не позднее, чем северных ее регионов.

Общепринятый в исторической науке термин «подсечно-огневой способ обработки земли (или подсека)» Р. Пайпс «обогащает» собственным определением как «разновидность кочевого земледелия»⁶, что звучит не менее загадочно, чем звучало бы, скажем, «пашенное скотоводство».

Согласно Р. Пайпсу, «русское государство основано в девятом веке шведскими викингами»⁷. Оставим на совести американского исследователя безапелляционность этого утверждения, оспариваемого в исторической науке с середины XVIII столетия. Далее следуют такие суждения, с которыми невозможно согласиться даже при абсолютной толерантности к любому, самому оригинальному дискурсу. Например, различие целей экспансии норманнов в Западной и Восточной Европе автор объясняет следующим образом: «У России (??) не было плодородных земель, виноградников и оливковых рощ, которые привлекали скандинавов в Англию, Францию и Испанию <...>» (так в тексте. – Ю. С.)⁸. Предположим, что викингов влекли в дальние походы не жажда золота и ратных подвигов, а свежие оливки и виноград на юге Европы. Тогда, что же манило их на Британские острова, где этих деликатесов отродясь не бывало? Или, может быть, воинственные норманны пытались разводить оливковые рощи и виноградники на берегах Темзы? В Западной Европе скандинавы «начинали разбойниками, а затем становились поселенцами», – пишет далее Р. Пайпс⁹. Уловить, в чем тут отличие от оседания норманнов в Восточной Европе, сложно. Ведь Пайпс признает, что скандинавы к XI в. смешались со славянами. Через несколько страниц автор неожиданно возвращается к приключениям скандинавских «купцов-авантюристов» на востоке Европы. По Пайпсу, «шведские викинги в двенадцатом веке основали Новгород как свою главную крепость на севере России, отсюда они разбрелись по другим частям страны»¹⁰. Во-первых, даже по самым осторожным оценкам историков и археологов, Новгород основан не позднее конца X – начала XI века¹¹. Новгород Великий к началу XII в. – крупный город, с разви-

⁶ Пайпс Р. Собственность и свобода. Видимо, исследователь «уточняет» (без ссылки на источник) высказанную еще С. М. Соловьевым идею, что под давлением степных народов прочное оседлое земледелие в южных районах Руси долгое время было невозможно. (См.: Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1988. Кн. 1. С. 784).

⁷ Там же. С. 214.

⁸ Там же. С. 212.

⁹ Там же. С. 214.

¹⁰ Там же. С. 222.

¹¹ Академик В.Л. Янин пишет: «культура Новгорода, не имеющая ничего общего со скандинавскими образцами, представлена многочисленными предметами из нижних слоев всех раскопов, где имеются напластования X в.». (См.: Янин В. Л. Средневековый Новгород: очерки археологии и истории. М., 2004. С. 12).

той торговлей и системой самоуправления. О чем, кстати неоднократно, на десятках страниц обеих работ говорит и сам американский русист. Во-вторых, все без исключения специалисты указывают, что эпоха викингов завершилась в XI в.¹² Наконец, по сценарию ранней истории Руси, в редакции Р. Пайпса, получается, что, создав в IX в. древнерусское государство, викинги на три столетия впали в анабиоз, а очнувшись в XII в., в спешном порядке основали Новгород и «разбрелись» по бескрайней восточноевропейской равнине!

Досталось от американского специалиста и южным соседям славян – кочевникам. Их Р. Пайпс «объединил» в единое целое и бросил «воинственных кочевников из Азии», «известных под названием печенегов или половцев», в поход на Русь¹³.

Между тем печенеги (латин. – пацинаки; араб. – баджнук) – это тюрки, возможно, смешавшиеся с частью сарматов и угров¹⁴. В начале X в. они вторглись в степи между Волгой и Донцом, уничтожили поселения хазар, истребили и вытеснили венгров. Под 915 г. летописец сообщает о первом столкновении русских и печенегов¹⁵. В 1036 г. Ярослав Мудрый разгромил печенежские орды, а к середине того же столетия они исчезли со страниц источников. Кипчаки (или кыпчаки), известные Древней Руси под названием «половцы» (от русского – полова, то есть светловолосые) впервые подошли к границам Руси и заключили мир с князем Всеволодом в 1055 г.¹⁶ Именно половцы и вытеснили окончательно печенегов из Великой степи. В XIII в. они вошли в состав Золотой Орды, составив значительную часть населения этого полиэтничного государства.

Американский историк создает на страницах сугубо научных трудов вавилонское столпотворение народов, где то невесть куда исчезают, то как черт из табакерки появляются скандинавы, печенеги сливаются с половцами, а в дремучих таежных лесах скрываются славяне. Совершенно очевидно, что в полном противоречии с фактами Р. Пайпс буквально тащит читателя к важнейшим для себя выводам. По его мнению, правителей Руси (норманнов) интересовали исключительно торговые пути в Византию¹⁷, а их «интерес к земле ... впервые пробудился после вторжения в черноморские степи воинственных кочевников»¹⁸. Именно

¹² См., например: «Эпоха викингов для Северной Европы началась 8 июля 793 г. и закончилась 14 октября 1066 г. <...> нападением «скандинавских пиратов» на монастырь Св. Кутберта (о. Линдисферк) и закончилась при Гастингсе (франко-норманнские рыцари разгромили англосаксов) 25 сентября 1066 г.» (*Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. М., 1985. С. 8.*)

¹³ *Пайпс Р. Собственность и свобода. С. 216.*

¹⁴ По сообщению Ибн Фадлана, печенеги «темные брюнеты с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гузам». (См.: *Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 11.*)

¹⁵ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II. С. 32.

¹⁶ Там же. С. 150.

¹⁷ *Пайпс Р. Собственность и свобода. С. 215.*

¹⁸ Там же. С. 216.

кочевые орды, как полагает Р. Пайпс, около 1200 г. уничтожили «торговлю Киева с Константинополем», вынудив недальновидных русских князей и бояр обратить свое внимание на дары земли¹⁹.

Обратимся к обстоятельному труду С. Франклина и Д. Шеппарда, исследовавших помимо многого другого и вопрос о состоянии торговых отношений Руси и Византии к началу XIII в.²⁰ Авторы пришли к выводу, что в начале XIII в. «Киев по-прежнему оставался невероятно богатым»²¹. Археологические раскопки слоев начала XIII в. доказывают максимальный объем торговли Руси²². Кочевники не могли разрушить русско-византийской торговли еще и потому, что, как совершенно верно отмечают Шеппард и Франклин, сами русские в конце XII – начале XIII в. «совершали успешные походы на степняков»²³. Не натиск кочевников, а поход крестоносцев на Константинополь в 1204 г. и нашествие войск Батыя вызвали крах торговых взаимоотношений Руси и Византийской империи.

Как видим, вопреки утверждениям Р. Пайпса, никакой связи между мифическим разрушением степняками русско-византийской торговли и якобы внезапно проявившимся «интересом русских правителей к земле» нет.

В своих суждениях о власти и собственности в Древней Руси американский историк непоследователен и часто противоречит сам себе. Например, утверждается: «нет свидетельств с 10 по 13 век, чтобы кто-либо (?) заявлял о своем праве собственности на землю»²⁴. На следующей странице читаем: «князья стали суверенными правителями и *собственниками* (курсив мой. – Ю. С.), одновременно воспринимавшими свои княжества как наследственные вотчины»²⁵. Выходит, что, не «заявляя» о праве собственности на землю *письменно*, князья-вотчинники все же владели ею на правах собственности. Показательно, что, исследуя эволюцию имущественно-правовых отношений в Древней Руси, Р. Пайпс ни разу не обратился к своду законов – «Русской Правде». Вся сложность анализа правовых, социальных, хозяйственных отношений на Руси подменяется давно закрепившимся в исторической науке положением об отсутствии в древнейший период русской истории юридически оформленного права частной собственности на землю.

В работах Пайпса Запад противопоставляется России как обобщенный идеал, некая абстракция, без всякого внимания к частностям, деталям, своеобразию, а порой и к хронологии событий и процессов. Так, например, он утверждает: «На

¹⁹ См.: *Пайпс Р.* Собственность и свобода. С. 215.

²⁰ Ультранорманистская концепция происхождения русского государства авторов этого исследования неубедительна, но ряд частных положений историка подтверждают обстоятельным и убедительным анализом источников.

²¹ *Франклин С., Шеппард Д.* Начало Руси 750–1200. СПб., 2000. С. 253.

²² Там же. С. 466–467.

²³ Там же. С. 523.

²⁴ *Пайпс Р.* Собственность и свобода. С. 215.

²⁵ Там же. С. 216.

Западе «поголовьем скота, главным экономическим капиталом, племя владело не коллективным, а частным образом. <...> Как только племена осели и обратились к сельскому хозяйству, они перенесли право частной собственности и на землю»²⁶. Неужели у всех европейских племен это происходило одинаковым образом? Когда и как проходила смена «кочевого земледелия» (по терминологии Р. Пайпса) оседлым? Был этот процесс синхронным во Франции, Германии, Англии? Наконец, какие источники в подтверждение своих умозаключений использует автор? На эти вопросы в исследованиях американского историка не найти ответа, как ни трудись. Читателю остается только слепо доверять авторитету русиста, который не приводит и не оспаривает иных точек зрения: он их просто игнорирует. Между тем тезис Р. Пайпса о формировании института частной собственности на Западе в раннем средневековье вовсе не принимается специалистами как аксиома. Напротив, в исследовании такого авторитетного специалиста, как Ж. Ле Гофф, говорится: «Собственность как материальная или психологическая реальность была почти неизвестна в Средние века. От крестьянина до сеньора каждый индивид, каждая семья имели лишь более или менее широкие права условной, временной собственности, узупрукта»²⁷.

Из современных российских историков никто, за исключением, может быть, М. Б. Свердлова, не оспаривает того факта, что процесс классового образования в Древней Руси шел медленно и едва ли завершился к моменту нашествия татар. Это было хорошо известно и дореволюционным исследователям, один из которых справедливо отмечал, что в Древней Руси «свободное население не отделяется резкой чертой от несвободных людей»²⁸.

Соответственно тому и нормы права еще не фиксируют возникающих отношений собственности. Древнейший отечественный свод законов – «Русская Правда» – в общих чертах схож с наиболее архаическими образцами варварских прав на Западе.

Западноевропейские племена развивали свой быт на прочной основе римского права. В Новое время, закрепив эти традиции в длительном историческом процессе законотворчества, Запад пришел к формированию современной правовой культуры. Ничего подобного не прослеживается в исторической наследственности Руси-России. Правовые традиции славянских племен изменялись по-

²⁶ *Пайнс Р.* Русский консерватизм и его критики. С. 18.

²⁷ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 126. Узупрукт (лат. usufructus) – в традициях права романских народов установленное законом или по договору право пользования имуществом, принадлежащим другому лицу, с присвоением плодов, но под условием сохранения существа вещи. Чаще всего узупрукт устанавливается в сфере наследования и действует в течение жизни пользователя. Собственник только юридически контролирует пользователя.

²⁸ *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М., 1908. С. 99.

степенно, сообразно историческим обстоятельствам, подпитываясь разрозненными фрагментами права и обычаев своих соседей, имевших совершенно разные культурно-исторические традиции (кочевники, скандинавы, византийцы). В силу определенной культурной обособленности и прерванного нашествием татар развития государственно-правовых институтов законотворческий опыт и традиции православной Византии не стали для Древней Руси тем, чем стало для Запада римское право. Более ста лет назад М. А. Дьяконов отмечал: «В Древней Руси условия русской жизни были столь существенно различны с византийскими, что не один раз возникал вопрос о необходимости приспособления чужих норм к русской действительности. Это было прямо неизбежно, так как в русском языке некоторых понятий совершенно не существовало. Поэтому и наблюдаются в славянских текстах сборников более или менее существенные отступления от оригинала»²⁹.

Факт политической раздробленности Руси накануне вторжения орд Батыем никем и никогда не подвергался сомнению. Кроме Пайпса. Американский историк убежден: после нашествия татар «Россия, достигшая было ненадежного объединения, теперь стала разваливаться»³⁰. В чем увидел автор «ненадежное единство» полутора десятков самостоятельных русских земель и княжеств в первой трети XIII в., понять невозможно. Никаких доказательств своего «оригинального» суждения Р. Пайпс не приводит. Зато единство Руси в ордынский период в его представлении поддерживалось «православной верой» и коллективной ответственностью «за уплату дани Золотой Орде»³¹. Следовательно, ордынский выход на протяжении почти двух с половиной столетий «объединял» русских людей значительно крепче, чем общие законы, традиции, духовная и материальная культура, язык? В таком случае остается открытым ответ на вопрос: что же в итоге предопределило свержение господства Орды и объединение русских земель в единое государство? Сложно предположить, что этот долгий и трудный процесс предопределялся исключительно религиозным единством и «коллективной ответственностью» перед ханами.

Бесспорно, нашествие татар имело катастрофические последствия в истории России. Однако американский историк буквально демонизирует ордынский период. Для Р. Пайпса «военный деспотизм» Орды – едва ли не центральное событие всей русской истории³². Очевидно, что, не упоминая школу евразийцев, автор

²⁹ Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 39.

³⁰ Пайпс Р. Собственность и свобода. С. 217.

³¹ Там же. С. 218.

³² По исключительно меткому замечанию Д. Х. Биллингтона: «Монгольское иго <...> было для православных восточных христиан не столько «военным деспотизмом», сколько децентрализованным местничеством». (См.: Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 44).

полемизирует именно с ней. Свидетельством тому, например, резкая характеристика Александра Невского, культовой фигуры для евразийцев³³. Однако и в скрытой полемике должно соблюдать уважение, если не к оппонентам, то хотя бы к фактам, чего в писаниях американского историка не наблюдается. Напротив, работы Пайпса переполнены ошибками, претенциозными, но ничем не подтвержденными суждениями.

Чтобы вернее подчеркнуть последствия татарского погрома для эволюции Руси по европейскому пути развития, американский русист прибегает к крайней идеализации политической жизни Древней Руси. Например, заключает, что «до монгольского нашествия русские княжества управлялись князьями в совете с вече, аналогом английского фолькмота»³⁴. О трактовке в сочинениях Пайпса значения вече в истории Древней Руси речь впереди, но очевидно его упорное желание «найти черную кошку в темной комнате», то есть разыскать в русских княжествах некий аналог английского «фолькмота».

Особенно печалит американского историка судьба Новгорода Великого. Его история рассматривается Р. Пайпсом в двух аспектах: во-первых, как уникальный для Руси вариант европейских аналогов развития «собственности и свободы» и, во-вторых, как показатель разрушительного для республики воздействия «вотчинной философии» московских князей.

Чтобы довести до сознания читателя весь кошмар «убиения» вечевых вольностей на Руси, Пайпс сообщает: «в домонгольское время вече были во всех русских городах <...> самые сильные из них изгоняли князей»³⁵. Это заключение, как и многие другие «сведения» Р. Пайпса, не подтверждаются источниками. Вопрос о роли и компетенции вече в истории Древней Руси – сложный и не имеет однозначного решения. Как предполагают историки, народные собрания решали широкий круг вопросов, вплоть до изгнания и приглашения князей. Однако такие ситуации были, видимо, крайне редкими и только в связи с чрезвычайными ситуациями. По словам М. А. Дьяконова, «указаний на вечевую деятельность сохранилось немного, а потому далеко не все может быть в ней выяснено»³⁶. К сходным выводам пришли и зарубежные исследователи, считая «вече <...> скорее явлением, имевшим место от случая к случаю, чем органом управления»³⁷.

По мнению Пайпса, «все свободное население Новгорода и пригородов, независимо от их социального статуса, имели право на участие в этих собраниях. Те же порядки были заведены *в ряде* (курсив мой. – Ю. С.) других северных рус-

³³ См.: Пайпс Р. Собственность и свобода. С. 219.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 116.

³⁷ Франклин С., Шенпард Д. Указ. соч. С. 417.

ских городов, прежде всего, в Пскове»³⁸. Загадкой остается этот самый «ряд северных русских городов», где якобы были сходные с Новгородом и Псковом вечевые порядки. За исключением, быть может, Вятки источники ничего подобного не фиксируют. Академик В. Л. Янин настаивает на узкословном характере новгородского вече, осторожно оговариваясь, что в собраниях могли принимать кончанские и уличанские выборные люди³⁹.

Не находит подтверждения и благостная картина демократического народного собрания, «цивилизованно» решавшего политические вопросы, изображенная американским исследователем. Напротив, по сообщению Янина, «летописец <...>, не щадит красок в изображении действий литовской черни, являвшейся на вече с нанятыми смердами и безыменитыми мужиками, которые, подобно скотам и псам, только кричали и лаяли»⁴⁰. По мнению М. Дьяконова, «подобные сцены вовсе не были следствием разложения политического быта Новгорода перед падением его политической независимости, а обуславливались единственно неформальностью древних народных собраний»⁴¹. Вряд ли московский летописец слишком сгустил краски.

Р. Пайпс неустанно твердит об отсутствии в средневековой Руси правовых норм частного и государственного права. Однако и в Новгороде, как и в других русских землях в Средние века, не было четкого разграничения публично-правовых отношений, напротив «характерным признаком древнего управления было смешение интересов и целей частных с общественными и государственными. Это отразилось и на безразличии права частного и публичного»⁴².

Чтобы подчеркнуть отличие республиканского Новгорода⁴³ от деспотической «Московии», Пайпс допускает сомнительное утверждение: «монгольские хозяева настояли на роспуске традиционных городских собраний, известных как «вече», потому что они являлись очагами народного сопротивления их поборам»⁴⁴. Как и во многих других случаях, это умозаключение вызывает множество вопросов. На чем основан вывод, что «приговор» русскому вече был вынесен татарским ханом? С другой стороны, Новгород как и другие русские города, бунтовал в середине XIII в. против татарских численников и баскаков, но вече там сохранялось еще триста лет. Неужели татары сделали для Новгорода (а также Пскова) исключение, восхитившись республиканскими вольностями великого города? И куда

³⁸ Пайпс Р. Русский консерватизм. С. 28–29.

³⁹ См.: Янин В. Л. Указ. соч. С. 80–81.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 124.

⁴² Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 166.

⁴³ Р. Пайпс, восторгаясь республиканскими вольностями Новгорода, почему-то именуется его княжеством. (Пайпс Р. Собственность и свобода. С. 227).

⁴⁴ Пайпс Р. Русский консерватизм. С. 29.

же исчезло вече в «ряде» неназванных автором «северных городов»? Американский историк явно ошибся, датировав свой некролог вечевым традициям (кроме Новгорода и Пскова) серединой XIII века. В большинстве городов северо-восточной Руси вече прекратили свою деятельность еще в конце XII века. В некоторых случаях отзвуки народных собраний слышны, например, в Твери, Нижнем Новгороде и в XIV в. (никакого политического значения их деятельность уже не имела).

Р. Пайпс упрощает сложные социальные и политические процессы, приписывая татарам злодейскую ликвидацию городских вольностей в Древней Руси. Причина этого схематизма заключается в том, что историк берет в качестве идеальной модели западноевропейский город и применяет ее к истории Руси. Такой исследовательский прием допустим с оговорками, а в некоторых случаях не срабатывает.

В Западной Европе к XII в. основной силой городов стали купеческие гильдии и ремесленные цеха. Эта протобуржуазия успешно защищала интересы горожан через выборные магистраты, что позволяло городам отстаивать свою самостоятельность перед королевской властью. На Руси купеческие и ремесленные корпорации почти не просматриваются. Город управлялся князем, княжеской администрацией, посадниками, тысяцкими, тиунами. По верному замечанию М. Б. Свердлова, «русский город в XI – первой трети XIII в. редко становился самостоятельной силой, преимущественно поддерживая определявших политическое содержание событий князей или их социальных и политических соперников местную знать – бояр»⁴⁵.

Американский исследователь намеренно или случайно смешивает два периода в истории Новгородской республики. Первый длился с 1136 г. (когда установилась республиканская власть) до Батыева нашествия. В это время Новгород при всей его самостоятельности не мог существовать без князей. Ограничивая их власть договорами, новгородцы, тем не менее, нуждались в участии князей в административной, судебной, военной сферах. Только после монгольского нашествия в Новгороде произошли существенные изменения в системе управления. Великий князь, оставаясь формально главой всех русских земель, находился далеко от Новгорода, и его участие в делах северо-западной республики сводилось к минимуму. Были значительно урезаны судебные функции князя, ему было запрещено выносить приговоры без участия выборного главы города – посадника. Фактически, власть сосредоточилась в руках избираемых новгородским вече посадника, тысяцкого и архимандрита.

Консервация раздробленности, упадок городов, ремесла и торговли, смещение политического центра на северо-восток, где вечевые традиции никогда не

⁴⁵ *Свердлов М. Б.* Историография, теория и практика изучения истории Руси VI–XIII вв. Саратов, 2002. С. 82.

были сильны, неизбежно вели к угасанию вечевых традиций, так сказать, естественным порядком, без всяких принудительных «декретов» татар.

Присоединение Новгорода к Москве в конце XV в. предстает как апогей насильственной политики потомков Калиты в отношении новгородских вольностей и крах политической альтернативы в России. Такая позиция присуща не только Пайпсу, но и многим другим западным историкам. В. Л. Янин писал: «Современные западные историки <...> очень любят проливать слезы по этому поводу. Азиатская деспотия, тирания Москвы <...> монархия уничтожила республику <...>»⁴⁶. Намеренно или нет, но в подобной концепции упускается из вида, что к концу XV в. от былой сплоченности новгородцев не осталось и следа. Если в 1214 г. в битве на Липице новгородские полки наголову разбили суздальцев, то в 1471 г. в новгородский плебс фактически уклонился от сражения с войском Ивана III. Это не могло быть случайностью. «О каких-либо проявлениях демократии в XV в. говорить не приходится, в момент решающего столкновения простому населению Новгородской земли нечего было защищать», – указывает В. Л. Янин⁴⁷. Жертвовать собой ради интересов новгородской олигархии у новгородцев не было ни практического интереса, ни нравственных оснований. Повседневностью Великого Новгорода стали мздоимство, олигархия, неправый суд⁴⁸. В сущности, «присоединение Новгорода к Москве не было только завоеванием, а стало и антибоярской акцией и самих новгородцев»⁴⁹.

Не соответствуют истинному положению дел и выводы Пайпса о чуть ли не доминирующем положении Новгорода в составе Ганзейского союза. По его словам, «этот город стал наиболее значительным среди ганзейских торговых аванпостов», и «не случайно вскоре после захвата Новгорода Иваном III Ганза вскоре пришла в упадок»⁵⁰.

Признавая уникальность истории северо-западной республики, следует все же отменить романтические представления о Новгороде как об одном из экономически важных центров средневековой Европы. В Ганзейском союзе столица северо-западной Руси всегда занимала второстепенное, подчиненное положение. В силу объективных причин вольный Новгород не достиг экономического и культурного уровня развития крупнейших городов Европы. А. Л. Хорошкевич, исследовавшая торговые связи Новгорода с Ганзейским союзом, пришла к выводу, что «ганзейская торговля отчасти стимулировала развитие русского ремесла, отчасти его затрудняла», поскольку «Новгород вывозил только продукты рус-

⁴⁶ Янин В. Л. Указ. соч. С. 17.

⁴⁷ Там же. С. 18.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 28.

⁵⁰ Пайнс Р. Собственность и свобода. С. 223.

ских промыслов. Лишь XVI век принес конец некоторой застойности русского государства. На первый план в экспорте вышли продукты сельского хозяйства, вывоз же пушнины и воска сократился не только в относительных, но и в абсолютных размерах»⁵¹. Следовательно, хозяйственный упадок Новгорода в XVI в. был связан с «изменением системы торговых связей России и Западной Европы»⁵², но не с вхождением его в состав объединенного Русского государства. В XV–XVI вв. в целом изменялась система международных отношений и соотношения сил по оси Восточная – Западная Европа.

Прекращение торговли с Новгородом, вероятно, нанесло значительный ущерб некоторым ганзейским купцам, но не могло стать роковым для Ганзейского торгового союза. «Установленная» Пайпсом связь между присоединением Новгорода к Москве и упадком Ганзы, на самом деле, не более логичная и тесная, чем, скажем, между продажей Аляски и Карибским кризисом.

Важнейшим фактором истории России стало перемещение центра государства на северо-восток. Здесь землевладение сложилось позднее, чем на юге Руси. Обширные леса, мелкие реки, болота препятствовали «общению отдельных земель между собой»⁵³. Заселение и освоение края началось в XII в. и продолжалось весь XIV век, совпав по времени с процессами объединения и предшествуя централизации русских земель. Боярство в московской земле неизвестно до второй половины XIII века⁵⁴. Причиной тому были как пустыньность края, так и потери класса феодалов в схватке с татарами. Оседание крестьян на землю происходило в условиях изобилия земли и острой нехватки рабочих рук. Громадные пространства, низкая плотность населения заставляли московских князей относиться к насельникам как необходимой в хозяйстве рабочей силе.

В ситуации опустошения и нравственного упадка народа нередко происходило восстановление наиболее архаичных форм хозяйствования, социальной организации и политической системы. Формы землевладения всецело зависели от того, как адаптируются к обстановке земледельцы и землевладельцы. Приспосабливалась к условиям и власть. На протяжении XIII–XIV вв. «бояре, <...> меняют свою воинственную физиономию на скромный облик хозяина, помогающего своему князю управлять его вотчиною и заботиться о примыслах к ней. Вместе с тем, растет у бояр и вкус к землевладению, так что боярин и его наследники, дети боярские становятся типичными землевладельцами вслед за князьями и наряду

⁵¹ *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., 1963. С. 339–340.

⁵² *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 18.

⁵³ *Тихомиров М. Н.* Средневековая Россия на международных путях (XIV–XV вв.). М., 1966. С. 12–13.

⁵⁴ См.: *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.) М., 1985. С. 39.

с церковными учреждениями, в частности монастырями. Правительства отдельных земель принимают решительные меры к тому, чтобы ограничить стремление князей и их вольных слуг к расширению их недвижимых имений в пределах чужих территорий», – отмечал М. А. Дьяконов⁵⁵.

Иные процессы мы видим на Западе. Здесь «миграция из сельской местности в города между X–XIV вв. стала «одним из важнейших факторов в развитии христианского мира», а «феодализация и городское движение были двумя сторонами одной и той же эволюции, которая одновременно организовала и пространство, и общество»⁵⁶. Блестящий знаток европейского средневековья Й. Хейзинга писал: «Эпоха истинного феодализма и процветания рыцарства подходит к концу уже в XIII столетии. То, что следует затем, – это княжеско-городской период Средневековья, когда господствующими факторами в государственной и жизни становятся торговое могущество бюргерства и покоящееся на нем денежное могущество государя»⁵⁷. Княжеско-городской период в развитии Древней Руси оборвался едва начавшись. Здесь нет, и в тех исторических условиях не могло быть, коммунальных революций, интенсивного роста городов и традиций самостояния общества.

Когда и как сформировалась в русском средневековье традиция письменного права – вопрос открытый. В домонгольской Руси, по-видимому, абсолютно преобладала традиция устного договора. М. Дьяконов по этому поводу писал: «О договорах князя с дружиной летопись упоминает часто одновременно с другими княжескими соглашениям <...> но, по-видимому, они заключались устно; по крайней мере, в памятниках нет упоминаний о договорных грамотах князей со слугами вольными»⁵⁸. Это не означает отсутствия эволюции от устного договора к письменному праву. Речь может идти лишь о времени появления первых письменных договоров. Увы, подобных документов сохранилось ничтожно мало. По осторожному предположению С. Н. Валка, частные акты на Руси появились не ранее второй половины XIV в.⁵⁹ Эту точку зрения поддержали С. М. Каштанов, Ю. Г. Алексеев, В. М. Панеях. По остроумной гипотезе В. Б. Кобрин, «на территории небольшого княжества устные удостоверения соседей могли быть надежнее акта: ведь документ можно и подделать»⁶⁰. И все же, вероятно, дело не только и не столько в ненадежности документа, сколько в слабости традиций письмен-

⁵⁵ Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 250.

⁵⁶ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 76, 89.

⁵⁷ Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988. С. 61.

⁵⁸ Дьяконов М. Указ. соч. С. 32–33.

⁵⁹ См.: Валк С. Н. Начальная история древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л. С. 285–318.

⁶⁰ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 34.

ного права в России того времени. Мы видим, как осторожно подходят к проблеме времени появления письменных свидетельств о праве собственности в средневековой Руси отечественные историки. Их американский коллега решает вопрос решительно и просто: земельная *собственность* в России появилась лишь около 1400 г. Оставим в стороне вопрос о том, откуда такая точность датировки, важнее другое: в представлении Пайпса собственность на землю является таковой только в случае, если она юридически запротоколирована. Такой «приговор» необходим американскому исследователю, чтобы обосновать ущербность политического и социального бытия русского средневековья. Однако в гораздо большей степени это свидетельство ущерба подобной исторической диагностики, поскольку «живая действительность никогда не укладывается в схему полностью, всегда существуют явления пограничные, сочетающие черты разных классификационных категорий»⁶¹.

Действительно, в России лишь «на рубеже XIV–XV вв. вошло в обыкновение совершать сделки не устно, а на письме»⁶². По Пайпсу, это не собственность, а владение. Можно бы и согласиться с такой формулировкой, но этого не дает сделать сам Ричард Пайпс, который утверждает: «По всей Европе фьефы (то есть условное держание. – Ю. С.) передавались по наследству и, стало быть, *de facto* представляли собой собственность их держателей»⁶³. Однако и в Руси-России и до, и после появления норм письменного права «продавали, дарили, меняли, завещали, отдавали в приданое села и деревни <...>»⁶⁴. С этим не спорит и Пайпс. И чем же европейский фьеф («*de facto*» – собственность) отличается от русской вотчины, в которой признаки собственности американским историком не обнаружены? Пожалуй, пытливый читатель, привыкший к отточенной аргументации профессиональных историков, может остаться в недоумении, не обнаружив логики в рассуждениях Пайпса.

Если в домонгольской Руси проявились два пути создания боярских вотчин: выделение вотчинников через крестьянский аллод и княжеское (для Новгорода – вечевое) пожалование или покупка земель, то в Руси Московской преобладающим становится княжеское пожалование⁶⁵.

С экономической точки зрения у русской аристократии не было причин для сопротивления власти. Тому способствовала и практика покупки земель в чужих владениях, что было вряд ли возможно предпринять без содействия власти. Великий князь и землевладельцы были связаны друг с другом в гораздо большей степени, чем на Западе. «И в укреплении аппарата государственной власти, и в

⁶¹ Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 33.

⁶² Там же. С. 11.

⁶³ Пайпс Р. Собственность и свобода. С. 216.

⁶⁴ Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 11.

⁶⁵ Там же. С. 44.

расширении границ страны на западе и востоке были в равной степени заинтересованы все феодалы», – констатировал В. Б. Кобрин⁶⁶. Не случайно, что в отличие от западных феодалов, русские бояре защищали не поодиночке каждый свое владение, а все вместе и все княжество в целом.

Сраживание интересов власти и русской аристократии невозможно трактовать только с точки зрения ущемления интересов последней. Подобная трактовка противоречит логике русского законодательства. Так, например, указ 1551 г. запрещал продажу вотчин в чужой род, а указ 1562 г. затруднял продажу вотчин внутри рода. С точки зрения Р. Пайпса, это свидетельство вмешательства государства в частно-правовые отношения. Между тем в данном случае закон защищал экономические интересы княжеско-боярской аристократии, поддерживал ее материальное благополучие, предохраняя от разорения. По замечанию В. Б. Кобрин, при изучении процесса превращения «класса феодалов в вассалов, а затем и подданных государя всея Руси обращали внимание на насильственные пути достижения цели», тогда как сохранение вотчин служило цели создания «в рамках единого государства служило-земледельческих корпораций»⁶⁷.

Кульминацией в понимании судеб собственности и свободы в средневековой России для Пайпса является конфискация земель и высылка новгородских бояр. С той поры, по версии Пайпса, «безусловное владение землей было отменено Иваном III», а «экономическая основа для самоидентификации общества в виде частной собственности на землю была ликвидирована»⁶⁸. В интерпретации американского историка распределение конфискованных земель происходило следующим образом: «две трети отходили служилым людям», а также «простым крестьянам, даже рабам, – которых отправили в покоренный Новгород», а «их новоприобретенные владения становились, однако, не *вотчинами*, а условным владением, называвшимися *поместьями*»⁶⁹. Сомнительно, что простые крестьяне, уж тем более «рабы», становились помещиками.

Политика Ивана III подается здесь как роковой для формирования институтов собственности шаг. Вероятно, этот прецедент имел значение в дальнейшей практике самодержавия, но имела ли в ту эпоху в России та «самоидентификация общества», на твердой основе частной собственности – вопрос спорный. Совершенно не случайно В. Б. Кобрин обратил внимание на сходство состава помещиков и вотчинников, близость вотчинного и поместного права⁷⁰.

Ко второй половине XV столетия процессы объединения русских земель входили в завершающую стадию. Центром объединения стала Москва. Вотчинная

⁶⁶ Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 218.

⁶⁷ Там же. С. 89.

⁶⁸ Пайпс Р. Русский консерватизм. С. 37.

⁶⁹ Пайпс Р. Собственность и свобода. С. 229.

⁷⁰ См.: Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 96–136.

психология московских князей рассмотрена и убедительно обоснована Пайпсом. К моменту вхождения Новгорода в состав России уже преобладало и не оспаривалось положение о великом князе как суверенном собственнике собираемых им земель. На этой основе и происходила унификация правового положения русских земель. Разумеется, присоединенные земли входили в состав Москвы не на основе новгородско-боярских традиций, а на основе сформировавшейся политической философии потомков Ивана Калиты. Иного и предположить невозможно (разве что, если бы наоборот, Москва вошла в состав Новгорода).

Вопрос о назначении и цели опричнины активно обсуждается в отечественной исторической науке с начала прошлого столетия. Тогда же и было сформулировано существо проблемы: опричнина направлялась против порядков (как считал, например, С. Ф. Платонов) или против личностей (как полагал В. О. Ключевский)? Парадоксально, но либеральный американский историк следует в русле советской историографии 40–50-х гг. XX в., пребывавшей под жестким прессом идеологии. Только если советские историки сталинского периода рассматривали процесс ликвидации могущества боярско-княжеского землевладения как прогрессивный, то американский историк расценивает его сугубо отрицательно. Между тем С. Б. Веселовский, а вслед за ним В. Б. Кобрин, обстоятельно показали, что опричнина не поколебала порядков, не затронула положения земельной аристократии как класса, считая, что более прав В. О. Ключевский, нежели С. Ф. Платонов. Напротив, Р. Г. Скрынников и Б. Н. Флоря считают, что опричнина подорвала позиции русского боярства⁷¹. Однако ни советские, ни современные российские историки не настаивали на *полном уничтожении* могущества земельной аристократии. По Пайпсу же, «аристократия в России была лишена не только ее наследственных владений, но и оторвана от родных мест и разбросана по миру <...>»⁷². Это сильно сказано. Так и встает перед глазами апокалиптическая картина: гордые потомки Рюриковичей и Гедиминовичей бродят по городам и весям бескрайней Руси, христарадничают и хором с юродивыми голосят на паперти, выпрашивая подаяние. Радует лишь то, что подобные страшные сцены могут возникнуть только и исключительно при прочтении трудов Р. Пайпса.

«Чтобы привязать крестьянство к земле <...> аристократия отказалась от своих политических амбиций», – констатирует американский русист⁷³. Видимо, имеется в виду несбывшееся стремление княжеско-боярской элиты ограничить самодержавную власть. Однако не стоит преувеличивать этих «политических ам-

⁷¹ См., например: Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 29; Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 28.

⁷² Пайпс Р. Собственность и свобода. С. 231

⁷³ Пайпс Р. Русский консерватизм. С. 38.

биций» русской аристократии, поскольку, как мы видели, верховная власть и выступала гарантом ее привилегий. В этом отношении Россия более похожа на Византию, чем на Британскую империю. Как писал А. П. Каждан, «если в западноевропейских государствах классического средневековья собственность конституировалась в очень большой мере через феодальную иерархию и вассально-ленную систему, то в Византии соответствующая роль принадлежала государственному механизму: он осуществлял власть над трудящимся населением и, вместе с тем, выполнял функции по присвоению и распределению если не всего, то довольно значительной части прибавочного продукта»⁷⁴. Очень похожий механизм был создан и в России.

Действительно, в средневековой России главную ценность представляла не земля, которой было в избытке, а рабочая сила. Следует учитывать парадоксальность развития русского государства. Территория страны с конца XV столетия и до конца XIX в. росла непрерывно. Плотность населения была в течение всего средневековья и большую часть Нового времени крайне низкой, смертность напротив, чрезвычайно высокой. Скучные материальные ресурсы, бескрайние просторы, медленный рост населения неизбежно создавали ситуацию «военного лагеря», осажденного врагами со всех сторон. Не мифический консерватизм русской власти и не наследие татар, а реальные и очень тяжелые исторические обстоятельства препятствовали становлению европейских экономических и культурно-политических структур. Как писал Ф. Бродель, «в таких условиях, если Россия оставалась наполовину замкнутой в себе, то происходило это одновременно от громадности, которая ее подавляла, от ее еще недостаточного населения, от его умеренного интереса к Западу, от многотрудного и без конца возобновляющегося установления ее внутреннего равновесия, а вовсе не потому, что она будто бы была отрезана от Европы или враждебна обменов»⁷⁵.

Поразительно, но, анализируя эволюцию хозяйственно-правовых отношений в России XVII столетия, Р. Пайпс ни разу (!) не обратился к Соборному Уложению 1649 года. Подчеркивая огромное значение Уложения, Д. Биллингтон, несколько преувеличивая, но в целом справедливо писал: «Это “Уложение” оставалось основным сводом законов страны до 1833 г. и сыграло в развитии современного русского языка роль, сравнимую с ролью лютеровской Библии в становлении современного немецкого языка. Собственно говоря, язык «Уложения» в некото-

⁷⁴ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII в. М., 1974. С. 253.

⁷⁵ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм : в 3 т. Т. 3 : Время мира. М., 1992. С. 454–455.

рых отношениях ближе к современному русскому литературному и разговорному языку, чем язык не только Карамзина, но и Пушкина»⁷⁶.

Соборное Уложение фиксирует сложившиеся частнопровые и государственные нормы права, сложную социальную структуру общества, где не оформились еще (с точки зрения западных стандартов) сословия, доминирующую роль государства в государственно-общественных отношениях. Соборное Уложение четко фиксирует правовой статус как вотчины, так и поместья. Очевидна эволюция поземельно правовых отношений в XVI–XVII вв. «Судебники» 1497 и 1550 гг. («О землях суд») лишь упоминали о помещике как о субъекте прав, во владении которого находится земля великого князя⁷⁷. Согласно тексту Уложения 1649 г., вотчина представлена тремя основными видами – родовой, выслуженной, купленной. Тогда как Судебник 1550 г. (ст. 85) знает лишь один вид – родовую вотчину; появление разновидностей – знак другого времени⁷⁸. В Уложении о службе 1555/1556 гг. регламентировалась поземельная служба государю. Даже поместья отнимались теперь только в случаях, оговоренных законом. К частичной или полной конфискации поместья вели уклонение от государственной службы, «умысел против государя и измена ему», уголовные преступления служилых людей.

По закону 15 декабря 1636 г. вводилась практика обмена поместий без особых ограничений, правда, запрещался обмен между московскими и городскими чинами, но и эта норма отменялась Соборным уложением 1649 г. А. Г. Маньков справедливо полагал, что мена неизбежно «стала смыкаться с продажей»⁷⁹. Важнейшим нововведением Уложения 1649 г. в области обмена земельной собственностью было разрешение мены поместий на вотчины и вотчин на поместье⁸⁰.

Текст Уложения 1649 г., вобравший в себя наиболее существенные нормы средневекового права, свидетельствует, что вотчины и поместья, сближаясь, обретают значительно большую свободу отчуждения. Собственно меняется и система контроля. Если в XVI в. княжеская вотчина низводилась до положения поместья, то в XVII в. поместье стало возвышаться до вотчины, сливаясь с ней. Сделки регистрировались в Поместном приказе. Как указывает А. Л. Юрганов: «В XVII в. уже естественным стал процесс продажи поместья в вотчину, но лишь по царскому указу в каждом случае: такая продажа поместья в вотчину была актом пожалования»⁸¹. В итоге, по меткому замечанию В. О. Ключевского, в Рос-

⁷⁶ *Биллингтон Д. Х.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 170.

⁷⁷ Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 250–283.

⁷⁸ Там же. С. 278.

⁷⁹ См.: *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 67.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 193.

сии был создан «небывалый вид землевладения, который можно характеризовать названием наследственного, неделимого и вечнообязанного землевладения, с которым связана *вечная наследственная и потомственная служба землевладельца*»⁸². Постепенно «помещик сделался вотчинником, а вотчинник помещиком, и владелец населенного имения стал уже смотреть на него как на полную свою собственность, владеемую независимо от служебной повинности»⁸³.

В мировой истории между владением и собственностью встречаются самые разные формы поземельных, государственно-правовых и частных отношений, взаимоотношений между подданными и властью. Правомочно ли втискивать это многообразие общественно-государственных отношений в схему от владения к собственности, как это делает Р. Пайпс? В России с древнейших времен вотчинник делил имение между всеми наследниками, право на долю в родовом владении имели и женщины. Такой принцип наследования определялся не законом, а традицией, в основе которой лежал определенное понимание правды как справедливости. В Англии лишь старший наследник получал права собственности на наследство. Вероятно, тоже в соответствии с установившимися традициями. Дело не в том, что лучше, что хуже, в каждом случае мы имеем дело с уходящими в древность обычаями.

Сложную и пеструю картину русского средневековья Пайпс подменяет примитивным лубком с изображением ужасов татарщины, проклятого наследия Византии и злой воли русской исторической власти. По словам Ле Гоффа, «на том уровне исторической эволюции, которая называется политической, явления часто представляются очень сложными, обремененными массой людей, событий и сочинений историков, охотно соблазнявшихся мнимой ясностью их поверхностных отражений»⁸⁴. Написано словно по адресу Пайпса.

Думается, главная беда американского исследователя состоит в том, что сложнейшие вопросы он пытается решить с помощью простейших социологических и политологических формул, компаративистику подменяет содержательно бедными сопоставлениями. В итоге все богатство эмпирического материала сводится к абстрактным положениям, мало что дающим для понимания темы. Пайпс, пожалуй, не осознают громадной дистанции, отделяющей менталитет современного человека от миропонимания человека средневековья, но поражает упорным стремлением навязать русскому средневековью некие экономические, социальные и политические модели, коих там быть не могло. Не учитывает американский историк и различия духовной ситуации в России и на Западе на изломе Средневековья.

⁸² *Ключевский В. О.* Сочинения : в 8 т. М., 1958. Т. 4. С. 88–89.

⁸³ *Победоносцев К. П.* Исторические исследования и статьи. СПб., 1876. С. 180.

⁸⁴ *Ле Гофф.* Указ. соч. С. 94.

Энергия западных рыцарей-дворян выплескивалась в крестовых походах, позднее европейцы отправились покорять отдаленные земли. На это прямое содействие власти не требовалось. Русская аристократия, заручившись поддержкой власти, покоряла пространства страны, закрепощая население и входя во все большую зависимость от власти. Дальние походы, инициатива, риск, формировали индивидуальность западного человека, тогда как в России до Петра Великого общество сохраняло коллективную физиономию. Русский человек не стремился выделиться из своей корпорации. Средневековая русская аристократия попросту не знала иной формы самовыражения, кроме службы государю. Отсутствие выхода к морям, заморских колоний, баснословных заморских богатств порождало и скудость самовыражения. Кругозор европейского человека расширился до пределов Америки и Австралии, в то время как Россия еще пыталась закрепиться на берегах Балтики, с огромным напряжением отбивалась от набегов татар. Бескрайние просторы Сибири почти бесследно поглощали отчаянных смельчаков. В определенной степени Сибирь была для русского человека тем же «диким полем». Риск погибнуть значительно превышал возможные преимущества независимости. Разбросанные и затерянные в огромных пространствах города, население которых вплоть до XIX столетия, а то и позже, сохраняло связь с сельским хозяйством. Все это остается вне поля зрения Пайпса.

Нельзя не остановиться, хотя бы кратко, на трактовке Р. Пайпсом некоторых вопросов идеологии и политики в России XV–XVII веков.

Американский историк совершенно выпускает из вида взрывной характер политической перестройки русского государства в XV–XVI веках. Процесс накопления экономических и социальных предпосылок создания единого русского государства происходил крайне медленно, тогда как оформление властных институтов шло в сжатые исторические сроки. Объединение и централизация в России при всем внешнем сходстве с западным вариантом происходили в иных исторических условиях. Российский вариант централизации, пожалуй, исключал саму возможность западных классических форм собственности. Собрание земель в единое государство на Руси, в отличие от Запада, происходило сверху, власть и выбирала те формы владения и собственности, которые позволяли быстрее завершить централизацию. С. О. Шмидт справедливо заметил: «Не следует думать, что социально-экономические и политические процессы, результаты которых нам известны по истории XVII–XVIII вв., в предшествовавшем XVI в. развивались планомерно и последовательно. Общие тенденции исторического развития могли принимать своеобразную форму, темпы его могли ускоряться или замедляться в зависимости от различных обстоятельств»⁸⁵.

⁸⁵ Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. М., 1996. С. 385.

Р. Пайпс, анализируя аспекты идеологии в России, применяет излюбленный способ «оппозиций». В Европе, по его твердому убеждению, до периода абсолютизма «короли не издавали новые законы, а лишь проводили в жизнь уже существующие, а если требовалось новое законодательство, то оно вводилось с согласия народа»⁸⁶. Интересно, в каких же формах это «согласие народа» проявлялось? Неужели путем референдума? В России же «в представлении власти ее подданные имели только обязанности, но не имели прав, и в этом все они были равны»⁸⁷. Действительно, четкого юридического разграничения прав и обязанностей подданных в России не было, но привилегии русской аристократии регулировались обычаями, традицией, которые власти признавали. Это было молчаливое соглашение власти и подданных, не зафиксированное в кодексе права, но от того не менее реальное.

Американский русист создает совершенно искусственную конструкцию, выводя политическое мировоззрение самодержавия из концепции монаха Филофея Москва – Третий Рим. Между тем, нет следов того, чтобы эта концепция имела какое-то влияние на политическую идеологию русских монархов. Неоправданно большое значение интеллектуальной конструкции начала XVI столетия придал Н. А. Бердяев⁸⁸. Философ, крупный мыслитель Н. А. Бердяев не занимался историей средневековой России предметно. Ныне убедительно доказано, что серьезного значения на протяжении столетия концепция не имела, изредка всплывала и вновь забывалась вплоть до начала XX столетия, когда была реанимирована Бердяевым⁸⁹. Пайпс нигде не приводит доказательств востребованности этой идеи самодержавием. Идея монаха Филофея имела не национальный, а исключительно религиозный характер. Об этом хорошо и убедительно высказался А. Л. Юрганов: «Едва ли в данном случае уместно говорить об имперскости сознания, которое предполагает вечность земного порядка. Третий Рим последний не потому, что он вечный, Третий Рим последний, так как не будет больше никакого Рима – грядет Второе Пришествие, и тогда наступит вечность, вмещающая в себя идею особой полноты жизни, но жизни уже не земной»⁹⁰.

Апофеозом нелепости выглядят рассуждения американского русиста о ... средневековом русском национализме. «Союз государства и церкви привнес в русскую культуру мощный элемент национализма (?!). Византия не знала этого феномена, потому что, будучи многонациональной империей, не связывала пре-

⁸⁶ Пайпс Р. Русский консерватизм. С. 25.

⁸⁷ Там же. С. 36.

⁸⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

⁸⁹ См.: Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки эволюции русской средневековой концепции. М., 1998.

⁹⁰ См.: Юрганов А. Л. Указ. соч. С. 89–90.

тензию на религиозную уникальность с какой-то особой этнической группой. В России было по-другому. В середине XVI в. ее определяли как «святую землю», – умозаключает автор⁹¹.

Национализм в России не мог сложиться в силу отсутствия нации (часть историков полагает, что она не сложилась и сейчас). Процесс формирования европейских наций приходится на XIX столетие, когда и являются миру взрывы национальных движений. Как в Византии, так и в столь же многонациональной России самоидентификация общества происходила по религиозному, не национальному признаку. До конца XIX в. российская империя почти не знала национальных столкновений, борьбы национальных идей. Национальные интересы русских, составлявших становой хребет нации, не были предметом почитательства власти, и не осознавались в народе. Русская аристократия на 2/3 состояла из потомков крещенных татарских царевичей, литовской знати, немецких баронов.

Бесспорно, развитие форм частной собственности – путь к формированию гражданских и политических прав элит. При этом не следует выпускать из виду, что западная земельная аристократия в той же Англии формировалась за счет английского крестьянства. «Овцы съели людей», «кровавое законодательство» Марии Стюарт, пауперизация – вот цена, которую приходилось платить обществу за обретение прав собственности, политических и гражданских свобод буржуазии и аристократии. В истории собственность и свобода столь же реальны как собственность и несвобода. Только в XX в. большая часть населения стран Запада получила полноценные гражданские и политические права. Происходило ли это в связи с развитием частной собственности? Или, напротив, упорной борьбы общества с теми, кто этой собственностью владел? Или эти процессы, что скорее всего, шли параллельно? Первые утопии как протест против несправедливого распределения общественных богатств, протесты против всемогущей власти имущих и земельных собственников родились на Западе. Не в России, а именно в западной интеллектуальной истории родились все основные течения политической мысли. Были не только родоначальники и теоретики политической и экономической свободы, но и ее противники. Как теоретически от Томаса Мора до Карла Маркса, так и практически от Уинстенли и диггеров до движения хиппи. Русские крестьяне, не знавшие прав собственности, коллективно владели землей. Но русский крестьянин не знал и насильственного сгона с земли. Община часто спасала крестьян. Не закон, а традиции, обычаи, а то и бунт защищали их от произвола.

С позиций либерального историка XXI столетия, гражданина демократического общества, Пайпс по умолчанию амнистирует все тяжелые последствия

⁹¹ *Пайпс Р.* Русский консерватизм. С. 65.

формирования институтов частной собственности в европейской истории. Предполагается, что если в Новейшей истории это принесло Европе гражданские и политические свободы, то оправдывает все, что происходило ранее. России же американский историк в такой амнистии отказывает.

Собственно, две внушительные по объему книги написаны для обоснования единственного тезиса: «Россия в силу причин, заложенных в ее социальной структуре, культуре или в их взаимодействии, обречена на авторитарное правление»⁹². Конечно, любой автор имеет право на собственные политические убеждения. Единственное, что вызывает в этой связи вопрос: а стоило ли историку ради столь неоригинального вывода, который бы с радостью поддержали Победоносцев с Леонтьевым, бродить по русской истории, словно по джунглям?

⁹² *Пайнс Р.* Русский консерватизм. С. 249.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. П. Щавелев

«Я правду об тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи» (А. А. Формозов и его воспоминания¹)

Прошло немногим больше года с момента кончины Александра Александровича Формозова (30 декабря 1928 – 31 января 2009), как увидела свет эта книга воспоминаний известного ученого. Она построена не совсем типично для мемуарной литературы академического круга. Это и не сборник разновременных эссе, и не поденные записи многих лет, и не разом выплеснутые на бумагу воспоминания обо всей прожитой жизни. Перед нами мемуары, написанные по-особому.

Здесь три части. Первая – «*Мой путь*» – представляет собой собственно автобиографический связный рассказ: проникновенные портреты родителей; рассказ об учебе и выборе жизненного пути; работе в Академии наук; друзьях и недругах; проблемах науки и культуры, интересовавших и мучивших автора. Часть вторая – «*Портреты русских археологов*» – откровенные характеристики тех коллег, с кем А. А. Формозова ближе всего сводила судьба и кто оказал на его жизненный путь наибольшее влияние, как положительное, так и отрицательное. Третья часть – «*Встречи и судьбы*» – прямо продолжает галерею биографических очерков, только герои этого раздела обитали за пределами академической археологии, хотя и по большей части по соседству с нею. Кроме археологов во всех трех частях «Записок» охарактеризованы – историки-медиевисты, антропологи, биологи, геологи, этнографы, литературоведы, искусствоведы, музейные работники, краеведы; наконец, администраторы науки, ее начальники в разные периоды советской истории.

Рукопись воспоминаний, к великой удаче читателей быстро ставшая книгой, готовилась автором во второй половине 1960 – первой половине 1970-х годов. Но с тех пор и до последних отрезков своей жизни (почти 35 лет) автор время от времени что-то дополнял и исправлял в ней. Хотя объем этих поправок по сравнению с исходным текстом невелик, но в ряде случаев они весьма существенны по смыслу. Так что перед нами мемуары, которые создавались автором как бы

¹ См.: *Формозов А. А. Записки русского археолога (1940 – 1970-е годы)* / текст книги подготовлен к изданию М. К. Трофимовой. М. : Гриф и К, 2011. 290 с.

загодя, в момент его жизненного акмэ. В итоге же отразившие опыт всей жизни, от детских и юношеских лет вплоть до почти самого конца.

Скорее всего, на эту хронологию прямо или косвенно повлиял пример отца мемуариста, выдающегося русского зоолога и писателя-анималиста А. Н. Формозова, во вторую половину своей жизни поэтапно терявшего интерес и силы к творчеству².

Наш археолог предназначал свои «Записки» для посмертной публикации. Мои попытки выпросить у него заветный текст для компьютерного набора успехом не увенчались, хотя перед тем мы издали в Курске пару его принципиальных рукописей³ (как теперь выяснилось, в том числе и приложения к настоящим «Запискам»⁴). Теперь понятно, почему так получилось. Хотя и в прижизненных публикациях А. А. Формозова рассыпано немало острых, спорных и даже скандальных для кого-то сюжетов, суждений, оценок, степень откровенности итоговых «Записок» вовсе беспрецедентная.

Так что в каком-то смысле перед нами – настоящие мемуары. То есть правдивый рассказ обо всей жизни и обо всем в ней, без оглядки на мнения окружающих, даже самых близких людей, тем более начальства. Опубликованные почти одновременно воспоминания других археологов старшего поколения по сравнению с формозовскими более или менее удалены от идеала откровенности и объективности⁵. Они или слишком приглаживают память, игнорируют все негативные, драматичные ее моменты (как у Н. Я. Мерперта), или драматизм, жизненные противоречия воспроизводят, но не критически – исключительно со своей точки зрения, никогда не сомневаясь в ее правоте (как у Л. С. Клейна). У одного, получается, противников, врагов почти за век не было, все друзья, все выдающиеся (даже собственные внуки), а у другого, наоборот, все мало-мальски крупные персонажи выходят более или менее противниками, недоброжелателями, да и в науке чего-то недоделавшими. В рецензируемых же записках баланс тех и других – апостолов и злодеев, так сказать, плюсов и минусов, обвинений и покаяний – вы-

² «В близком возрасте – около сорока лет – пережил слом и его отец», т.е. дед автора воспоминаний (Формозов А. А. Александр Николаевич Формозов. Жизнь русского натуралиста. Изд. 2-е, доп. М., 2006. С. 144).

³ См.: Формозов А. А. Рассказы об ученых. Курск, 2004; *Он же*. Статьи разных лет. Курск, 2008.

⁴ «Три статьи, которые я не смог в свое время опубликовать: «Заметки о русской интеллигенции 1920-х – 1940-х годов (2003), «Русская археология на грани XX–XXI веков» (1999) и «К спорам вокруг моих публикаций 2004–2005 гг. (2006)» (Формозов А. А. Записки русского археолога... С. 9). (Далее ссылки на это издание указываются в самом тексте.)

⁵ См., например: Кияшко В. Я. Полвека археологии и кое-что еще // Донские древности. Азов, 2007. Вып. 8; Ковалева И. Ф. Жизнь, проведенная в могиле. Исповедь археолога. Днепропетровск, 2008; Клейн Л. С. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010; Мерперт Н. Я. Из прошлого далекого и близкого. Мемуары археолога. М., 2011 и др.

глядит убедительнее. Фигура каждого персонажа, основные «узлы» биографии даны стереоскопически, полихромно. Включая самого мемуариста, что самая большая редкость.

* * *

Главное для автора и, следовательно, для читателя этих воспоминаний: ни тот, ни другой не должен думать, что он – единственный судия. А все прочие – подсудимые. Ко всем предьявляется общий нравственный счет. Но это вовсе не означает, что итоговые оценки будут релятивизированы в духе «все мы тут бражники, грешники». Нет, своих героев (каждый не без недочетов), как и своих идейных противников (все не без достоинств), мемуарист называет поименно.

Повторю, что беспощадно относясь к своим идейным и моральным противникам, научным и жизненным антиподам, автор «Записок» не щадит и самого себя. Невиданная в академических да университетских кругах откровенность и резкость суждений Формозова-историографа уже при его жизни неоднократно вызывала ответную реакцию задетых им лиц и особенно их присных.

Чаще всего возмущения формозовскими оценками кипели в кулуарах, частном общении, электронной переписке, но порой выплескивались и на страницы печати. Так было с книжкой одного из последних любимцев академика А. П. Окладникова⁶, на которую оперативно и с убийственным сарказмом, предельно доказательно ответили якутские коллеги⁷.

На критический «залп» из нескольких антиформозовских статей в «Российской археологии» довелось отвечать только мне⁸. А потом я же опубликовал на свой страх и риск брошюру А. А. Формозова со статьей, где он отвечает своим гонителям⁹.

Далее, воронежский археолог А. Д. Пряхин, чью «Историю советской археологии»¹⁰ Александр Александрович относил к числу «заведомо лживых», не согласился с этой и тому подобными уничижительными оценками. Анатолию Дмитриевичу представляется «труднореализуемой роль судьи, знатока всего и вся» в новейшей историографии; он не понимает, как можно похвалив какую-то работу на одной странице, затем посвящать несколько страниц перечню ее же недочетов. На взгляд воронежского профессора, «обличительный тон повество-

⁶ См.: *Конопацкий А. К.* Прошлое великий следопыт (академик А. П. Окладников : страницы биографии). Новосибирск, 2001.

⁷ См.: *Тягорский В. Г.* Новосибирский академик А. П. Деревянко и археология / предисл. и примеч. Ю. А. Мочанова. Якутск, 2005.

⁸ См.: *Щавелев С. П.* Новые книги А. А. Формозова по истории и теории русской археологии (2004–2005). Курск, 2006.

⁹ См.: *Формозов А. А.* К спорам о моих публикациях 2004–2005 годов // Формозов А. А. Статьи разных лет. Курск, 2008.

¹⁰ *Пряхин А. Д.* История советской археологии. Воронеж, 1986.

вания, резкость и яркий субъективизм оценок, стремление обязательно найти неточности придают <...> работам А. А. Формозова отпечаток скандальности, что не соответствует самому духу историографического исследования»¹¹. Естественно, что благодарности за исправление целого ряда фактических ошибок в очередной книге А. Д. Пряхина по историографии, скрупулезный рецензент не дождался.

Затем от лица задетых Формозовым коллег, в первую очередь В. Ф. Генинга, выступила доктор исторических наук О. М. Мельникова из Удмуртии. В ее рецензии на главную книгу А. А. Формозова по историографии – «Русские археологи в период тоталитаризма»¹² – автору бросаются обвинения в том, что он выступает в «стиле погромных кампаний»; поскольку якобы повинен в ««шельмовании» большинства археологов как негодяев, приспособленцев, карьеристов»¹³. (Каким-то непостижимым образом у автора клеветнического отзыва хватило совести заключить злопамятное слово «шельмование» в кавычки. Совесть, видно, заговорила. Или грамотности не хватило).

Но тут рецензент передергивает факты. Даже для сурового критика далеко «не все кошки серы» в нашей науке. И в прижизненных изданиях, и в посмертных «Записках» Формозова содержатся авторские группировки разных типов ученых, в первую очередь археологов, но и других гуманитариев и даже естествоиспытателей. Все персонажи его мемуаров – в той или иной степени иллюстрации того или иного личностного, житейского типа. Этот мемуарист – тот же историограф, науковед, только рефлектирующий, то есть анализирующий не чужой, а свой собственный жизненный опыт. Просто в целом, на круг критиковал он коллег и сам себя больше, чем хвалил. Отсюда и впечатление у недалекого читателя, что для Формозова все окружающие – негодяи, а он сам – их единственный моральный судья. Именно в мемуарах положительных героев не меньше, чем предателей и злодеев. Друзей автора не меньше, чем врагов. Все стало на свои места.

Типы и виды ученых-гуманитариев

Классификация коллег осуществлялась А. А. Формозовым по разным признакам. Во-первых, он разносил персонажей своего анализа по самым распространенным в науковедении таксономическим «полкам»: эмпирики, фактологи, с одной стороны, и теоретики, способные к обобщениям, философскому анализу сво-

¹¹ *Пряхин А. Д.* История отечественной археологии. Ч. I: Русская дореволюционная археология. Воронеж, 2005. С. 28.

¹² См. рец.: *Мельникова О. М.* Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2004. 320 с. // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История. 2005. № 7. С. 190–196.

¹³ Там же. С. 194–195.

его материала, с другой. Далее, по тому, как ученые относились к государственным властям, руководителям своих научных организаций, коллегам и ученикам. И наоборот, каковы были эти самые начальники, «генералы» от советской археологии. А также в связи с тем, какого стиля работы коллеги придерживались – размеренного или «запойного»; как распределялась их работоспособность по ходу жизни. Одним хватало творческого «завода» на всю жизнь, другие охладевали к науке рано или поздно. Из этих охладевших одни честно прекратили печататься и выступать, а другие, исчерпав запас идей, продолжали повторять одно и то же с трибун и в печати под разными соусами.

Фамилии зачислялись в ту или иную рубрику (скажем, приспособленца, карьериста; либо диссидента, борца; либо нейтрала, завсегда «болота»; либо перебежчика из одного лагеря в другой; либо ошалевшего от всех этих жизненных сложностей слабохарактерного бедолаги) в соответствии с поступками, линией поведения каждого. Особо оговаривались персональные казусы промежуточного, дрейфующего от того или иного морального полюса типа. Наконец, подчеркивалась безмерная сложность и тех, и других, и третьих, и всяких прочих оценок; отсутствие безусловных критериев любого жизненного выбора.

Среди прочих критериев группировки субъектов научного исследования мемуарист считал главным, мне думается, такой как способности к творческому осмыслению собираемого эмпирического материала. То есть в какой степени ученый становится творцом, как бы инженером-конструктором нового знания, а в какой остается стандартизированным эмпириком, ремесленником. «Ремесленники нужны науке. Их работа, сделанная по одному фасону, рано или поздно кому-то пригодится. Но голое описание или классификация материала и наука – отнюдь не синонимы» (С. 46).

Как вы думаете, в какую рубрику Александр Александрович зачислял сам себя? Оглядываясь на пройденный путь, он с горечью признавал: «В моих сочинениях нет основного – мысли, хотя есть неплохие наблюдения» (С. 46).

Вот вам и безжалостный судия. Это-то, как видно, и раздражало «ничтожеств и отпетую сволочь» (С. 44), прикипевших к науке. Те соображали: «Если он, автор стольких и таких книг, так низко сам себя ценит, то где мы тогда находимся по его шкале?» А там и находитесь, куда вас отнес зоркий и правдивый мемуарист.

Как вы полагаете, какой социально-психологический тип более всего ненавистен мемуаристу? Нет, не добровольные палачи своих коллег и приятелей в годы репрессий и проработок. И не самодуры-начальники, которые неожиданно отказывались «публиковать ту или иную мою статью и отменяли мою экспедицию», – вспоминает ветеран археологии. – «Параллельно поощрялись абсолютные дилетанты, не умеющие ни копать, ни работать с источниками. И все

это не получало никакого отклика. И хорошие, и плохие книги ждал один и тот же прием – безразличие. Хуже этого ничего быть не может. Уж лучше резкая полемика и открытая борьба» (С. 81–82). Так что в глазах Формозова хуже всех – равнодушные. «О, это болото, эта золотая середина – неисчерпаемый резервуар потенциальных предателей!» (С. 82).

По молодости А. А. Формозов делил своих коллег на способных и неспособных. А с годами стал делить на честных и нечестных, «причем честная посредственность предпочтительнее <...> самого одаренного жулика» (С. 64). Этот вывод урезонивает тех, кто обвинял Александра Александровича в снобизме, высокомерии по отношению к «рядовым труженикам», провинциалам, научным сотрудникам женского пола и прочим «жертвам беспощадного судьбы».

Галерея социально-психологических портретов ученых

Собственно автобиография составляет только первую треть текста «Записок». Остальные две трети – портреты русских ученых, почти всех из которых автор близко знал. Первую группу составляют археологи старшего для мемуариста поколения. Отдельных очерков удостоены следующие научные работники.

Петр Петрович Ефименко (1884–1969), которого «коллеги не любили, <...> но относились к нему с искренним уважением» (С. 97).

Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943), с его «редкой одаренностью», «колоссальной жизненной силой», но и «авантюризмом, делячеством» (С. 115–116).

Сергей Николаевич Замятнин (1899–1958) – любимый наставник автора и в профессии, и вообще в жизни; «за 59 лет жизни <...> сделал столь много, что имя его не забудется. Но такому яркому и одаренному человеку полагалось совершить гораздо больше. Виноват ли он в этом?» (С. 126). Ведь он «не был способен ни к компромиссам, ни к борьбе без перчаток, мучительно переживал хамство со стороны коллег и их издевательства над наукой...» (С. 125).

Павел Иосифович Борисковский (1911–1991) – «скучный машинообразный субъект» (С. 118), «типичная ученая бездарность, зитцпрофессор, добившийся успеха только прилежанием и усидчивостью...» (С. 127); хотя «честный человек, добросовестно работавший над коллекциями, относительно терпимый к критике», но «...образчик процветающей посредственности, <...> получившей то, что было недоступно талантам» (С. 131) вроде Замятнина или Бонч-Осмоловского.

Александр Николаевич Рогачев (1912–1984), который «даже в старости оставался предельно серым человеком, говорил “лабалатория”», но «человек не без способностей, продиравшийся сквозь завалы книг и коллекций с великим трудом, но порой доходивший своим черноземным умом и до чего-то стоящего»

(С. 127); с успехом использовавший свой фронтальный опыт при разведках таких палеолитических стоянок, которых не увидели на местности многие его вполне культурные предшественники; «неумение четко выразить свои мысли и вообще говорить по-человечески очень мешало Рогачеву, и все-таки он победил в неравном бою» (С. 134) с Ефименко и Борисовским за признание локальных вариантов палеолитической культуры.

Алексей Петрович Окладников – главный антипод мемуариста и в науке, и в жизни. «Этот человек, блестяще одаренный природой, достиг громкой известности и всех возможных у нас почестей, но, подчинив свой талант ненасытному честолюбию, конъюнктурщине и дешевой сенсационности, принес <...> больше вреда, чем пользы» (С. 136).

Вторую группу портретов мемуарист посвятил своим московским коллегам-археологам, что были ближе ему по возрасту и занятиям каменным веком. Среди этих последних в особый раздел выделены слависты, поскольку их древности располагаются рядом с обычной историей, построенной на письменных источниках. И там, и тут – тоже цепочка очерков, только поменьше объемом.

Сергей Владимирович Киселев (1905–1962) – едва ли не единственный среди археологических начальников, о котором мемуарист пишет с симпатией и уважением. «Умный ученик Городцова». Именно он, по наблюдениям Формозова, нашел методические пути от вещевых коллекций к древней истории того или иного региона (хозяйство, общество, идеология здесь по археологическим данным в отдельные эпохи древнейшего прошлого). Административная карьера и Киселеву не дала раскрыться в науке полностью, но сделанное им добротное, «да и конкурентов он не изничтожил» (С. 153) наподобие Окладникова и Рыбакова.

А вот Евгений Игнатьевич Крупнов (1904–1970) – один из самых антипатичных по тупости и невежеству персонажей «Записок». Фактов, эпизодов тому приведено в «Записках» предостаточно. «Глупый ученик Городцова».

С искренней приязнью выписаны портреты ученых дам – Татьяны Сергеевны Пасек (1903–1968) и Марии Евгеньевны Фосс (1899–1955). Первую за величавую статью прозвали «советской княгиней», а в лице второй мемуарист видел толстовскую княжну Марью. Высоко оценивая обеих как исследовательниц, Формозов выделяет Марию Евгеньевну, жизнь которой оборвалась на взлете, в начале нового этапа исследований, а вот Татьяне Сергеевне перед уходом уже нечего было сказать.

Александра Яковлевича Брюсова (1885–1966) Формозов не любил, в чем и признается еще раз в «Записках». Почти весь очерк о нем мы с С. В. Кузьминых

процитировали в послесловии к изданию брюсовских воспоминаний¹⁴. Выполнен этот очерк в темных тонах, но отмечаются и некоторые (не все возможные, на мой взгляд) заслуги «Александера», начиная со смелой защиты локальных культур в палеолите – против всеильных в свое время социологизаторов от советского марксизма, таковые отрицавших.

Раздел «Слависты» открывается колоритной фигурой Артемия Владимировича Арциховского (1902–1978). Он прямой учитель Формозова и по университету, и по институту. По сравнению с предыдущими очерками автора о нем (из книг о московских археологах) в «Записках» прибавилось упреков – в соглашательстве с людоедской политикой начальства, неполной реализацией себя в науке. Но и благодарность учителю в очередной раз выражена мемуаристом.

А. А. Формозову и в друзьях, и, конечно, особенно во врагах, научных антиподах не нравилась эта черта: достигнув той или иной степени известности, заняв некие руководящие посты, почивать на лаврах, повторяться или откровенно бездельничать. Тот же Арциховский, вспоминал как-то в разговоре со мной Александр Александрович, приезжал сначала на одно из мест своей службы, на кафедру археологии МГУ, но как только лаборанты пытались что-то согласовать с шефом, махал руками, говорил: «Завтра, завтра, сейчас срочные дела в Академии». Однако, переехав в институт, просматривал корреспонденцию журнала, а от всего остального отговаривался занятостью в университете. И так изо дня в день, год за годом.

Видимо, сознавая и за самим собой эту опасную склонность опускать руки в пору общественных и служебных неурядиц, А. А. Формозов не давал ей развиваться и заставлял себя писать при любых обстоятельствах. В списке его публикаций нет пропущенных лет! С 1945 по 2009 г., и еще пару-тройку лет посмертно выходили его сообщения, статьи, тезисы, брошюры, монографии, сборники, словари и антологии с его участием. 65 лет археологии!! При такой нелегкой наследственности, при тяжелых семейных обстоятельствах, при равнодушном, как правило, отношении окружающих.

А вот портрет Бориса Александровича Рыбакова (1908–2001) столь же беспощаден, как и окладниковский. Чуть-чуть и у него от «доктора Джекиля», но гораздо больше от «мистера Хайда». Недавно похожий по объему биографически-мемуарный очерк о нем же опубликовал (сначала в сетевой газете «Троицкий вариант», затем в выходящей из печати истории русской археологии) Л. С. Клейн. Назвал его «Воевода советской археологии». В глазах Формозова, который куда дольше и ближе знал академика, отразился не мудрый стратег-воевода, а скорее фельдфебель-самодур. «Так и Рыбаков мечтал о бьющей ключом научной жизни,

¹⁴ См.: Брюсов А. Я. На тропах археологии. Воспоминания / сост. С. В. Кузьминых, С. П. Щавелев. М. ; Курск, 2012.

<...> но при условии, что все будут ходить по струнке и не посмеют и пикнуть» (С. 170).

Петр Николаевич Третьяков (1909–1976) проделал едва ли не уникальный опыт ухода из науки на самый верх советской власти, в ЦК партии, а потом нашел в себе силы вернуться в науку и добросовестно продолжить полевые и кабинетные занятия ею. Это высоко оценивается мемуаристом, хотя им же и порицается, ведь оно подорвало незаурядные задатки этого исследователя.

Михаил Михайлович Герасимов (1907–1979), на взгляд мемуариста, «приспосабливался <...> не к политическим лозунгам минуты, <...> а к праздному любопытству мещанской аудитории» (С. 178). Восстановление лица по черепу мало, что добавляет к научным реконструкциям первобытности. Сделав такой вывод, Александр Александрович игнорирует пользу от популяризации науки, которой он сам отдал щедрую дань. Но то, что Герасимов растерял свои находки с уникальной палеолитической стоянки Мальта, не ввел их как следует в научный оборот, действительно непростительно.

Зато Павел Николаевич Шульц (1900–1983) в «Записках» символизирует те жертвы, что понесли столичного уровня честные специалисты, которых выжили из науки тупые советские чиновники. Героя войны, партизана-инвалида, энтузиаста крымской археологии заставили вернуться в Ленинград, где ему оставалось лишь тосковать по любимой Тавриде.

Выше всех среди наших археологов-славистов старшего поколения мемуарист ставит Михаила Илларионовича Артамонова (1898–1972) и Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). И тот и другой с честью выдержали самые тяжелые годы проработок и теоретической реакции, гонения начальства, но никогда не поддались соблазну подольститься, примкнуть к гонителям истины в науке. А главное – продолжали трудиться несмотря ни на что и на шестом десятке лет сумели раскрыться как ученые с максимальной силой. Их экспедиции, коллекции, их монографии оказались самыми долговечными. По ним будут учиться новые поколения археологической молодежи, уверен мемуарист.

Исключительно высоко оценивал мемуарист и фигуру Александра Александровича Иессена (1896–1964). В своем последнем интервью, что мне удалось взять у А. А. Формозова¹⁵, он посетовал, что не успел написать про него статьи. «Но как ни уважали Замятина и Иессена специалисты, начальство их недолго любило. Оба они были беспартийными, чуждыми духу конъюнктурщины и рекламы, побывали за решеткой. За это и расплачивались. Со средствами на экспедиции и с печатью им фатально не везло, за границу их не выпускали, даже докторскую

¹⁵ См.: Интервью А. А. Формозова (данное С. П. Щавелеву 12 декабря 2008 г.) // Щавелев С. П. Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 2009. С. 434–443.

степень им не присудили, хотя в доктора проходят люди, сделавшие неизмеримо меньше» (С. 62).

Ситуация, когда лучшие исследователи оттесняются карьеристами на задний план, не исключение, а скорее правило для отечественной науки советского (но не только) периода. «В МГУ до 1969 года профессорствовал Борис Николаевич Граков – в прошлом блестящий знаток античных и скифских памятников. В прошлом. Вынужденный уйти из Академии после конфликта с Рыбаковым, он быстро постарел, опустил, махнул на все рукой» (С. 62).

Как видно, за десятками разных по типу поведения коллег автор «Записок» прослеживает типичные варианты жизненного выбора в условиях революционной ломки российского общества. Вампиры и их жертвы, если делить по крупному. Праведники, злодеи и компромиссники, если детальнее. Ну, и всегда остающиеся в меньшинстве подвижники, «высоко державшие знамя науки». Напомним, что в остальных мемуарах свидетелей той эпохи – «беззаветные герои все» подряд, как пелось в революционной песне.

Попутно с перечисленными фигурами упоминаются, так или иначе характеризуются десятки других ученых. Кто-то из них положительно, кто-то отрицательно, кто-то противоречиво.

Эту вторую часть мемуаров заключает ключевой для автора раздел – «*В поисках точки отсчета*». Здесь сконцентрированы его заветные, выношенные всей жизнью в науке выводы относительно того, как она должна быть организована, как нужно вести себя ее служителям. Я ссылаюсь на эти наблюдения в заключение рецензии.

Последняя третья часть воспоминаний – «*Встречи и судьбы*» – в наибольшей степени дань памяти тем коллегам, которые, не принадлежа к одной с мемуаристом профессии, то есть не будучи археологами, оказались ему самыми близкими по духу, оказали наибольшее влияние на становление его личности. Здесь прежде всего охарактеризованы два антрополога, по сути научных руководителя молодого Формозова на отдельных ступенях его творческого роста – Георг(ий) Францевич Дебец (1905–1969) и Яков Яковлевич Рогинский (1895–1987). Затем выдающиеся представители иных сфер советской культуры – искусствовед Виктор Никитич Лазарев (1897–1976), историк Александр Александрович Зимин (1920–1980), писатель и литературовед Аркадий Викторович Белинков (1921–1970) и популяризатор гуманитарной науки, историк Натан Яковлевич Эйдельман (1930–1980). Всех их А. А. Формозов любил, уважал, почитал. Об этом и ведет речь, мимоходом замечая те или иные штрихи характеров каждого, что ему лично были далеки. Но эти штрихи ничуть не затеняют общей высокой оценки каждого – и научной, и личностной.

Продолжает раздел – очерк «*Краеведы*». Здесь автор резюмирует это общественное явление, в целом верно обозначая этапы его изменения в нашей стране. На рубеже XIX–XX в. это были просвещенные чиновники, офицеры, священнослужители и тому подобные ценители местной старины, добровольно составлявшие на местах статистические комитеты, ученые архивные комиссии и другие объединения. Я бы уточнил, что они тогда считали себя никакими не «краеведами» (это советский неологизм), но любителями истории, археологии, этнографии. Перед нами яркое проявление того гражданского общества и демократического государства, что исподволь формировалось в императорской России. С губернскими и даже уездными любителями древностей на равных взаимодействовали такие центры русской науки, как Императорская Академия наук, Министерство народного просвещения, Археологическая комиссия при министерстве императорского двора, университеты, общенациональные ученые общества вроде ИРГО, ИОЛЕАЭ, ИМАО, ИРАО, Археологические институты в старой и новой столицах и другие инстанции.

После революции краеведческое движение на несколько лет объединило остатки старой интеллигенции и кое-кого из пролетарских энтузиастов новой культуры. Разгром краеведения в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. проиллюстрирован автором ужасной статистикой репрессий против краеведов в Москве и Ленинграде, Белоруссии, Центрально-Черноземной области. А вот объяснения того, почему после войны краеведение по всей стране возродилось в упрощенном, карикатурном виде, у мемуариста частичные, поверхностные. Да, в Вятке был Е. Д. Петряев (1913–1987), в Курске Ю. А. Липкинг (1904–1983), в Брянске Ф. М. Заверняев (1919–1994) и так почти по всем регионам. Они много сделали для изучения «своих» древностей, очень помогли профессиональным ученым из обеих столиц. Но и эти энтузиасты, кто больше, кто меньше, грешили дилетантизмом. Да и не могли они в одиночку заменить тот коллектив исследователей, который способен как-то контролировать состояние древностей на огромных просторах такой державы.

В общем, идеализировал А. А. Формозов советских краеведов всех поколений. Ждал от них большего, чем те могли дать. Видимо, по контрасту с нравами академического и университетского мира, который он знал лучше провинциального. Причисленный мемуаристом к лику краеведов доцент, а теперь профессор Вятского педагогического института Виктор Бердинских вызвал у Формозова наиболее теплые чувства. От сугубо журналистских очерков этот вятский «член союза писателей» дорос до нескольких пухлых томов об «уездных историках» и «ремесле историка в России»¹⁶. Однажды выказав душевное расположение моло-

¹⁶ *Бердинских В. А. Уездные историки : русская провинциальная историография. М., 2003; Он же. Ремесло историка в России. М., 2009.*

дому услужливому коллеге, А. А. Формозов уже не смог отказаться поддержать его даже в таких антинаучных проектах, как апологетическая история кладоискательства (рецензию на эту позорную книгу с послесловием А. А. Формозова я опубликовал в «Российской археологии»¹⁷).

Про так называемое райтерство – писание научных работ за других, торговлю диссертациями – Александр Александрович, слава богу, кажется, не успел узнать. Объясняю наивную доверчивость метра к провинциалам той изоляцией, которую мемуарист ощущал в среде столичных коллег. А в провинции оказались те же противоречивые нравы – от подвижнических до жуликоватых – что и в столичных центрах.

В качестве дополнений к воспоминаниям автор записал некоторые любопытные эпизоды детства и юности. В этом «Калейдоскопе» каждый из вроде бы случайно попавших сюда персонажей тоже, как и ученые, иллюстрирует многие социально-психологические типы людей разных поколений и общественных рангов. Тут и подруга бабушки, «тетя Маня Кирьякова», старозаветная дама, подарившая десятилетнему Сашеньке томик «Доисторической жизни» братьев Мортилье в русском переводе начала прошлого века (главная тогда книга по палеолиту – «не удивительно ли это?») (С. 248); и гагаузская нищая «семья Люцкан», приютившая москвичей Формозовым в эвакуации, а потом навещавшая в столице и жалевавшая об их скромном домашнем обиходе (получалось – как далек народ от интеллигенции); и одноклассник Лева Каминский, ставший доносчиком на товарищей, а под старость пытавшийся извиняться перед выжившими; и такое явление научной жизни, как «внедрение» – проталкивание в академические учреждения малограмотных и нечистоплотных личностей, причем вполне почтенные ученые писали за них монографии, диссертации (как Б. Л. Богаевский – книгу о крито-микенской культуре для «пролетарского кадра» Дальского); и встреча с «железным Шуриком» – партайгеноссе А. Н. Шелепиным, который требовал от аспирантов Формозова и Янина связать скандинавскую археологию с освоением целины в СССР; и про литературоведа, затворника по инвалидности Александра Вениаминовича Храбровицкого, который по доброй воле много лет по телефону сообщал мемуаристу те или иные сведения по кругу «его» персонажей («Помочь в работе незнакомому человеку...») (С. 261); жаль, что эта замечательная традиция встречается в нашей среде не так часто); и опровержения очевидца на воспоминания его аспирантского товарища, в будущем академика В. П. Алексеева «Общение»¹⁸ – Валерий Павлович в молодости поругивал антро-

¹⁷ См.: *Щавелев С. П.* Рец. на кн.: *Бердинских В. А.* История кладоискательства в России. М., 2005 // *Российская археология*. 2006. № 4. С. 172–175.

¹⁸ См.: *Алексеев В. П.* Общение // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 1–6.

пологов старших поколений, а под старость о каждом написал восторженно; и еще ряд любопытных сюжетов.

Эти немудреные зарисовки нравов и быта поучительны – мало кто из творческих людей находит силы и время запечатлеть подобные коллизии своей жизни, а зря. На этом настаивал Александр Александрович Формозов. Пусть не каждый из нас столь же талантливый рассказчик, как, допустим, Сергей Довлатов, Петр Вайль или Александр Генис, но каждому встречается такое, что надо запомнить, пересказать для друзей, а может быть и для гораздо более широкого круга благодарных слушателей.

* * *

Сквозной вопрос, звучащий в этих мемуарах: «Как же жить?». В условиях то ли самодержавного абсолютизма, то ли красного террора, то ли советского застоя, то ли бандитской «демократизации», то ли постсоветской «стабильности». Любому непредвзятому читателю формозовских воспоминаний будет увлекательно и полезно искать вместе с автором ответ на этот кардинальный вопрос. А мы еще вернемся к нему в завершение этого отзыва. Противникам же формозовской критики, которая суть искренняя и глубокая рефлексия крупного мыслителя-гуманитария, ответ на этот вопрос ясен. Не высовываться, не раздражать начальство, «ложиться» под любой авторитет. В общем, быть Молчалиным ради того, чтобы со временем стать Фамусовым или Скалозубом. Люди не меняются, нравы тоже. «Горе от ума» и совести – рефрен формозовских воспоминаний и размышлений.

Вышеупомянутые Пряхин и Мельникова и множество их единомышленников противопоставляют формозовской откровенности и принципиальности реанимируемый в «постсоветской» России стиль трусливого конформизма, стремление предусмотрительно кадить, что называется, и вашим, и нашим. С их точки зрения «образцом взвешенной и корректной научной оценки деятельности коллег» является «биографическое издание «Истории России. Биографии» (М., 2001)»¹⁹ и тому подобные опусы.

Вся натура Александра Александровича восставала против тезиса «мамы всякие нужны, мамы всякие важны» в науке и общественной жизни. И он был не одинок в искреннем стремлении быть честным. В одном из последних своих выступлений в печати другой ветеран исторической науки А. Я. Гуревич давал прямо противоположную Мельниковой оценку антиисторично приглаженных биографических изданий. Он вслед за Формозовым тоже «назвал нескольких лиц, которые сознательно громили науку в [19]40-е – [19]50-е годы, боролись за то, чтобы захватить в ней ведущие административные позиции и ввести новые по-

¹⁹ Мельникова О. А. Указ. соч. С. 195.

рядки». В итоге коллеги, «которые прежде молчали, начали верещать, что я-де оклеветал честных людей, что эти люди были благородны, что они развивали историческую науку. <...> Молодые могут поверить, что эти люди были благородными подвижниками. Многие из старшего поколения просто не хотят на эту тему говорить, молчат, у них на это свои причины. <...> А кое-кто и просто хочет произвести реставрацию “доброе старое” времени нашей исторической науки, показать, как все было хорошо. Вот под редакцией академика Севастьянова вышло уже четыре тома “Портретов историков”. Я ознакомился с двумя томами. Наряду с серьезными статьями <...> там есть статьи, в которых совершенно искажена общая картина. Может быть, советские историки “самоотверженно трудились”, не спорю, – но в какой среде это все происходило? Разве это была благоприятная научная, идеологическая, политическая, жизненная среда? Или все-таки фон был совсем другой? Этот фон вообще отсутствует. Тишь да гладь. Не в этом ли пафос всего многотомника? (Как и вышеупомянутых сочинений Пряхина и Мельниковой по историографии. – С. Щ.). Положим, человек делал гадости – ну, это издержки, зачем об этом говорить? Или он “самоотверженно” твердил, что дважды два именно четыре, – это почему-то преподносится как научное достижение»²⁰.

О том же самом, только полнее и точнее, писал в своих историографических обзорах А. А. Формозов.

Хотя его «Записки» в какой-то своей части повторяют напечатанное при жизни автора, но они весьма существенно дополняют наше представление о личности и взглядах Александра Александровича. Точнее говоря, автор неоднократно заимствовал из своих рукописных «Записок» материалы для книг, статей, некрологов, выходявших в 1980–2000-е годы. Но и в изданных сейчас воспоминаниях и размышлениях преобладающая часть текста публикуется впервые, а те сюжеты, что перекликаются с прижизненными публикациями, в «Записках» даны шире, подробнее и откровеннее.

Чтобы закончить с датировкой этих мемуаров, отмечу, что, болея на старости лет все больше и больше физически, но психологически и интеллектуально Александр Александрович избежал, на мой взгляд, того возрастного кризиса, которым были отмечены биографии его отца и деда, и дяди по матери, известного орнитолога А. Н. Промптова. Точнее, он сознательно, планомерно обманул свою генетическую судьбу, несколько раз в моменты душевного спада, разочарования в окружающих и в себе самом, меняя тематику исследований и манеру письма. Руководствуясь при этом завидной логикой: писать о том и так, как ему в тот или иной момент больше всего нравилось по натуре, к чему влекло с ранних пор. Вот в чем оказалось его противоядие от житейских потерь и ударов судьбы:

²⁰ Гуревич А. Историк у верстака // Отечественные записки. 2004. № 5 (19). С. 7–8.

«героев своих надо любить», будь то у археолога охотники на мамонтов финального палеолита Восточной Европы или строители русской археологии позапрошлого века. А когда одни герои покидают твою душу, найти для себя новых. Не всем этот рецепт подойдет, но для формозовской натуры он оказался спасительным. Так полевая археология эпох камня и бронзы (1940–1950-е) сменилась в его научной биографии историей и теорией первобытного искусства (1960–1970-е), а та историографией отечественной науки (1970–1990-е). Наконец, пришла пора высказаться публично о самом главном в его представлениях ученого и гражданина – об этике и психологии науки, миссии российского ученого (1990–2000-е). Тут уже пришлось не только любить героев-современников, но и не любить, разоблачать антигероев вокруг себя. А это тоже мотив для творчества у пожилого, больного и разочарованного, но не сломленного человека.

Разумеется, между этими отрезками формозовской интеллектуальной биографии оставалась преемственность; на каждом новом этапе он возвращался к чему-то из прежних сюжетов, и эти возвраты знаменовались статьями и даже книгами. Но об отходе от прежней тематики автор честно и гласно предупреждал коллег и читателей. Работы по всем этим направлениям готовились и иногда публиковались им как до, так и уже после очередной смены исследовательских пристрастий. Каких-то интеллектуальных метаний, душевных катаклизмов в его ученой жизни не заметно. Каждое новое направление исследований вызревало в недрах предыдущего исподволь (любимое формозовское словцо!). Свои итоговые, самые важные для него книги он подготовил и напечатал²¹, вместе с основательно доработанными переизданиями²², как раз за последнее десятилетие своей жизни. Все, кто лично общался с ним в 1990–2000-е годы, подтвердят, что его память оставалась все такой же огромной на имена и события, восприятие собеседника и суждения живы и остроумны. За месяц до кончины, предельно ослабев после длительного пребывания в клинике, он дал мне интервью и нашел силы его выправить в корректуре печатного издания.

Как и положено любой мемуарно-аналитической книге, эта вызовет немало возражений и недоумений. Отдав должное персонализированной истории гуманитарной науки, попробуем выделить возможные претензии концептуального уровня. Даже не претензии, наверное, а сомнения, размышления в связи с поднятыми мемуаристом темами, его вариантами решения вечных проблем науки и жизни. Принципиальными вопросами, которые А. А. Формозов задает нам с того света. Разделяя и от всей души поддерживая большинство его суждений, некото-

²¹ См.: *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004; 2-е изд., доп. М., 2006; *Он же.* Человек и наука. Из записей археолога. М., 2005.

²² См.: *Он же.* Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 2000; *Он же.* Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. 2-е изд., доп. М., 2007.

рые из них я попробую осторожно уточнить. Постараюсь поглядеть на них с разных сторон, в том числе с тех, что моему учителю были откровенно малосимпатичны, органично чужды.

Что дает наше университетское образование?

Формозов благодарит нескольких своих преподавателей по историческому факультету МГУ за ценные уроки, но в целом оценивает уровень обучения там отрицательно. С 1950-х годов, когда он был там студентом и до сих пор, зная многих преподавателей и слушая рассказы студентов нынешних. Суть претензий: вместо того, чтобы учить мыслить, пичкают все новыми порциями фактов; не дают философии и методологии профессии, лишь примитивную методику раскопок (и вообще эмпирических – полевых, архивных, музейных занятий). «... Университет представлял собой не что иное, как 11–15 классы средней школы. Здесь нам предлагали задолбить еще сотни дат, имен и событий и совсем не объясняли, что же надо делать с этим сырым материалом специалисту» (С. 43).

Что говорить о провинциальных институтах, в основном педагогических. Тамошних выучеников мемуарист априори зачисляет в невежды. Что ж, похожие обвинения мне доводилось слышать и совершенно независимо от А. А. Формозова. Да, даже на истфаке МГУ медиевистов-русистов уже давно не учат палеографии, древним языкам, источниковедению так, чтобы они могли продолжить славные традиции А. А. Шахматова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Милова, Я. Н. Шапова и прочих корифеев. Даже если твоей курсовой, дипломной работой руководили член-корреспондент или полный академик РАН. Сами-то они палеографией да текстологией владеют виртуозно, но возиться на старости лет с курсовиками да дипломниками им уже не хочется. Единицы как-то выучиваются сами уже после выпуска, в аспирантуре или вполне самостоятельно. Приличных текстологов среди новых поколений почти нет. Практически все археологическая русисты, даже ставшие профессорами, не могут читать летописи в оригинале. А заканчивали тот же МГУ. Что уж говорить о провинциальных пединститутах, тоже именующихся теперь университетами.

Таланты исследователя и педагога редко совпадают. А. А. Формозов всю жизнь упорно отказывался от преподавания, хотя его неоднократно приглашали вернуться в *alma mater*. Те, кто на такие приглашения согласился, не вызывали у Александра Александровича энтузиазма. Часть выпускников последних десятилетий разделят его негативные оценки.

Формозовские инвективы по адресу *alma mater* во многом справедливы. Но все же худо-бедно штаты кафедр, академических институтов, музеев как-то комплектуются; находятся энтузиасты, более или менее способные, среди каждого нового поколения выпускников истфаков. А недовольство формозовского толка

своими официальными наставниками, не есть ли вечный синдром некоего неизбежного разрыва поколений? Не бросив вызова предшественникам, не пойдешь дальше них... Просто в печати, на официальных трибунах ученые говорят о своих предшественниках и тем более сверстниках обычно только хорошее, оставляя недовольство ими же для частных разговоров. Против подобного двуличия и выступал всегда автор «Записок русского археолога».

Роль теории и методологии в специальной науке

Выше было упомянуто, что мемуарист всю сознательную жизнь искал общую идейную основу своих историко-археологических занятий. Применительно к своему отцу А. Н. Формозову, признанному в мире одному из основоположников биологической экологии, отмечал, что де тот «биологию и смежные науки знал хорошо, но, пожалуй, не искал и не вынашивал исподволь какую-то единую систему взглядов, некую философскую базу для всех конкретных исследований. Я чувствую, – признавался мемуарист, – что и в моих книгах и статьях недостает такой базы» (С. 23). Хотя и читал всю жизнь всевозможных писателей и философов разных стран, народов и времен.

Узнал, какая у Формозова-археолога была мировоззренческая база, его ленинградский коллега и старинный приятель Лев Самуилович Клейн. Он объявил и его «теоретиком археологии»²³. А в доказательство стал почему-то разбирать труды Формозова по истории науки. На мой взгляд, тут спутаны понятия. Прежде всего – теории и методологии. Теория, как известно, описывает и объясняет объект. А методология следит за работой субъекта и обобщает его опыт познания и действия.

Далее Клейн говорит о позитивистской установке Формозова. Это де основа методологии его, Формозова, мышления. Причем далеко не только его, но и абсолютного большинства российских археологов. По крайней мере, в той интерпретации позитивизма, что приводится Львом Самуиловичем в его очерке. Но ведь теорию в клейновском ее понимании в своем большинстве они, практикующие археологи, молчаливо игнорируют. Люди предпочитают работать по специальности. А не говорить о работе, каких-то ее предпосылках. Точно так же Формозов несколько раз писал, что всякие модные словечки вроде «парадигмы», «гипертекста», «консеквенции» и тому подобные ничего не дают археологам-практикам. Это заумствование по части Я. А. Шера и иже с ним. А что, разве не так? Покажите мне успешного археолога-полевика, отдельно от своих отчетов рассуждающего об «археологических культурах».

²³ Клейн Л. С., Щавелев С. П. Александр Александрович Формозов (1928–2009). Послесловие. Курск, 2011. С. 43.

В свое время А. С. Лаппо-Данилевский заставлял всех студентов-историков Петроградского университета слушать свой спецкурс по неокантианству. Они покорно ходили, но в мемуарах плевались, отреклись. Вердикт их был такой: «Заниматься методологией все равно, что доить козла»²⁴. Поэтому, зачисляя Формозова в теоретики, мы в чем-то упрощаем его образ. Сам Александр Александрович себя теоретиком не признавал.

Скажу больше, при всем моем интересе и уважении и к теории, и к методологии, и особенно к истории науки, нельзя не заметить их объективного вреда для той же полевой и кабинетной археологии. У нас масса ненайденных и нераскопанных объектов, у нас множество раскопанного материала лежит толком не то что неизданным, но даже не обработанным, не законсервированным, не музеефицированным. Специалистов, могущих и призванных выполнять эту научную и музейную работу, наперечет. Так нет же, многие из них все чаще и плотнее занимаются историографией... А не то еще и «теорией». Как правило, не связанной прямо с их научной тематикой в археологии. Как выразился кто-то из зарубежных коллег, это все равно, чтобы часть футболистов переместилась бы с поля на трибуны и взялась комментировать игру тех немногих, кто еще сам играет в футбол...

К теоретической базе формозовских работ по истории науки я бы отнес его идеологические предпочтения – наследника русской разночинской интеллигенции, демократа и патриота (без всяких кавычек для этих публицистически замусоленных ярлыков). Она выполнена с других идейных позиций, которые Формозов вряд ли бы принял. Но между имперским и либеральным пониманиями патриотизма в гуманитарной науке скорее отношения дополнительности, а не взаимного исключения. И эта вот идейно-теоретическая подкладка историографических исследований работает в них (отбор материала, оценки разных фигур), а не располагается отдельно, как у Л. С. Клейна (который вряд ли случайно так и не выпустил второго, обещанного тома своей «Теоретической археологии»).

Повторю и резюмирую немного по-другому. Формозов отнюдь не игнорировал, не третировал настоящую теорию, философию. Напротив, он всегда искал у других, мечтал сам проявить широкий взгляд на свой предмет, вслед за фактологическим и типологическим анализом дать глубокий синтез в той или иной области знания. Например, применительно к своему старшему другу искусствоведу Виктору Никитичу Лазареву он с «белой завистью» отмечал, что «его монографии касаются не частных вопросов, а самого главного для данной области знания. Они посвящены наиболее выдающимся художникам, важнейшим школам, памятникам первостепенного значения, узловым моментам в развитии культуры

²⁴ Цит. по: *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка. Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 378.

и не одной какой-то эпохи или страны, а по крайней мере четырем разделам истории искусств – византийской и древнерусской живописи, итальянскому Ренессансу и европейским мастерам XVI–XVIII веков» (С. 197). Схожие восторженные оценки широте и глубине мысли у Формозова встречаются и применительно к А. С. Уварову, С. И. Вавилову, Я. Я. Рогинскому и некоторым другим ученым. Но только не применительно к научным фантастам типа И. Е. Забелина или Н. К. Рериха, Б. А. Рыбакова или А. П. Окладникова.

Иначе говоря, А. А. Формозов мечтал о том, чтобы идеи великих философов, писателей, художников наводили ученых специалистов – археологов, историков, искусствоведов и прочих – на какие-то принципиальные обобщения, тотальные выводы из их собственного материала. «Надо искать выхода из лабиринтов книг и стеллажей с архивными документами и археологическими коллекциями к большому, волнующему все человечество вопросам – этическим, эстетическим, философским» (С. 83).

Философия тут увенчивает результаты конкретно-научного синтеза. Связывает науку с остальной культурой. А у теоретиков уровня Л. С. Клейна, Я. А. Шера теория предлагается только для самих же археологов, ограничивается их специфическим материалом. И отгораживает науку от культуры.

Столица versus провинция

В оценке соотношения столичных и провинциальных центров археологии А. А. Формозов несколько отстал от жизни. Справедливо ругая провинциалов послевоенных, да и многих последующих лет за серость и карьеризм, он не заметил, не захотел увидеть, что постепенно положение изменилось. По многим направлениям именно в провинции сложились ведущие в стране научные центры с международными связями, передовыми по методике раскопками, весьма качественными изданиями, интересными музеями. А столичные коллеги во многих отделах академических учреждений постарели, их деятельность поугасла, равноценной замены им не находится. То ли потому, что наука перестала привлекать молодежь в кризисные 1990-е гг., то ли потому, что многие старики ревнуют к ее успехам, подбирают в помощники и преемники серые кадры. Теперь во многих московских и петербургских экспедициях официальных начальников замещают выходцы из провинции. Они прекрасно подготовлены для работы в поле, для составления сложных отчетов, которые сегодня предельно компьютеризированы. Столичную же молодежь в науку (тем более такую хлопотную, как археология) тянет меньше, есть более денежные занятия. А у провинциалов – здоровое честолюбие, завидная энергия, да и подготовка теперь уже на должном уровне. В конце концов, родители самого А. А. Формозова доказали это в экспериментальном порядке. А сегодня о том же свидетельствует масса его поклонников, соавторов трех

сборников в его честь, большинство из которых – сегодняшние или вчерашние провинциалы. Интернет, международные контакты доламывают барьеры между столицей и провинцией. Да и сам же Формозов своими публикациями, консультациями сформировал целую сеть специалистов по историографии из Петербурга, Мурома, Вятки, Воронежа, Саратова, Курска, Омска, Красноярска, других региональных центров. Вот вам и провинция. . .

* * *

Поблизости от обозначенной дилеммы «столица / провинция» в науке и культуре располагается *вопрос о социальных корнях претендентов на звание ученого*. Наблюдения Формозова по этому поводу противоречивы. Он то хвалит преуспевших в науке выходцев из крестьян И. И. Ляпушкина и А. Н. Рогачева, то ругает «сына мясника» академика В. П. Алексеева и сына «провинциального адвоката» академика А. Л. Яншина; то восторгается упорством своих родителей, сумевших за несколько лет получить в столице образование и утвердиться на высотах науки, то не одобряет своего отца, стремившегося привлечь в ученики и сподвижники рабфаковцев, бывших красноармейцев да чекистов. Мне кажется, надо понять А. А. Формозова таким образом. Конечно, в среднем, в целом лучшие исследователи получаются из тех, кто воспитан в интеллигентных семьях. «Отнюдь не все равно, слышит ли ребенок изо дня в день об университете, науке, книгах и экспедициях, или о шифоньерах, отрезах, блате и взятках» (С. 11). Недаром говорится про три университета, которые нужны для выделки интеллигента – высшую школу должны были пройти еще твой отец и дед. И все же из этого правила имеются исключения, порой довольно многочисленные. Тут все дело в способностях и упорстве выскочки из общественных низов на вершины науки и культуры. И в его ценностных приоритетах: знания в первую очередь или только служебная карьера? Не вдаваясь в детали, замечу, что никакого «социального расизма», даже московского снобизма в «Записках» Формозова читатель не найдет.

Долой феминизм!?! О месте женщин в науке

Будучи счастливо женат на ученом с мировым именем – античнице Марианне Казимировне Трофимовой, А. А. Формозов не жаловал остальных коллег в юбках. Заметной частью академического балласта он считал «дам и мужчин дамского склада. <...> Женская аккуратность и тонкая наблюдательность в лаборатории незаменимы. Но <...> чаще всего дамы – узкие специалисты, широкие горизонты и ясное представление о целях и путях науки им несвойственны. К тому же все проблемы и исследования значат для них куда меньше, чем семья, дом, любовь, дети. Женщины хороши в роли лаборанток, помощниц, сотрудниц. <...>

Беда, если, как у нас в Институте, они составляют три четверти коллектива, и в общественном мнении их голоса звучат громче всех. И авторы полезных сводок об амфорных клеймах или керамике какой-нибудь эпохи, и абсолютно бестолковые бабы стремятся к одному – тихо и спокойно возиться с закрепленными за ними маленькими темами. Им невдомек, почему кто-то чем-то недоволен и ругает за перемены. <...> Естественно, на этом фоне Окладниковы и Рыбаковы благоденствуют» (С. 67).

Хотя для отдельных ученых дам Александр Александрович делал исключение. Неизменно подчеркивал научные заслуги матери, Любви Николаевны, в девичестве Промптовой, химика и геолога. С восхищением писал он о своих наставницах Татьяне Сергеевне Пассек, а в особенности о Марии Евгеньевне Фосс, чье учительство ершистый Саша Формозов благодарно принимал. А вот среди ровесниц и младших поколений академических женщин мало кого признавал, печатно объявляя их бездарностями и конъюнктурицами.

Если отвлечься от персоналий, с некоторыми (но далеко не со всеми!) из которых Формозов, наверное, переборщил, ругая их, то в целом оценить прекрасную часть ученых придется противоречиво. Как известно психологам, гендерное распределение интеллекта в популяции асимметрично. Чтобы лучше понимали студенты, я когда-то предложил такую формулу: «...Если гениев среди прекрасного пола действительно немного по сравнению с полом сильным, то вот дураков явно больше, чем дур»²⁵. Давайте поищем женщин среди нобелевских лауреатов. Давайте поищем зрелых мужчин среди лаборантов. Именно поэтому, а не по семейным обстоятельствам, в математике да теоретической физике дамам тяжелее, чем в археологии с ее кропотливой камеральной, музейной нишей. На ролях исполнителей, да еще при дефиците мотивированных мужчин, их почти повальном у нас алкоголизме, дамская часть историков, археологов, искусствоведов-реставраторов, текстологов, редакторов, корректоров, лаборантов, архивистов, музейных хранителей, экскурсоводов свое дело знает и исполняет на совесть. Но зато среди пробившихся на мало-мальски руководящие посты дам-самозванок я встречал много. Толковая женщина профессор, заведующая сектором, директор – большая редкость, хотя бывают и счастливые исключения. Формозова тоже, очевидно, раздражала личностная, бытовая ангажированность ученых дам: быт, семья (а особенно ее отсутствие), дети (тем более их отсутствие) часто теснят науку. Что уж тут поделаешь, надо признать это. Сильный и прекрасный пол в цивилизованном обществе юридически равны, но это равенство распространяется далеко не на все профессии. Пожалуй, это аксиома. И никакая эман-

²⁵ *Щавелев С. П.* Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994. С. 108.

сипация их не уравнивает. Женщины-боксеры ничем не помогут женщинам-шахтерам. Бизнес-вумен не ровня научным сотрудницам.

Похоже, мой учитель все-таки разглядел настоящую дилемму женщин, пошедших в науку. Ярче всего он показал эту коллизию на примере своей матери. Отметив ее научные достижения, принесшие ей кандидатскую и докторскую степени, уважение серьезных академиков, с которыми она работала, сын отмечает, что «для нее самой, подобно большинству женщин, важнее всего были не поиски истины, а семья, дети, личная жизнь» (С. 28). Получается, чем серьезнее вклад дам в науку, тем меньше у них женственности, семейственности и наоборот.

Напомню его неподражаемое эссе на эту тему: «Бедная Маша!» «Сложнее с бездельниками, – мудро предупреждал А. А. Формозов. – В каждом научном учреждении таковых предостаточно. Все мы знаем типичные случаи: приходит в институт милая молодая женщина. Довольно скоро ее жизнь в подробностях известна сослуживцам. Старики-родители болеют, получают маленькую пенсию, муж пьет, сын связался со скверной компанией и т.д. Жалко бедную Машу! Голова ее занята домашними бедами, где уж тут наукой заниматься. И держат Машу в штате до пенсии, а то и до смерти. О том, что на ее месте мог бы работать творческий человек, стараются не думать. А рядом квалифицированный филолог-классик, автор многих статей о культуре древней Греции, переводчик философских трактатов Аристотеля, служит лифтером, и почему-то никто не видит в этом трагедии. На мой взгляд, не случилось бы трагедии, если бы в лифтеры ушла Маша, уступив свое место более достойным.

Маш много, и беда в том, что иные из них не просто бездельничают, а чтобы закрепиться, вступают на все ту же чиновничью стезю и путаются под ногами у других. <...> Есть разные позиции: обывательская, безусловно, более низкая, чем научная; и жизненная – самая высокая. Перепутать их легко. Обывательскую точку зрения большинство и разделяет, и приветствует; жизненную же – не понимает и осуждает»²⁶.

На самом деле, со многими нормальными в институте и в музеях, архивах «Машами» А. А. Формозов, конечно, вполне искреннее уважительно общался. Но стоило ему печатно отметить псевдофеминистскую тенденцию в нашей науке, как большинство ученых дам обиделись, приняли на свой счет. Таковы вообще побочные последствия публично высказанной правды.

Оценки политических режимов в старой, новой и новейшей истории России

Политические взгляды, прямо повлиявшие на историографические предпочтения и оценки А. А. Формозова, были непростыми. С одной стороны, как и по-

²⁶ Формозов А. А. Рассказы об ученых. Курск, 2006. С. 97.

ложено советскому школьнику, студенту, аспиранту и научному сотруднику он осуждал темные стороны дореволюционного прошлого – не жаловал царизма, вообще имперской идеи и политики. Но патриотом родины был верным, искренним. Уже с рубежа 1950–1960-х гг., когда все в истории у нас было только советским, а «история СССР» начиналась с каменного века, Саша Формозов умудрялся писать и публиковать книги о прошлом *русской* археологии, потом о каменного века на территории *России*. Их отметили даже в эмигрантской среде, как некий странный для советской цензуры симптом. Так, княгиня Зинаида Алексеевна Шаховская благосклонно отрецензировала его «Очерки по истории русской археологии» в парижской «Русской мысли».

«Государство и общество, – решил Формозов, – не синонимы, а антиподы» (С. 222). Получается странный лозунг: за русский народ, каковы бы ни были его недостатки, но против российского государства, и прежнего, и нынешнего? Почти также считали нигилисты разных мастей, радикалы второй половины XIX – начала XX века. В этом плане ученый выходил если и не «красный» идеологически, то «розовый». Это позволило ему оценить и показать читателям нескольких замечательных разночинцев, сопричастных становлению отечественной археологии. Но это же помешало ему отдать должное многим родовитым, сановным ее же основателям. Среди верноподданных и чиновных исключение делалось лишь для четы Уваровых. Алексея Сергеевича и Прасковью Сергеевну историограф ставил исключительно высоко. Однако же их придворные связи, их коммерческую деятельность, без которых в ту пору были невозможны масштабные проекты изучения древностей, исследователь игнорировал. Тему «Археология и самодержавная власть» стали разрабатывать уже после Формозова²⁷.

С другой стороны, мемуарист признается, что и его отцу, и ему лучше жилось и работалось бы при этом самом царизме, в указанный только что период третьей четверти XIX века. Советскую власть осуждал беспощадно. Точно так же, как «белые». «... На традиционный вопрос “Что вам дала советская власть?” – я бы ответил за отца: “Ничего хорошего. Все, что у меня есть, я получил бы и без нее, не сталкиваясь при этом со множеством мерзостей”» (С. 23). Быстро испарились у начинающего археолога остатки иллюзий насчет социализма: «Жизнь без наживы – заветная участь»; «жилье, образование давали бесплатно»; «лечили бесплатно», «в санатории все ездили ежегодно»... Потерянными во многом оказались поколения, которые почти весь свой век, лучшие свои годы простояли в вечных очередях за самым необходимым; протеснились в коммуналках; получали собственную комнату на седьмом десятке лет, как Формозов старший; которых бесплатно лечили от недугов, которыми и награждал их же репрессивный

²⁷ См., напр.: *Смирнов А. С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., 2011.

режим; а главное, те, что потеряли родных и близких ни за что. Так что тоталитаризм советского типа мемуарист оценивал трезво и откровенно ненавидел – в отличие от многих современных политологов, объявлявших его выдумкой врагов России.

Отмечал ветеран науки и противоречивость реформ 1990-х годов. Дав свободу слова и передвижения, они сделали нищими науку и культуру. Усилили бегство умов из России.

Привели к власти деятелей все той же советской, коммунистической выделки. В Польше, Германии провели чистку государственных учреждений от бывших коммунистических функционеров. В нашей стране, с горечью отмечал Формозов, ни тени люстрации. Поэтому, в частности, внешне демократические формы организации науки остаются в России коррумпированными. Гранты РГНФ, РФФИ распределялись, на его взгляд, далеко не всегда справедливо, в узком кругу нескольких администраторов от академии да высшей школы. Уже после кончины ветерана науки эти фонды теряют в финансировании, ими правят не ученые, а чиновники.

Получилось, из огня да в полымя попали деятели русской культуры, науки. Рецепты выхода из этой ситуации показались мне у учителя идеалистическими: сплачиваться ячейкам гражданского общества наподобие редакции «Нового мира» при А. Т. Твардовском или труппы первой любимовской «Таганки»; русским биологам, не покорившихся дичайшей лысенковщине; коллективу Института истории материальной культуры 1940-х – 1950-х гг., сумевшего сплотиться и возродить нашу археологию после репрессий и войны; т.п. объединениям по душам и благородным целям.

После массовых митингов и протестов 2011–2012 гг., усиления гражданского контроля добровольцев над выборами в Москве, мне подумалось: «А может, Формозов был прав?».

* * *

Вдова ученого Марианна Казимировна Трофимова, а также его коллеги по Институту археологии, в первую очередь Алексей Николаевич Сорокин и Сергей Владимирович Кузьминых, проделали огромную работу по изданию рукописи «Записок». Они умудрились найти спонсоров, прежде всего – автономную некоммерческую организацию содействия сохранению историко-культурного наследия страны «Наследие», оплативших это, весьма качественное в полиграфическом отношении издание.

Правда, в нем нет привычных и даже необходимых для этого книжного жанра атрибутов. Не помешали бы именной указатель, список сокращений. Однако такого рода справочное оснащение могло и задержать издание, чем при нынешней инфляции и ненадежности финансирования культуры рисковать не стоило.

Книга иллюстрирована портретом мемуариста (на форзаце), очень выразительно передающем его натуру: А. А. Формозов конспектирует архивный документ в музее М. Е. Салтыкова-Щедрина. Помещены портреты почти всех крупных персонажей этих воспоминаний, а также «рабочие моменты» (как говорят археологи) тех экспедиций, собраний, конференций, где участвовал Александр Александрович. Прекрасные иллюстрации.

Археографическая справка предельно краткая. Из нее узнаешь, что «текст “Записок” приводится по рукописи (машинопись с авторской правкой и дополнениями от руки), хранящейся в архиве А. А. Формозова. Автор работал над “Записками” вплоть до своей кончины, доведя повествование до 2000-х годов. Часть текстов, входящий в состав “Записок”, публиковалась при жизни А. А. Формозова в различных изданиях» (С. 5). Остаются вопросы. Будет ли эта и другие рукописи ученого переданы в какое-либо государственное архивохранилище? В посмертных «Записках» он выражает надежду, что те его рукописи, что он сам сдал в архив Института археологии, когда-нибудь будут напечатаны. Производились ли в рукописи купюры? В увидевшем свет тексте воспоминаний даже при самом внимательном чтении не заметно никаких пропусков. В самых откровенных и острокритичных местах имена названы подробнее, чем в прижизненных изданиях; оценки лиц и событий производят впечатление полной авторской аутентичности. Но надежнее все это проверить по архивной рукописи.

Необходимо от всей души поблагодарить Марианну Казимировну и всех ее сподвижников за образцовое по содержанию и форме, предельно скорое по времени обнародование итогового труда А. А. Формозова.

* * *

Мемуарист поделился с нами одним из своих исследовательских замыслов. Название для этой ненаписанной работы впечатляет: «Дерево, из которого режут королей». Так называлось одно из произведений Генрика Ибсена. Формозов же задумывал сравнить образы пяти историков стартового периода нашей гуманитарной науки – М. Т. Каченовского, Н. С. Арцыбашева, Н. А. Полевого, М. П. Погодина, С. М. Соловьева. С 1818 г. (выход в свет «Истории государства российского» А. Н. Карамзина) и до 1851 г. (публикация первого тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева). Каждый из отмеченных авторов пытался дать собственный синтез отечественного прошлого, но после Карамзина это удалось только Соловьеву. Мешали или помогали ученым как личностные их качества, так и общая политическая обстановка. Мемуарист под этим же углом зрения подытоживает и персонифицированный путь советской археологии за весь период ее существования и эволюции. Имена одних гонителей науки (вроде царских обер-прокуроров или советских инструкторов ЦК) забудутся, имена дру-

гих корифеев запомнятся своей замаранной репутацией. Мемуаристу особенно дороги коллеги, в очень сложных условиях моральным нормам не изменившие (С. 184–185).

Из столь же редкого и ценного материала, как и его любимые герои в науке, была жизнью и судьбой изготовлена натура русского археолога и мыслителя Александра Александровича Формозова. Таких личностей в каждой области науки на весь двадцатый век – раз, два и обчелся. Вот у них и нужно учиться в меру сил каждого из нас тому, «как же жить».

Дмитрий Евгеньевич Луконин
(20.07.1972 – 09.12.2013)

Он прожил короткую, но яркую жизнь. И почти вся она была связана с историческим факультетом Саратовского университета. Старшее поколение преподавателей истфака помнит блестящего студента 1989–1994 годов – увлеченного, эрудированного, всегда готового к занятиям. Уже в студенческие годы он удивлял своей начитанностью и высоким культурным уровнем. Его интересовали не только история, но и философия, музыка, кино, компьютерные технологии... Кажется, не было такого предмета, о котором он не имел собственного мнения.

Интерес к античной истории и философии привел его в аспирантуру кафедры истории древнего мира, где он работал над изучением философии мифа и философско-исторических идей Ф. В. Й. Шеллинга, подготовил ряд научных статей.

С 1999 по 2003 год Д. Е. Луконин возглавлял издательский центр Саратовского университета «Темпус», функционировавший при историческом факультете.

Освоив все тонкости издательского производства, Дмитрий Евгеньевич поставил дело так, что «Темпус» полностью удовлетворял издательские потребности факультета. Это была настоящая эпоха в жизни факультета, когда преподаватели и аспиранты исторического факультета (и других факультетов тоже) имели надежную и оперативную базу для публикации своих научных и методических трудов. Приходится только удивляться, что, руководя этим непрерывным производством, Д. Е. Луконин успевал публиковать свои научные статьи и начал работать в качестве ответственного секретаря «Историографического сборника».

В 2001–2003 годах Д. Е. Луконин был ассистентом Мегапроекта Института открытое общество по поддержке и развитию кафедры истории России в сотрудничестве с Санкт-Петербургским институтом истории РАН. Он тщательнейшим образом вел документацию проекта, участвовал в его научных и издательских акциях и заслужил уважение и саратовских, и петербургских коллег.

С сентября 2003 года началась работа Дмитрия Евгеньевича в качестве преподавателя кафедры туризма и культурного наследия исторического факультета. Одновременно он стал соискателем кафедры истории России и приступил к изучению темы «Беляевский кружок в художественной жизни России (80-е гг. XIX – начало XX в.) под руководством О. Ю. Абакумова. Он написал и защитил в 2009 году блестящую работу на стыке истории и искусствоведения, основанную на уникальных архивных документах. Изучив деятельность Беляевского кружка, Д. Е. Луконин подошел к решению важнейшей задачи – раскрытию содержания национальной идеи в русском музыкальном искусстве рубежа веков.

Разносторонней была преподавательская деятельность Д. Е. Луконина. Ему по плечу были самые разнообразные курсы: от теории искусства до компьютерных технологий в туризме.

Большую работу Дмитрий Евгеньевич вел в качестве ответственного секретаря «Историографического сборника» (выпуски 19–24); здесь же был помещен ряд его статей.

Дмитрий Евгеньевич был человеком глубоко преданным родному факультету, одним из самых востребованных его преподавателей, щедрым на помощь и неконфликтным коллегой, интересным собеседником, талантливым исследователем. Он был Человеком культуры, подлинным интеллигентом. Будем помнить его таким – красивым, молодым, талантливым...

Редколлегия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИМАО – Императорское Московское археологическое общество
ИОЛЕАЭ – Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИРАО – Императорское Русское археологическое общество
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
ЛЗАК – Летопись занятий Археографической комиссии
НОЛД – Новгородское общество любителей древности
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПНиНЗ – Прошлое Новгорода и новгородской земли
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
РИО – Русское историческое общество
РАН – Российская Академия наук
Сб. – Сборник
СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Ковалев М. В., Мезин С. А.</i> (Саратов) К юбилею двух саратовских историков: Л. А. Дербов и Г. Д. Бурдей.....	3
<i>Биткинова В. В.</i> (Саратов) Натан Эйдельман и бардовская поэзия.....	12
<i>Сафонов М. М.</i> (Санкт-Петербург) М. Н. Покровский и столетний юбилей восстания декабристов	29
<i>Зайцев М. В.</i> (Саратов) История российского города XVIII–XIX вв. в работах И. И. Дитятина.....	36
<i>Майорова А. С.</i> (Саратов) Культура Саратовской губернии конца XVIII – середины XIX века в историко-региональных исследованиях	50
<i>Рабинович Я. Н.</i> (Саратов) Архив графов Делагарди в Тарту: его история и изучение	66
<i>Эльфонд И. Я.</i> (Саратов) Место «Франкогаллии» Ф. Отмана во французской историографии Ренессанса.....	83

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Мезин С. А.</i> Биография Петра I во французской газете 1725 года.....	101
<i>Ковалев М. В.</i> «Всю жизнь Любавский не прерывал энергичной исследовательской работы»: неопубликованная статья А. А. Кизеветтера «Научно-исторические труды М. К. Любавского».....	114
<i>Троцкий Н. А.</i> (Саратов) История одного заказа от Серебряной Палаты Ее Величества королевы Дании в СГУ им. Н. Г. Чернышевского.....	118

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Степанов Ю. Г.</i> (Саратов) Ричард Пайпс об истории России	122

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Щавелев С. П.</i> (Курск) «Я правду об тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи» (А. А. Формозов и его воспоминания)	145
Дмитрий Евгеньевич Луконин (20.07.1972 – 09.12.2013).....	171
Список сокращений.....	173

Научное издание

Историографический сборник

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1962 году

В ы п у с к 25

Технический редактор *В. В. Володина*

Корректор *Е. Б. Крылова*

Оригинал-макет подготовила *Ю. А. Алёшина*

Подписано в печать 03.03.2014. Формат 60x84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,23 (11,00). Тираж 100 экз. Заказ 29-Т.

Издательство Саратовского университета.

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Типография Саратовского университета.

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.

(8452) 27-33-85